

Дорожникъ по СИБИРИ и АЗИАТСКОЙ РОССИИ

ITINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 4.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Содержаніе.

	Стр.
I. Городъ Павлодаръ Семипалатинской области, очеркъ <i>А. И—скаго</i> .	1
II. Отъ Томска до Яренска, <i>К. Я—скаго</i>	7
III. Повѣсть о черной лисицѣ, разсказъ <i>А. Ключе</i>	16
IV. Пелымскій край, очеркъ <i>А. Бахарева</i>	35
V. Подъ диктовку сердца (тема для романа), <i>Всеволода Сибирскаго</i> .	44
VI. Три стихотворенія, <i>П. К. и Дм. Вольфсона</i>	52 и 53
VII. По Алтаю, <i>П. Дмитріева</i>	54
VIII. О знахарствѣ въ Западной Сибири, очеркъ <i>Г. Н. Кляевскаго</i> . .	59
IX. Въ пути, стихотв. <i>Всеволода Сибирскаго</i>	66
X. Сибирскіе чиновники былого времени, <i>Н. Гурьева</i>	67
XI. Роль Сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи края <i>Ю. О. Горбатовскаго</i>	70
XII. На праздникъ у китайцевъ (разсказъ), <i>Н. М.</i>	75
XIII. Это онъ! (изъ фантастич. разсказовъ о Святой ночи), <i>Братскаго</i> .	79
XIV. Библиографія, <i>Р. Л. Вейсмана</i>	88
XV. Открытіе Юридическаго Общества при Имп. Томск. универс., <i>Редак.</i>	91
XVI. Открытіе Томской биржи	93
XVII. Communications par eau de la Sibérie	1
XVIII. Complément.	5
XIX. Объявленія.	

Портреты, виды и типы (Portraits, vues et types):

1) Якутъ, несущій вѣтку (лодку) изъ березовой коры. (Un Iakoute portant un bateau fait d'écorce de bouleau, appelé chez eux „wiétka“). 2) Якуты, мнущіе сыромятную кожу и охотящіеся на бѣлку. (Iakoutes chiffonnant un cuir non tanné, et l'un d'eux chassant les écureuils). 3) „Ураса“—старинное жилище якутовъ. (Un urasse, ancienne habitation des Iakoutes). 4) Китайская кумирня. (Un temple d'idoles chinoises).

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Дорожникъ

ПО СИБИРИ и АЗИАТСКОЙ РОССИИ

ITINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 4.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

1901 г.

Апрель

Томскъ

Содержание

Дорожные

По сему в Азиатской России

Томскъ

Дозволено цензурою. Томскъ, 26 апрѣля 1901 года.

А. Кнута

Томскъ

Издательство Томского университета

1901

Г. Павлодаръ, Семипалатинской обл.

(Окончаніе, — см. 3-ю кн. „Дорожника“ за тек. годъ).

Жителей въ Павлодарѣ тысячъ шесть съ небольшимъ*). Городъ населенъ казаками, киргизами, татарами и въ послѣднее время разнымъ пришлымъ элементомъ, составляющимъ изъ себя самое незначительное меньшинство. Главный и преобладающій элементъ населенія—казаки. Казаки народъ въ высшей степени миролюбивый и не походятъ на своихъ сородичей донскихъ казаковъ; народъ хотя и способный, но въ тоже время очень лѣный, неподвижный и какой-то безпечный. Казаки почти всѣ земледѣльцы и живутъ зажиточно, но, тѣмъ не менѣе, „лѣнь и безпечность“—обычныя свойства каждаго казака. Казаки страшные любители лошадей; у каждаго домовладѣльца казака имѣется ихъ по нѣсколько головъ, рѣдко меньше десятка, и любятъ они, по преимуществу, рысистыхъ лошадей. Для того чтобъ пріобрѣсти хорошихъ лошадей, казакъ не жалѣетъ денегъ. Казаки также большіе любители выпить и погулять, а потому особенною нравственностью не отличаются. Любятъ себя показать и блеснуть своею удаley и молодечествомъ, и иной разъ не прочь и „прихвастнуть“, особенно передъ киргизами. Съ послѣдними у нихъ постоянно идетъ соперничество по части верховой ѣзды и поэтому поводу устраиваются между ними иногда и состязанія, при чемъ побѣдителями бывають попеременно то киргизы, то казаки. По части „выкидыванія разныхъ штукъ и фортелей“ при отчаянной бѣшеной ѣздѣ казаки берутъ верхъ, хотя есть и между киргизами настоящіе джигиты и наѣздники, мало въ чемъ уступающіе даже и цирковымъ наѣздникамъ. Казаки съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже умѣютъ говорить по киргизски, иногда даже и между собой объясняются на этомъ языкѣ. Вообще, казаки съ киргизами живутъ очень дружно. Киргизъ боится казака, а потому и уважаетъ его, а казакъ въ киргизѣ видитъ необходи-

*) По всеобщей переписи 1897 г. жителей въ Павлодарѣ, считая въ томъ числѣ и населеніе пригородной станицы Коряковской, 7730 (4160 м. п. и 3570 ж. п.).

маго для себя человека, безъ котораго обойтись ему нельзя, и потому между ними и существуетъ дружба, рѣдко чѣмъ либо нарушаемая. Киргизы и татары живутъ въ такихъ же домахъ, какъ и русскіе, но нѣкоторые, особенно киргизы, въ землянкахъ на краю города. Постройки ихъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, развѣ только тѣмъ, что во дворахъ у киргизъ, обыкновенно, болѣе грязи и навозу, чѣмъ у казаковъ; такъ какъ киргизы, вообще, народъ очень неопрятный.

Лучшее впечатлѣніе производятъ татарскія постройки. Онѣ богаче и красивѣе и въ нихъ больше порядка и чистоты. Татаръ живетъ въ городѣ не меньше, чѣмъ киргизъ. Татары живутъ очень зажиточно, имѣютъ всегда по нѣсколько лошадей и рогатаго скота; есть между ними и богатые купцы, и скотопромышленники. Послѣдніе встрѣчаются и среди киргизъ, но богатыхъ скотопромышленниковъ киргизъ въ городѣ мало; они, преимущественно, живутъ въ степяхъ, гдѣ и имѣютъ громадныя табуны лошадей и рогатаго скота, иногда въ нѣсколько тысячъ головъ. Въ городѣ же живутъ киргизы уже обрусѣвшіе, хотя и сохраняющіе свои вѣру и языкъ, но прекрасно владѣющіе русскимъ языкомъ и вездѣ принятые. Есть между городскими киргизами и интеллигентные, учившіеся въ русскихъ начальныхъ школахъ, въ учительскихъ семинаріяхъ, а также въ фельдшерскихъ и ветеринарныхъ школахъ, умѣющіе даже танцовать, любящіе бывать въ общественномъ собраніи и любители карточной игры, носящіе иногда даже и русскую одежду (впрочемъ, — въ очень рѣдкихъ случаяхъ).

Надо замѣтить — киргизы дорожатъ своею національною одеждою и обычаями и рѣдкій изъ нихъ разстается со всѣми своими національными привычками — также, какъ и татары. Чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ у него роскошнѣе одежда и головной уборъ. Ихъ любимый нарядъ — яркій пестрый халатъ съ узорами или цвѣтами изъ шелковыхъ или шерстяныхъ матерій; „малахай“, т. е. головной уборъ, изъ дорогого мѣха, опушенный соболемъ или горностаемъ и покрытый сверху дорогимъ атласомъ.

Татары — тѣ меньше любятъ одѣваться въ дорогія одежды, чѣмъ богачи киргизы. Богатые татары мало отличаются по одеждѣ отъ менѣе зажиточныхъ. Та же татарская высокая мѣховая шапка или круглая бѣрашковая, или мерлушковая мелкодонная шапка, и тѣ же „коты“.

Тѣ и другіе, народъ въ высшей степени спокойный и тихій; вѣчно заняты своимъ дѣломъ; въ особенности татары, изъ которыхъ большая часть торговцы.

Присутствіе въ городѣ киргизъ съ ихъ характернымъ образомъ жизни и привычекъ придаетъ Павлодару характеръ настоящаго степного города. Тѣ же картины, какія вы видите въ

степи, встрѣтите и въ городѣ. Тѣ же киргизы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, тѣ же безобразно-уродливые верблюды, тѣ же скрипучія арбы. Только тамъ, въ степи, попадаетея все это сравнительно рѣже, чрезъ большіе промежутки времени, а здѣсь — на каждомъ шагу.

Кромѣ живущихъ здѣсь постоянно киргизъ, въ городѣ днемъ ихъ наѣзжаетъ еще много изъ степи и ближнихъ ауловъ. Степного киргиза вы рѣдко встрѣтите здѣсь одного; они собираются почти всегда кучками. Одни изъ нихъ сидятъ на „корточкахъ“ по киргизски у телѣги или арбы; другіе верхомъ на коняхъ; третьи на волахъ, коровахъ или верблюдахъ; а иные, растянувшись на землѣ, апатично и безучастно глядятъ въ небо, а то и такъ стоятъ. Иногда достаточно тремъ-четыремъ изъ нихъ собраться, какъ скоро къ нимъ присоединится цѣлый десятокъ ихъ. И сидитъ эта куча киргизъ иногда по цѣлымъ часамъ подъ палящими лучами лѣтняго солнца, изрѣдка лишь переговариваясь межъ собой, или просто съ любопытствомъ осматривая каждаго проходящаго съ головы до ногъ, а иной разъ — и просто смотрятъ вверхъ. Киргизъ любопытенъ и лѣнивъ. Случается цѣлые дни онъ разъѣзжаетъ верхомъ на конѣ изъ конца въ конецъ по городу и по степи, чтобы поразнообразить свои скудныя впечатлѣнія, узнать что-нибудь новенькое, а то и такъ поглазѣть. Киргизъ всегда на вольномъ воздухѣ; какъ дитя природы, онъ не любитъ сидѣть ни въ домахъ, ни въ юртахъ, эособенно лѣтомъ. Мѣховая шапка, спускающаяся на уши и на шею, теплый ватный халатъ, подпоясанный ремнемъ съ металлическими бѣлыми (у богатыхъ — серебряными) бляхами, теплые, съ кошмою въ срединѣ, кожаные сапоги — вотъ обычный костюмъ киргиза и лѣтомъ и зимою; съ нимъ онъ рѣдко разстается. А во время работъ въ лѣтнюю пору, когда не въ моготу ему будетъ жаръ, — такъ онъ, ни мало не стѣсняясь, и все сброситъ съ себя. Ребятишки киргизы лѣтомъ бѣгаютъ почти голякомъ.

Куда бъ вы ни пошли по городу и въ какое угодно время дня — вы всегда встрѣтите эти разношерстные кучки киргизъ, нерѣдко и киргизокъ, взадъ и впередъ снующихъ по городу. Пѣшаго киргиза рѣже можно встрѣтить; онъ почти всегда на конѣ, съ которымъ, вообще, рѣдко разлучается.

Вѣчно хладнокровные и спокойные, съ какимъ то тупымъ равнодушіемъ на лицѣ, грязные и часто оборванные, пріѣзжающіе въ городъ киргизы производятъ крайне грустное и непріятное впечатлѣніе. Что-то забитое и подавленное невольно бросается въ глаза въ этихъ неуклюжихъ и неповоротливыхъ фигурахъ, какими представляется большая часть бѣдняковъ киргизъ (постоянно въ городѣ живутъ, имѣя даже и собственные дома,

преимущественно, богачи изъ киргизъ). Вообще, въ городѣ киргизъ чувствуетъ себя „не въ своей тарелкѣ“, точно звѣрь въ клѣткѣ; ему все чуждо здѣсь; онъ не привыченъ къ городу,—его стихія, его родина и кровь—широкая безпредѣльная степь, гдѣ онъ чувствуетъ себя свободнымъ и полнымъ хозяиномъ. Въ городѣ онъ пріѣзжаетъ лишь на время. Надоѣстъ ему взадъ и впередъ скакать по степи,—онъ ѣдетъ позвать въ городъ, встрѣтить знакомаго или пріятеля „тамыр“, поговорить, поболтать на досугѣ, продать барана или коня и на вырученные деньги купить что-нибудь для себя или для своихъ „бабич“. Прежде чѣмъ купить въ лавкѣ, киргизъ цѣлый день будетъ торговаться, совѣтоваться, думать, присматриваться и опасаться, чтобъ его не надули... и все таки, въ концѣ концовъ, не замѣтитъ, какъ его обвѣсятъ или обсчитаютъ, умѣющіе ладить, надувать и жить въ дружбѣ съ ними—павлодарскіе прикащики и купцы.

„Киргизы народъ податливый, съ ними завсегда можно коммерцію поддержать“—такъ, обыкновенно, выражаются про нихъ ихъ павлодарскіе друзья—торговцы и купцы, наживающіе на торговлѣ съ ними въ короткое время цѣлые капиталы. Киргизъ рѣдко имѣетъ деньги, онъ больше отдаетъ „натурой“, а товары въ лавкахъ беретъ чаще въ долгъ въ счетъ будущаго сѣна или приплода отъ скота. Рѣдкій изъ бѣдныхъ киргизъ не состоитъ должникомъ у какого нибудь павлодарскаго купца или обывателя, а то и у своего собрата—богача киргиза. Забитый и не-вѣжественный, любящій „полодарничать“ киргизъ, незамѣтно для самого себя, охотно позволяетъ эксплоатировать собой и своимъ имуществомъ. Вотъ почему и всѣ, ведущіе торговые дѣла съ киргизами, быстро наживаютъ въ короткое время большіе капиталы. Киргизъ знаетъ это; знаетъ что его вездѣ и во всемъ надуваютъ, а потому и самъ не прочь надуть, и въ этомъ случаѣ, если захочетъ,—промахъ рѣдко дастъ. Но, не смотря на это, киргизы съ русскими, въ особенности съ купцами, живутъ въ въ большомъ ладу, сознавая взаимную необходимость другъ въ другѣ. Русскій купецъ у киргиза первый гость; онъ для угощенія его все готовъ отдать: заколетъ для него лучшаго барана, зажаритъ кусокъ лучшей конины вдоволь напоить лучшимъ кумысомъ. Кромѣ того, тѣ и другіе иногда обмѣниваются подарками, причемъ павлодарскій купецъ въ этихъ случаяхъ себя никогда не обидитъ и всегда сумѣетъ остаться „съ барышемъ“.

Въ послѣднее время всѣ поденные и чернорабочіе и даже почти всѣ извозчики въ Павлодарѣ—почти исключительно киргизы. Большинство ихъ знаютъ лишь немного по русски; всѣ же остальные, особенно степные, не знаютъ почти ни одного русскаго слова. Каждый киргизъ рабочій, если онъ только недавно въ городѣ, прежде всего выучивается просить; первыми его словами

на русскомъ языкѣ «*на водка бай*» (хотя водки и не пьютъ), или, складывая губы и вдыхая въ себя воздухъ и указывая пальцемъ въ ротъ, произносить: „*давай папироска*“. Надо замѣтить, что табакъ у нихъ начинаетъ входить въ употребленіе лишь въ послѣднее время и то больше среди городскихъ киргизъ и, вообще киргизъ, возвращающихся среди русскихъ, большею частью рабочихъ — у русскихъ подрядчиковъ, купцовъ, горнопромышленниковъ.

Рабочаго киргиза вездѣ теперь можно встрѣтить въ городѣ; онъ и кучеръ, и работникъ, и разсылный; онъ же и носильщикъ на пароходахъ и дровокладъ; онъ же и паромщикъ, — всюду и вездѣ онъ годенъ для работъ. Киргизъ прежде всего и дешевъ и содержаніе его недорого; наконецъ, онъ и невзыскателенъ, хотя и лѣнивъ, но сильный и здоровый, и если захочетъ, то можетъ работать, какъ хорошая рабочая лошадь, не зная усталости. На пароходахъ и баржахъ всѣ поденные рабочіе — киргизы. Интересно наблюдать, какъ иногда группа киргизъ тащитъ какую нибудь тяжесть. Если здѣсь нужна сила трехъ — четырехъ человѣкъ, ихъ всегда берется восемь — десять, и всѣ съ крикомъ и какимъ то дикимъ визгомъ суется, толкаются, показываютъ, что надрываются, — лишь бы хозяева видѣли, и дали бы имъ на чай за то, что они изъ всѣхъ силъ стараются. А выйти лѣтомъ на Иртышъ — весь берегъ всегда усаженъ киргизами. Здѣсь они и одеждой иногда не стѣсняются. Перевозчики на паромѣ, перевозящемъ пассажировъ съ одного берега на другой, — всѣ киргизы, и лишь замѣтятъ, что пассажиръ при деньгахъ, то стараются грести изъ всѣхъ силъ, кричатъ, ругаются, одинъ другаго подбадривая, и паромъ живымъ манеромъ доставляютъ на другой берегъ, послѣ чего тотчасъ же обступаютъ толпой пассажира, крича ему: „*бай, бай, акча давай водка*“, и не отступятъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ него „на чай“. А получивъ послѣднее, стараются тутъ же затащить пассажира къ себѣ въ юрту и угостить его, конечно за деньги, кумысомъ, всегда имѣющимся у нихъ въ запасѣ.

Помимо казаковъ, киргизъ и татаръ, въ Павлодарѣ живетъ много и евреевъ, преимущественно ремесленниковъ, потомковъ ссыльныхъ. Въ послѣднее время на окраинахъ города стали селиться въ Павлодарѣ и крестьяне-переселенцы изъ Европейской Россіи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ Павлодарскомъ уѣздѣ стали разрабатываться разные рудники, пріиска и каменноугольныя копи. Часть этихъ крестьянъ отправлялась на эти рудники и копи, а часть промышляла въ городѣ поденной работою и извозомъ.

Что касается „интеллигенціи“ города, то ея здѣсь немного. Нѣсколько человѣкъ изъ лицъ администраціи, два врача, нѣ-

сколько офицеровъ, учителя, мѣстное русское купечество, да чиновный людъ. Казалось бы, скука и борьба съ нею могли бы сплотить этотъ небольшой кружокъ интеллигентныхъ лицъ въ одно дружное общество, способное къ разумной и полезной общественной дѣятельности; но на дѣлѣ этого нѣтъ. Общество это раздѣлено на нѣсколько отдѣльных кружковъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею собственною внутреннею жизнью, не выходящей изъ круга мелочей и интересовъ домашняго очага. Кружки эти часто находятся во взаимой враждѣ, полной разныхъ интригъ, дразногъ и сплетенъ. Вообще, общественная жизнь здѣсь не развита также, какъ и въ другихъ маленькихъ городахъ Сибири. Впрочемъ, зимой, когда на р. Усолкѣ стоитъ на зимовкѣ много пароходовъ, общественная жизнь нѣсколько оживляется; устраиваются подчасъ даже и любительскіе спектакли, хотя и рѣдко.

И, вообще, за послѣдніе 3—4 года Павлодаръ началъ оживляться. Во первыхъ, съ образованіемъ Товарищества Западнаго Сибирскаго пароходства и торговли, пассажирское и товарное движеніе по Иртышу значительно увеличилось, что тотчасъ же отразилось и на торговлѣ Павлодара. Во вторыхъ, въ послѣдніе два-три года въ окрестностяхъ Павлодара, какъ я уже упоминалъ выше, начали разрабатываться каменноугольныя копи, эксплуатируемыя новообразовавшимся „Воскресенскимъ Горно-Промышленнымъ Обществомъ“, поставившимъ дѣло разработки этихъ копей на широкихъ началахъ. Для какой цѣли оно даже построило и желѣзно-дорожную вѣтку на 110 верстъ—отъ Воскресенской пристани къ Экибасъ-Тузскимъ каменноугольнымъ копиямъ. Кромѣ угля, общество разрабатываетъ и разную руду—мѣдную, платиновую и др. Съ открытіемъ дѣйствій этого общества въ городъ стали прибывать съ разныхъ сторонъ большія партіи рабочихъ, служащихъ—и городъ сразу оживился. Торговля увеличилась, цѣны на продукты поднялись и спросъ на квартиры увеличился, отчего, разумѣется, онѣ сейчасъ же и поднялись въ цѣнѣ.

Кромѣ торговли скотомъ и кожами и хлѣбныхъ операцій, многіе жители Павлодара занимаются еще соляными промыслами.

Богатство же залежей каменнаго угля, въ изобиліи находящихся почти по всему Павлодарскому уѣзду, нахожденіе залежей мѣдной и др. рудъ, удобная пристань на берегу Иртыша, торговля сношенія съ Омскомъ, Семипалатинскомъ и ближайшими городами Семипалатинской области—*предвѣщаютъ Павлодару блестящую будущность*, какъ крупнаго центра горнопромышленной дѣятельности этого края. Въ послѣднее время, съ заселеніемъ этого края крестьянами переселенцами, занимающимися исключительно земледѣліемъ, оно стало понемногу прививаться и среди

нѣкоторыхъ киргизъ, бросающихъ мало-по-малу свой кочевой образъ жизни и постепенно переходящихъ къ осѣдлому. Такимъ образомъ, если сейчасъ Павлодаръ и не служитъ центромъ хлѣбнаго рынка, то со временемъ долженъ будетъ занять крупное мѣсто и въ этомъ отношеніи.

Соединеніе Павлодара желѣзной дорогой съ другими городами Сибири и особенно съ сибирской магистралію значительно оживило бы этотъ богатый и какъ бы заброшенный степной край и вмѣстѣ съ этимъ помогло бы обрусѣнію этого края, гдѣ русскій элементъ какъ бы теряется среди господствующаго киргизскаго племени. Необходимость проведенія здѣсь желѣзной дороги является тѣмъ болѣе желательной, что въ послѣднее время, какъ уже замѣчено, Сибирскія рѣки стали значительно мелѣть.

А. И—скій.

Отъ Томска до Яренска.

(Дорожныя надлюденія и встрѣчи).

(Продолженіе, -- см. 1, 2 и 3 кн. „Дорожника“ за тек. годъ).

19 сентября.

Пройдя церковь и дома причта, расположенные на берегу Малой Двины, мы достигли спуска къ рѣкѣ, на пристань пароходнаго общества „Котласъ—Архангельскъ—Мурманъ“. Къ плывучему дебаркадеру ведетъ широкая, съ площадками, лѣстница, надъ которой возвышается красивая голубая арка. И та и другая устроены по случаю проѣзда въ 1898 году по Вологодской губ. великаго князя Сергія Александровича и выхода его въ Котласъ съ парохода.

На дебаркадерѣ никого видно не было, какъ и на всей пристанѣ еще царила тишина.

— Гдѣ же помѣщаются пассажиры?—спросилъ я носильщика, видя помѣщеніе и по правую и по лѣвую сторону прохода посрединѣ дебаркадера, и свѣтлый мезонинъ.

— Тутъ помѣщаются,—указалъ онъ на комнату по правую руку,—и на верху. Я думаю, вамъ лучше наверхъ. Тамъ—мотнулъ онъ головой вправо—грязно и душно. Много народу всякаго набивается, сидѣть—и то негдѣ.

Въ это время изъ помѣщенія слѣва вышелъ какой то чело-вѣкъ въ высокихъ сапогахъ, пиджакъ и теплой зимней шапкѣ.

— Пожалуйте наверхъ,—басомъ проговорилъ онъ.

Мы поднялись. Мезонинъ оказался очень чистенькимъ, свѣтлымъ и удобнымъ. Боковыя стѣны его были совершенно глухія; зато—обращенныя къ рѣкѣ и къ берегу имѣли итальянскія окна, растворявшіяся для выхода на балконъ. Посреди комнаты стоялъ большой круглый столъ и скамьи со спинками, а на столѣ вмѣстительный грязный самоваръ, который, пыхтя, насвистывая и съ яростью выбрасывая клубы пара, наполнялъ комнату специфическимъ запахомъ и заволакивалъ туманомъ стекла оконъ. За столомъ сидѣли три господина, управляясь около разложенныхъ холодныхъ закусокъ и стакановъ съ чаемъ.

Мы раскланялись.

— Не желаете ли стаканчикъ чаю?—предложилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, господинъ лѣтъ 32, въ пальто и пушкинской шляпѣ.

Въ дорогѣ много церемонится не приходится. Отказываться было бы глупо, тѣмъ болѣе, что страшно томила жажда. Я поблагодарилъ и согласился.

— Вы съ поѣзда?—обратился онъ ко мнѣ.

— Съ поѣзда...

— Вы въ которую сторону? На Устюгъ, Архангельскъ или Устьсысольскъ?

— Въ Яренскъ... На вокзалѣ мнѣ сказали, что раньше, какъ вечеромъ завтра парохода не будетъ.

— Вѣроятно. Хотя въ росписаніи значится полдень, но, вѣдь, оно не выполняется въ точности. Мы будемъ счастливы, если и вечеромъ то укатимъ отсюда.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что здѣсь не заживусь. Вѣдь, теперь въ нашемъ краѣ замѣчается нѣкоторое оживленіе.

— Да, по Вычегдѣ нынче четыре парохода рейсируютъ всю навигацію,—отвѣтилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.

— Я жду здѣсь второй день, а они—четвертый!—воскликнулъ велосипедистъ, указывая на третьяго компаньона, татарина въ бешметѣ и круглой мерлушчатой шапкѣ.

— Господа, неужели же никакого больше парохода не можетъ пойти?—съ понятнымъ безпокойствомъ спрашиваю я.

— Нѣтъ, не можетъ, категорически отвѣчаетъ, мотая головой, татаринъ.

— Трудно предположить, что бы пошелъ, это правда. Но если и будетъ какой нибудь пароходъ, то ужъ, конечно, не для насъ. У насъ взяты билеты,—пожимая плечами, говорилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.

— Зачѣмъ же вы взяли?—удивился я.

— Потому что заставили взять?

— Заставили?

— Да. Мы ходили въ контору справиться о пароходѣ. Намъ сказали, что онъ отправится, вѣроятно, вечеромъ во вторникъ,

т. е. завтра. Затѣмъ управляющій спросилъ насъ, не на ихъ ли пристани мы помѣстились? Ну, и когда мы отвѣтили, что „да“, онъ предложилъ взять билеты: дескать, вы теперь живете у насъ, а какъ будетъ посторонній чейнибудь пароходъ, то вы и уѣдите на немъ. И фирма, молъ, останется не при чемъ.

— Гм-м... Этакъ, пожалуй, и меня свяжутъ.

— Навѣрно. И приходится соглашаться. Гдѣ же больше расположиться? До деревни цѣлая верста, а здѣсь, какъ видите, очень удобно. Самоваръ получить можно, а обѣдать ходимъ въ Котласъ.

— Вы не пробовали возразить имъ, что, молъ, билегы-то продаете, а вдругъ свободныхъ мѣстъ на пароходѣ не будетъ?

— Говорили, но они должно быть увѣрены въ томъ, что мѣста будутъ. Пассажировъ же, дѣйствительно, собирается порядочно. Вашихъ, яренскихъ, нѣсколько человѣкъ проживаетъ въ Котласѣ.

— Тѣмъ лучше. Такъ пріятно встрѣтить земляковъ.

— Еще бы не пріятно!—Господинъ въ пушкинской шляпѣ хитро улыбнулся.—Двѣ барышни,—въ томъ числѣ и очень недурненькія.

— И они тоже давно дожидаются парохода?

— Приходится ждать.

Да, сиди. жди у моря погоды — и больше ничего: иного выхода нѣтъ. Можно было бы поѣхать на лошадяхъ, но противъ рѣшенія этого немало было вѣскихъ аргументовъ, такихъ, предъ которыми поневолѣ спасуешь. Время осеннее, мѣстность гористая, почва глинистая — можно себѣ представить, что за дорога! Двѣсти верстъ не проѣхать, пожалуй, и въ двое сутокъ, за то какъ намучаешься! И достаточно было воображенію нарисовать картину ѣзды на колесахъ, какъ всякое желаніе „поспѣшить“ пропадало и являлось терпѣніе „сидѣть и ждать“.

„Сидѣть и ждать“... Но, вѣдь, нельзя же поставить на балконѣ табуретку или скамью, сѣсть на нее и ждать! Нужно чѣмънибудь заняться, что ли! А чѣмъ? Читаніемъ, отъ котораго станетъ отвлекать каждый шумъ на рѣкѣ, свистокъ, разговоръ внизу о пароходахъ и т. под.? Прогулкой по Котласу, съ которой, пожалуй, побѣжишь „сломя голову“ на пристань, завидя пароходъ и не зная, куда онъ идетъ? Сномъ? И поневолѣ позавидуешь поклонникамъ Бахуса, которые не оказались бы въ моемъ положеніи, а, усердно поклонившись этому богу своему, безъ всякихъ разсужденій, скукъ и боязни опоздать, дожидались бы парохода.

— Вы ужъ свыклись здѣсь, господа, а? Какъ вы время проводите? Вѣдь, скучно же...—полюбопытствовалъ я.

— Ничего, привыкли. Гуляемъ, чай пьемъ, читаемъ, ходимъ пообѣдать, пройдемся да опять за чаекъ,—отвѣчалъ господинъ

въ пушкинской шляпѣ.—Время движется. Третьяго дня мы съ (онъ назвалъ велосипедиста по имени и отчеству) въ гости ходили. За рѣкой верстъ за пять есть село,—такъ туда, къ священнику, моему товарищу по семинаріи. Интересно мы обратно шли. За полночь ужъ, темно было,—сегодня вотъ лунная ночь выдалась, а вчера все небо было покрыто черными тучами и луна не свѣтила,—дороги нѣтъ, только чуть замѣтная тропинка пожнями проходить. У него былъ взять газовый фонарикъ отъ велосипеда, но испортился что то и потухъ. Зажечь его снова не могли. Все бы это ничего, добрались кое-какъ до перевоза, что противъ пристаней. Но вотъ горе: перевоза настоящаго нѣтъ, а рыбакъ, который перевезъ насъ впередъ, ушелъ домой! Кричали мы, кричали,—не меньше, какъ часа полтора, весь голосъ потеряли,—едва докричались. Спасибо, Василій пріѣхалъ за нами, а то бы—хоть ночуй на лугу.

— Какъ видно, вы не скучаете. Тѣмъ лучше. Хоть не такъ медленно тянется время.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ времена различны,—продолжалъ, выходя изъ за стола, господинъ въ пушкинской шляпѣ.—Теперь какихъ нибудь два—три дня ждешь на пристани пароходъ—и недоволенъ. А прежде, когда я учился въ семинаріи,—ждешь, бывало, ждешь парохода, недѣлю, двѣ,—и нечего! Скверно, конечно, чувствуешь себя при этомъ,—но ничего! Куда дѣнешься? Пѣшкомъ не пойдешь, а на лошадяхъ чуть не 900 верстъ.

— Такъ что мы должны благодарить судьбу за то, что нынче столько и такъ ждать не придется,—быстро выходя на балконъ, сказалъ велосипедистъ, въ тоже время присовокупивъ: я слышу, какъ будто шумить пароходъ. Ужъ не „Сухона“ ли?

Всѣ вышли на балконъ. Вдали, за островомъ, образовавшимся отъ наноснаго песку при впаденіи Сухоны въ Вычегду, изъ за мелкаго ивняка, видны были двигавшіяся мачты. Дымъ черными и сѣрыми клубами выкатывался изъ трубы и, оставаясь позади, темнымъ облачкомъ плылъ надъ горизонтомъ и терялся въ воздухѣ. Однообразный стукъ колесъ по водѣ до нашего слуха доносился все слышнѣе. Трудно было узнать, откуда пароходъ идетъ,—съ Сѣверной ли Двины или съ Вычегды. Господинъ въ пушкинской шляпѣ напрягалъ свое зрѣніе и мозги на приведеніе доводовъ за то, что пароходъ съ Вычегды, но ошибся.

— До свиданія, господа,—неожиданно сталъ прощаться татаринъ.—Я поѣду въ Устюгъ. Все равно, тамъ можно будетъ сѣсть на „Сухону“. У меня какъ разъ дѣла не окончены. Вещи я сдамъ Василью. Это пароходъ Кострова, по поясу на трубѣ видно.

Минутъ черезъ пять мы видѣли, какъ татаринъ входилъ на костровскій дебаркадеръ.

Пароходъ засвисталъ пронзительнымъ, дребезжащимъ свистомъ. Вотъ онъ сталъ весь видѣнъ на гладкой, стальной поверхности рѣки; возможно стало различить, какъ онъ двигается, какъ вертятся колеса, все отчетливѣе обрисовываются фигуры пассажировъ, стоящихъ на палубѣ, замѣтно даже, какъ съ особенной силой налегаютъ лоцмана на рулевое колесо... Вотъ онъ совсѣмъ близко, снова свиститъ, поворачиваетъ влѣво, даетъ тихій ходъ и медленно подплываетъ къ пристани. Матросы бросаютъ чалку.

— Что мы теперь предпримемъ, господа? — спросилъ велосипедистъ. — Скоро девять часовъ.

Послѣ недолгихъ переговоровъ рѣшили пойти въ деревню, пить молоко. Поднявшись на берегъ, мы нѣкоторое время находились въ затрудненіи относительно того, въ которую сторону направить „стопы своя“: въ тѣ-ли дома, что расположены влѣво отъ церкви, или въ тѣ, что вправо отъ вокзала. Первые, — большею частью старые, сѣрые, — показались намъ бѣдными и мы въ шутку рѣшили, что тутъ живутъ плебеи. Вторые — же, — большіе, новые дома, съ раскрашенными балками, мы сочли за владѣнія буржуа. Опредѣленіе наше отчасти оказалось справедливымъ. Завокзальная часть принадлежала зажиточнымъ крестьянамъ, или устроившимся по какой либо части при желѣзной дорогѣ, или раньше исполнявшимъ какіе либо подряды и т. под., вообще, имѣвшимъ и имѣющимъ отношеніе къ желѣзной дорогѣ. Тамъ же квартировали, преимущественно, служащіе, служителя и рабочіе дороги. Но такъ какъ идти туда было дальше и грязно, то мы направились въ плебейскую половину.

Путь лежалъ по берегу, узкимъ, недавно устроеннымъ, но уже скрипящимъ и двигающимся подъ ногами тротуаромъ. Въ двухъ — трехъ мѣстахъ желѣзнодорожники, очевидно для наслажденія красотой природы и отдыха во время прогулокъ, поставили скамейки. Тротуаръ идетъ, впрочемъ, недалеко, и появленіе его на свѣтъ Божій надо приписать ничему иному, какъ удобству для прогулокъ. Вотъ мы миновали какую то низенькую съ досчатыми сѣнями хибарку, одиноко пріютившуюся на берегу, и, прсйдя еще сажень 70 — 100, вошли въ плебейскій Котласъ. Узенькая, кривая улица, топкая отъ навоза и грязи, смѣшанныхъ съ сѣномъ, соломой, щепками и всякимъ соромъ, вилась между домами. Дома по ихъ архитектурѣ можно подраздѣлить на два типа: новенькіе, чистенькіе (издали ихъ не было видно) домики, на три окна, и болѣе или менѣе старые, большіе, сѣрые, съ разной величины окнами, избы, съ пристроенными позади хлѣвами и сѣновалами. Для того, чтобы во время ходьбы по улицѣ не завязнуть въ грязи, сдѣланы переходы изъ досокъ или набросаны дрова, колья и т. п. хламъ, чтобы по немъ

можно было прыгать. Не учившіеся эквилибристикѣ, мы съ трудомъ пробрались по этимъ „чертовымъ мостамъ“, привлекая на себя вниманіе обывателей. Въ окна высовывались маленькія засушенные дѣтскія личики, растрепанныя головы женщинъ, бородатые мужики. Передъ окнами одной избы мы остановились и спросили выглядывавшую женщину:

— Эй, тетка, молоко есть, нѣтъ?

— Че—о?

— Молока нѣтъ-ли похлебать, —повторилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.

— Молока? нѣтъ, нѣту.

Мы пошли дальше. Оглянувшись, я увидѣлъ въ окнѣ уже нѣсколько паръ любопытныхъ глазъ. И въ то время, какъ мы говорили, любопытныя сосѣдки не преминули раскрыть окна и устремить на насъ свои взоры. Мы останавливались у нѣсколькихъ домовъ, но молока ни въ одномъ не находилось. Повернувши куда то въ переулокъ, мы увидѣли рослаго, широкобородого, мужика, исправлявшаго сани.

— Богъ помочь, дядя,—привѣтствовалъ его господинъ въ пушкинской шляпѣ.

Тотъ оторвался отъ работы и поклонился.

— Что, дядя, нельзя ли у тебя молока похлебать?

— Молока? Не знаю, хозяйку надо спросить. Корова-то худо доить теперь, ребятамъ молоко надо.

Приблизившись немного къ избѣ, онъ крикнулъ въ окно:

— Эй, баба, молоко вонъ спрашиваютъ.

Показались двѣ руки, выдвинувшія въ сторону маленькую раму, и потомъ выставилось хмурое лицо пожилой женщины.

— Чево?

— Молоко, говорю, спрашиваютъ,—указалъ на насъ мужикъ.

— Нѣту молока, ребятишкамъ только осталось.

— Да неужели у васъ во всей деревнѣ не достанешь кринку молока? Мы домахъ въ пяти спрашивали, нигдѣ нѣтъ,—говорю я.

— Мудрено ли!..

Минута молчаніе.

— Эй, жена, дай ужъ ты имъ молока-то. Чево еще они будутъ искать.

— Ну, ладно! Дать,—такъ дамъ.

Окно закрылось.

— Пожалуйста, господа, въ избу. Не побрезгуйте; грязненько,—да...

...„Что ужъ дѣлать“,—досказалъ мнѣ мой умъ. И правда: грязненько у тебя, „сѣятель и хранитель.“ Но почему же, видя и сознавая это грязненько, ты не постараться почиститься? Возишься съ санями въ грязи, подойти къ твоей избѣ надо по грязи, во

дворѣ у тебя грязь непролазная. Чѣмъ же объяснить это различіе между думами и дѣйствіями мужика? Какъ я лично понимаю, прежде крестьяне жили въ грязи, не сознавая, что это дурно; теперь уже есть сознаніе; но почему же оно не проходитъ въ жизнь? Развѣ этотъ мужикъ, напр., безпомощенъ въ „борьбѣ“ съ грязью въ дому и на дворѣ? Или чистота требуетъ много труда, издержекъ, безпокойствъ и т. д. И пока растрепанная женщина сутилась съ кринкой молока и ковригой хлѣба, я, помѣстясь въ переднемъ углу, успѣлъ оглядѣть избу. Внутреннее устройство ея обыкновенное, ничѣмъ не отличающееся отъ другихъ русскихъ избъ. Большая печь, голбецъ, полати, грядки, *) скамьи у стѣнъ, большой столъ, люлька, лохань — всѣ атрибуты домообзаводства. Воздухъ въ избѣ тяжелый — пахнетъ дымомъ, лоханью, печенымъ хлѣбомъ, дегтемъ и саломъ отъ сбруи, повѣшенной на деревянные спицы вблизи дверей. Полати завалены одеждой, на грядкахъ лежатъ полѣнья, стоятъ кринки и квашни, перекинута головная платка. Полъ черный, грязь на немъ лежитъ прямо пластами.

„Нѣтъ, — думается мнѣ, — не безпомощность, не затруднительность мѣшаетъ жить почище, а неряшливость, привычка къ грязи, примиреніе съ грязной обстановкой. Но и то хорошо, что пробуждается сознаніе необходимости чистоты, и если оно не воплощается еще должнымъ образомъ въ жизни, то надежда на „воплощеніе“ все же есть.

— Вы какъ: пить али хлебать будете? — спросила насъ хозяйка, поставивъ на столъ кринку и отрѣзавъ до полдюжины толстыхъ ломтей ржаного хлѣба.

Мы невольно переглянулись.

— Давайте хлебать. Интереснѣе, — предложилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.

Мы согласились. Женщина принесла глинянную чашку и по деревянной ложкѣ. Дѣло пошло на ладъ.

Послѣ нѣсколькихъ ничего не значащихъ фразъ, которыми мы обмѣнялись съ хозяиномъ, — я спросилъ его:

— А что, лучше вамъ живется теперь, при желѣзной дорогѣ, чѣмъ прежде?

Мужичекъ подернулся на мѣстѣ, почесалъ затылокъ, бросилъ взглядъ на потолокъ и только тогда отвѣтилъ:

— Чево ужъ лучше!

Интонація голоса говорила: „дорого обошлась намъ эта дорога, солоно приходится изъ за нее“.

— Значить, хуже? Ну, а чѣмъ?

*) Грядками называются 1—3 бруса, положенные отъ печи въ противоположную устью ея сторону.

— Ой, батюшка, не говори лучше, не говори! — бойко, съ визгомъ и жестами, затараторила хозяйка. — Одна бѣда намъ отъ этой чугулки! Горе одно, неожиданное, непрощенное. Ты подумай то, соколикъ: все это мѣсто, — посмотри вотъ въ окно, — всѣ поля были наши, крестьянскія. И огороды тутъ были, и выгонъ былъ. А теперь ничего нѣту, жить нечѣмъ. Все отобрали анженеры; дома — и тѣ заставили убрать. Ой, какое разоренье принесла эта дорога, разоренье то какое, батюшка!

— Да развѣ вамъ не отведено новыхъ надѣловъ вмѣсто отобранной земли? — спросилъ я.

— Нѣтъ, отвели, да далеко отсюда и почитай что одинъ лѣсъ. Для хлѣбопашества вовсе негодная земля.

— Ну, а за сносъ домовъ развѣ не платили?

— Кому платили, кому нѣтъ. Да и какая это плата! Перенести избу стоять, къ примѣру скажемъ, тысячу рублей, а давали 200—300 рублей. Мотри-ко, какая дороговизна на рабочихъ была. А убирать велятъ — не дожидаются.... — говоритъ хозяинъ.

— За то вы теперь заработокъ всегда имѣете на дорогѣ, — замѣтилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.

— Какой заработокъ! Откуда всѣмъ-то возьмешь. Это ужъ *ты* все дѣлаешь.

Мужикъ указалъ глазами на буржуазный Котласъ.

Сытно позавтракавши втроемъ за гриванникъ, мы по тѣмъ же „чертовымъ мосточкамъ“ пошли къ пристани.

Теперь весь берегъ представлялъ собою совершенно иную, чѣмъ когда я прибылъ съ вокзала, картину. На судахъ стоялъ шумъ, крикъ, стукъ, раздавались свистки приводившаго и уводившаго вагоны локомотива. На берегу, вправо отъ арки, гдѣ были балаганы съ продажей съѣстныхъ припасовъ и разныхъ пряностей, расположились какіе то люди, повидимому рабочіе, съ котомками, котелками, пилами, топорами. Тутъ они варили себѣ пищу, пьянствовали, плясали, играли въ карты, пѣли. — все въ разъ. По лѣвую сторону арки по тротуару прогуливались какіе то мужчины и дамы. Да и Котласъ точно проснулся. Издали на улицѣ (дома стоятъ по одну сторону ея, что къ лѣсу) видно было движеніе пѣшеходовъ и экипажей въ видѣ вятскихъ плетеныхъ коробковъ, телѣгъ и двухколесныхъ таратаекъ.

Компаньоны мои остались на берегу, а я отправился на дебаркадеръ отдохнуть.

Я изрядно всхрапнулъ и въ раздумьи лежалъ на скамьѣ, когда велосипидистъ поднялся въ мезонинъ и предложилъ мнѣ идти съ ними обѣдать.

— Развѣ такъ много времени? — удивился я.

— Да, уже второй часъ. Мы идемъ.

Я оправилъ свой туалетъ и пошелъ.

— Гдѣ вы обѣдаете, господа?

— Мы нашли очень недорогой и хорошій столъ, объяснилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.—Мы ходили гулять и увидѣли на одномъ домѣ три вывѣски: съ одной стороны дома мелочная лавка, съ другой—портерная, а съ третьей бумажная наклейка „отпускаются обѣды“. Зашли—и за полтину оба сытно пообѣдали.—Вотъ тотъ домъ, видите, по сю сторону улицы, высокій, къ намъ задомъ и безъ хлѣвовъ. Тутъ и есть столовая.

По площади, на которой были слѣды прежнихъ огородовъ и полей въ видѣ разной величины бороздъ, мы двинулись въ буржуазный Котласъ. Послѣ недавнихъ дождей глинистая земля, поросшая бурьяномъ и метлицей, была рыхла и мягка, такъ что ноги скользили по ней. Въ двухъ мѣстахъ намъ пришлось переходить полотно и перелѣзать черезъ огороды, а въ одномъ спускаться куда-то подъ мостъ по жидкой глинистой кашѣ.

Вотъ мы у того дома, который намъ нуженъ. Вверхъ ведетъ крутая лѣстница, и, поднявшись по ней, мы видимъ себя въ просторномъ корридорѣ, по одну сторону котораго двѣ, а по другую три двери. Господинъ въ пушкинскій шляпѣ растворилъ одну изъ нихъ. Мы вошли въ довольно чистую комнату, оклеенную дешевенькими обоями, съ свѣтлыми оконцами, съ небогатой и простой городской обстановкой. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ сидѣли за столомъ, въ однѣхъ рубахахъ, до поту наслаждаясь чаемъ и мирно о чемъ то бесѣдуя. Въ слѣдующей комнатѣ, съ тремя столами, покрытыми узорчатыми льняными скатертями, мы увидѣли компанію не то торговцевъ, не то подрядчиковъ. Передъ ними стояли бутылки съ виномъ и пивомъ и дымящаяся закуска изъ трески съ картофелемъ. Посѣтители эти помолились Бахусу и бесѣда ихъ шла оживленнѣе и горячѣе крестьянской, за то и безтолковѣе. Пришлось миновать и эту комнату, потому что подбѣжавшій мальчикъ сказалъ:

— Пожалуйста сюда-съ!—и съ скрипомъ растворилъ тяжелую, неуклюжую дверь. Вслѣдъ за нами вошла молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ—хозяйка столовой.

— Мы опять пришли къ вамъ обѣдать и еще одного столовщика привели,—сказалъ велосипедистъ.

— Милости просимъ, милости просимъ,—приглашала та, кланяясь.

— Что у васъ сегодня?

— Борщъ и жареное мясо съ картофелемъ.

— А трески нѣтъ?

— Нѣту.

— Какая жалость! Роскошь, какое блюдо—треска, жареная съ картофелемъ, въ маслѣ!—восхищался господинъ въ пушкинскій шляпѣ архангельской рыбой.

— Отчего вы вчера не заказали? Можно бы было приготовить.

— Неудобно было заказывать. А вдругъ сегодня уѣхали бы?!

Круглый столъ, покрытый бѣлой скатертью не первой чистоты, накрыли на 3 куверта. Объемистая миска дымилась и разливала по комнатѣ пріятный запахъ, дразня и возбуждая аппетитъ. Борщъ оказался очень вкуснымъ, какъ и зажаренное мясо съ картофелемъ; за обѣдъ мы уплатили по 25 коп. каждый, — цѣна самая умѣренная, и притомъ — за обѣдъ, вполне удовлетворяющій вкусу неприхотливаго и нетребовательнаго проѣзжающаго.

К. Я—скій.

(До слѣд. кн.)

Повѣсть о черной лисицѣ.

(Продолженіе, — см. 1, 2 и 3 кн. „Дорожника“ за тек. годъ).

VIII.

Пока Василій осуществлялъ все то, что онъ видѣлъ во снѣ въ мутную ночь, Иванъ Лукичъ, вернувшись въ городъ, обдумывалъ средства продать подороже лисицу. Конечно, лучше всего было бы послать ее въ Якутскъ родственникамъ, чтобы они продали лисицу. Но на родственниковъ была плохая надежда: продадутъ, деньги возмутъ себѣ и — поминай какъ звали. Всѣ эти любезные родственники, посылавшіе ему поклоны и гостинцы и получавшіе отъ него тоже поклоны и нельмы, поступили бы точно также въ данномъ случаѣ, какъ и онъ поступилъ-бы на ихъ мѣстѣ. Это былъ продувной народъ, не привыкшій разбирать средствъ наживы. Поэтому онъ рѣшилъ продать лисицу главѣ торговаго дома, Иннокентію Николаевичу.

Купецъ Иннокентій Николаевичъ былъ одаренъ такими же аппетитами, какъ Иванъ Лукичъ, но имѣлъ гораздо больше средствъ удовлетворить ихъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ ненавистныхъ конкурентовъ, которыхъ Иванъ Лукичъ, въ своемъ снѣ, мечталъ пустить по міру, разорить и мечталъ напрасно, потому что Иннокентій Николаевичъ былъ умнѣе, способнѣе и богаче Ивана Лукича.

Нельзя сказать, чтобы онъ, не смотря на свой умъ, иногда не увлекался такими же несуразными мечтами, какъ Иванъ Лукичъ. Да, онъ не прочь былъ тоже все захватить въ свои руки, а другимъ не оставить ничего. Все, что промышляли дикіе люди на берегахъ Яны, Ингигирки, Анюя, Колымы — все это онъ не

Якутъ, несущій *вьтку* (лодку) изъ березовой коры.
(Un Yakoute portant un bateau fait d'écorce de bouleau, appelé chez eux „wiétka“).

Якугы, мнушіе сыромятную кожу и охотящіеся на бѣлку.
(Yakoutes chiffonnant un cuir non tanné, et l'un d'eux chassant les écureuils).

прочь былъ забрать себѣ за гнилой товаръ; онъ желалъ, чтобы весь край работалъ на него и называлъ бы его благодѣтелемъ. Но трезвый разсудокъ, здравый смыслъ, жизненный опытъ говорили ему, что это—мечта, трудно достижимая даже въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, тѣмъ менѣе осуществимая на берегахъ Колымы, гдѣ дикари *еще слишкомъ независимы*; и онъ ограничивалъ свои мечты болѣе скромными цѣлями. У него подростали дѣти и онъ, желая имъ дать (на счетъ дикихъ людей) хорошее образованіе, рѣшилъ жить въ отдаленномъ краѣ и богатѣть промысломъ дикихъ людей до тѣхъ поръ, пока не подрастутъ дѣти, и затѣмъ, накопивъ денегъ, уѣхать въ какой нибудь большой городъ и заняться воспитаніемъ дѣтей.

Этимъ, т. е. желаніемъ дать образованіе своимъ дѣтямъ, онъ стоялъ выше Ивана Лукича, который не думалъ ни о чемъ иномъ, кромѣ наживы.

За то многими другими сторонами своего характера Иннокентій Николаевичъ стоялъ ниже Ивана Лукича. Послѣдній не лишенъ былъ добродушія и такъ какъ самъ не церемонился съ чужимъ имуществомъ, то и свое имущество часто отдавалъ другимъ. Онъ, напримѣръ, давалъ въ долгъ товары даже тогда, когда не былъ вполне увѣренъ въ полученіи долга. Подъ веселую руку онъ часто дѣлалъ уступки своимъ покупателямъ, снисхожденіе — своимъ должникамъ. Иннокентій Николаевичъ въ торговыхъ дѣлахъ былъ кремень. Онъ никому не уступалъ, никому не дѣлалъ снисхожденія и дѣйствовалъ неумолимо, подобно хищнику, подобно волку, готовому разорвать зубами журавля, вытащившаго у него изъ глотки кость. Онъ былъ хорошимъ семьяниномъ, любилъ жену и дѣтей, но въ торговлѣ онъ не зналъ мягкости и забывалъ, что другіе люди, съ которыхъ онъ сдиралъ шкуру, тоже имѣютъ женъ и дѣтей, тоже любятъ ихъ такъ же, какъ и онъ своихъ. Какъ частный человѣкъ, въ кругу своихъ домашнихъ, друзей, знакомыхъ, онъ не былъ злымъ человѣкомъ; но какъ купецъ—онъ былъ безсердеченъ. Когда какой нибудь товаръ бывалъ на исходѣ, онъ повышалъ на него цѣну и лучшему другу не удавалось тогда купить у него что нибудь по прежней цѣнѣ.

„Цѣна повышена“, говорилъ онъ покупателю, разводя руками, „надо было раньше брать“. Онъ строго отдѣлялъ дѣло отъ дружбы и въ торговыхъ дѣлахъ съ лучшаго друга готовъ былъ содрать шкуру. Торговая нравственность у него не имѣла ничего общаго съ обыкновенной житейской и его личной нравственностью... Всѣ свои торговые принципы онъ возвелъ въ какой-то ревниво и неприкосновенно оберегаемый культъ. Всѣ знали, что Иннокентій Николаевичъ въ торговлѣ твердъ, какъ камень, и не для кого не сдѣлаетъ исключенія, никого не ува-

жить»... Въ разговорахъ же онъ казался добродушнымъ и мягкимъ, сочувствовалъ просвѣщенію и въ бесѣдахъ съ образованными людьми любилъ „либеральничать“ и пускать турусы на колесахъ. Словомъ, Иннокентій Николаевичъ приближался къ современному типу культурныхъ купцовъ, насколько такой типъ можетъ возникнуть въ отдаленныхъ окраинахъ.

Иванъ Лукичъ приближался къ типу купцовъ добраго стараго времени—деспотовъ въ семейномъ быту, самодуровъ въ общественной жизни; купцовъ, смѣшивавшихъ личную и торговую нравственность и потому не лишенныхъ добродушія и уступчивости.

У Иннокентія Николаевича былъ вечеръ, когда Иванъ Лукичъ вернулся въ городъ изъ своего побѣдоноснаго похода противъ юкагира Василія. На этомъ вечерѣ были сливки общества: купцы, довѣренные купцовъ, администраторы, духовныя лица съ супругами, чадами и домочадцами. Тутъ были: три Иннокентія Ивановича, четыре Ивана Иннокентьевича, полдюжины Кешекъ, дюжина Марій Инокентьевнъ. Такая употребительность имени Иннокентій объясняется тѣмъ, что сибиряки высоко чтутъ своего патрона и въ каждомъ семействѣ имѣется, если не большой Иннокентій, то ужъ навѣрное подростокъ—Кеня, Кеша или Кешка.

Съ внѣшней стороны это высшее общество было очень интересно. Прежде всего костюмы были до того разнообразны, что столичный джентльменъ, привыкшій къ однообразному покрою „последней моды“, очутившись въ этомъ обществѣ, подумалъ бы, что онъ попалъ въ маскарадъ и, при томъ, въ маскарадъ, искусно исполненный,—маскарадъ гоголевскихъ типовъ въ костюмахъ того времени, когда эти типы занимали арену общественной жизни. По костюмамъ и отчасти и по выраженіямъ лицъ это высшее общество напоминало въ общихъ чертахъ общество, въ которомъ жили Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ. Посторонній, не посвященный въ интимную жизнь и интересы этого общества,—могъ бы поддаться иллюзіи: ему могло бы показаться, что въ домѣ Иннокентія Николаевича сошлись бравые миргородцы на „ассамблею“ и собираются мирить Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; показалось бы что сейчасъ изъ толпы старомодныхъ чепцовъ и сѣтокъ, стягивавшихъ волосы дамъ въ маленькія подушечки на затылкѣ, пиджаковъ домашняго издѣлія, напоминающихъ старомодныя бекеши, платьевъ красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ и зеленыхъ, новыхъ, перелицованныхъ и перекроенныхъ,—выйдетъ кривой Иванъ Ивановичъ и скажетъ, иронически улыбаясь, такимъ же архаическимъ, страннымъ голосомъ, какъ всѣ эти окружающія его чепцы и платья: „Мнѣ очень странно, что мой пра-

вый глазъ не видитъ Ивана Никифоровича, г-на Довгочхуна!“ Всѣ эти архаическіе костюмы, слова, выраженія, обычаи, вышедшіе изъ моды тамъ, въ центрахъ жизни, остались еще въ медвѣжьихъ углахъ, въ захолустьяхъ далекихъ окраинъ. Не смотря, однако, на оторванность отъ просвѣщеннаго міра описываемой мѣстности, ея населеніе, промыслы, занятія давали, впрочемъ, много оригинальнаго содержанію жизни. Но всѣ эти сливки общества, въ особенности дамы: исправницы, помощницы, купчихи, матушки, дьяконицы, ничѣмъ не отличаясь отъ природныхъ русскихъ жителей края,—считали себя образованными и, въ качествѣ образованныхъ, считали неприличнымъ веселиться такъ, какъ веселились юкагиры на Омолонѣ, или парни и дѣвушки на заимкахъ, т. е. пѣть хорошія старинныя пѣсни и плясать русскую. Отдѣлившись отъ мужчинъ въ другую комнату, дамы сидѣли чинно, какъ куклы, въ своихъ допотопныхъ нарядахъ и сплетничали, льстя присутствующимъ, въ слухъ осуждая отсутствующихъ, и въ душѣ осуждая одна другую. Вбивъ себѣ въ голову, что онѣ образованныя, онѣ совсѣмъ потеряли тотъ здравый смыслъ и здоровое чувство, которыя руководили Василиемъ и заставляли его считать равными себѣ всѣхъ людей—и ламутовъ, и людей Омоцкихъ родовъ, и чукчей Омолонской и какой угодно „стороны“.

Мужчины играли въ карты, въ штось, въ винтъ и въ стуколку, и только самые высокообразованные: самъ хозяинъ, двое батюшекъ и одинъ улусный писарь не играли и разговаривали о просвѣщеніи, о школахъ, объ извѣстіяхъ изъ областного города. Изъ полуоткрытыхъ дверей, ведущихъ въ переднюю, высовывались по временамъ лохматые головы якутовъ, приходшихъ поглазѣть, какъ веселится высшее общество.

У стола, изображавшаго буфетъ, сквозь клубы табачнаго дыма, видны были раскраснѣвшіяся лица, руки, опрокидывавшія рюмки въ ротъ, вилки, направленные въ тарелки съ закусками и обратно въ ротъ закусывающихъ. По комнатѣ двигались, какъ метеоры, огромные подносы съ чашками чаю, подносы съ печеніемъ. За ними слѣдили жадные взоры меньшей братии—прикащиковъ, обѣднѣвшихъ родственниковъ, ожидавшихъ пока эти метеоры не залетятъ въ сферу ихъ притяженія. Въ дамской комнатѣ стоялъ гулъ отъ сплетенъ и пересудовъ, какъ въ пчелиномъ ульѣ; изящныя головки съ подушечками на затылкѣ то сближались для передачи и выслушиванья особенно интересныхъ или интимныхъ подробностей, то отскакивали назадъ и оставались неподвижными и прислушивались къ разговорамъ, чтобы запасть матеріаломъ для новыхъ пересудъ.

Такъ веселилось это общество, съ внѣшней стороны напоминавшее ассамблею у гоголевскаго городничаго, гдѣ чуть было не помирились Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

И вотъ эта мирная, спокойная ассамблея была встревожена появленіемъ на сцену.... чернобурой лисицы (да простятъ намъ эту вольность изложенія). Интересные разговоры о погодѣ, о послѣднихъ новостяхъ были совершенно разстроены ея нескромнымъ вторженіемъ. Такъ ужъ на роду было ей написано—безпокоить добрыхъ людей. На ассамблею о ней принесъ вѣсть Иванъ Лукичъ; не тотъ, который купилъ лисицу, а его конкурентъ (одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Иванъ Лукичъ, обладатель лисицы, видѣлъ во снѣ разореннымъ). Гуляя по залѣ и разговаривая съ Иннокентіемъ Ивановичемъ и съ Иваномъ Иннокентьевичемъ,—Иванъ Лукичъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, разсуждая съ батюшками о просвѣщеніи,—и воскликнулъ, оканчивая начатую фразу.

— Да, того... знаменитая, того... лисица!

Иванъ Лукичъ былъ заика и, чтобы не прерывать рѣчи, въ мѣстахъ заиканья употреблялъ слово: „того“. Иннокентій Николаевичъ наострилъ уши, ибо слова Ивана Лукича касались предмета, имѣвшаго близкое отношеніе къ его торговымъ дѣламъ.

— Вотъ, говорятъ, что, вотъ, очень дешево досталась, совсѣмъ, вотъ, даромъ! подхватилъ собесѣдникъ Ивана Лукича, высокій, сутуловатый субъектъ, похожій, если позволено будетъ употребить мѣстное сравненіе, на рыбу моксуна. Физіономія его имѣла что то рыбье: безцвѣтные глаза на выкатъ, полуоткрытыя, блѣдныя губы, открывавшія рядъ грязныхъ зубовъ, безусое, безбородое, угреватое лицо, безъ выраженія и мысли. Онъ держался прямо, точно проглотилъ тотъ самый аршинъ, которымъ отмѣривалъ въ своей лавкѣ гнилой ситецъ; только спина у шеи горбилась, что и дѣлало его похожимъ на рыбу названной породы. Въ довершеніе сходства онъ размахивалъ руками, держа ихъ опущенными внизъ и шевеля ладонями, какъ рыба поплавками.

— Вотъ, какъ не завидовать Ивану Лукичу! Всегда, вотъ, дорогое пышное ему достается;—вотъ какъ его юкагиры и чукчи любятъ! А, вотъ, нашему брату, будь того, вотъ, честиѣ, и въ жизнь, вотъ, не попадется... Въ сильномъ волненіи отъ зависти онъ замахалъ поплавками и поплылъ за Иваномъ Лукичемъ.

— Однако, заговорилъ третій собесѣдникъ и конкурентъ, Иванъ Иннокентьевичъ—человѣкъ низенькаго роста съ вздернутымъ носомъ, съ рѣдкой, мизерной растительностью на губѣ и на щекахъ, растительностью, похожею на мхи и лишай той страны, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

— Однако, за одну поѣздку заработалъ Иванъ Лукичъ, однако, тысячу рублей. Говорятъ люди, однако, рѣдкостная, однако, лисица. Ну, а хозяину-то она, однако, не достанется!

Продасть Иванъ Лукичъ другимъ, однако, продасть. Развѣ это хорошо?...

Такъ низенькій конкуррентъ мстилъ счастливому обладателю рѣдкостной лисицы за его фартъ, которому онъ завидовалъ всею силой души,—бросая тѣнь на его торговую нравственность.

— О какой это лисицѣ вы говорите, спросилъ хозяинъ, чужая для себя хорошія вѣсти. Онъ насторожилъ уши, чтобы гуль пчелинаго роя, идущій изъ дамской комнаты не заглушилъ того, что ему интересно было услышать.

— Вы развѣ того... не слышали? На Омолонѣ знаменитую того... лисицу добыли юкагиры. Просто говорятъ, того, рѣдкость!

Ивану Лукичу пришли на помощь моксунъ и низенькій человекъ съ лицомъ, обросшимъ лишаями, и общими силами рассказали обстоятельно о необыкновенной удачѣ постигшей другого Ивана Лукича.

Скоро всѣ конкурренты оставили мирные разговоры о погодѣ и другихъ, не менѣе интересныхъ вещахъ, и, обсуждая свѣжую новость, терзались непріятными чувствами зависти, и упрекали себя въ томъ, что они не сумѣли узнать о знаменитой лисицѣ раньше Ивана Лукича и завладѣть ею.

— Вотъ, тысячу рублей въ одну поѣздку, вотъ—нашелъ.. Чистаго барыша тысячу рублей, вотъ, ей Богу... Какъ не завидовать, вотъ! волновался моксунъ, шевеля поплавками.

Тсже самое повторили, но въ иныхъ нѣсколько выраженіяхъ съ преобладаніемъ словъ „однако“ и „того“ и два его собесѣдника. И всѣ, даже чепцы и сѣтки, случившіеся тутъ и слышавшіе разговоръ, согласились въ душѣ съ моксуномъ.

— Да какъ не завидовать! Этакой фартъ! При такой одной лисицѣ можно и дрянныхъ спихнуть по хорошей цѣнѣ сколько угодно. Головка!

IX.

Благодаря разговорамъ на „ассамблеѣ“, на ловца и звѣрь набѣжалъ. Къ Ивану Лукичу пріѣхалъ глава торговаго дома Иннокентій Николаевичъ и пріѣхалъ самъ въ качествѣ ловца на рекогносцировку. Еслибы юкагиръ Василій присутствовалъ при встрѣчѣ двухъ ловцовъ, то онъ, вѣроятно, припомнилъ бы свой сонъ въ ту ночь, когда онъ ѣздилъ смотрѣть свои луки, припомнилъ бы тихое дно озера, гдѣ онъ плавалъ во снѣ и видѣлъ, какъ щука и налимъ оснашивали другъ у друга добычу. Такъ оба почтенные конкуррента были похожи на этихъ рыбъ выраженіемъ лицъ, алчными и проницательными взорами, которые они украдкой бросали одинъ на другого.

При входѣ главы торговаго дома Иванъ Лукичъ любезно поднялся гостю на встрѣчу, почтительно пожалъ ему руку, ввелъ въ залу, усадилъ на почетное мѣсто, продѣлалъ все, что было принято, сказалъ нѣсколько ничего не значущихъ любезностей, но важныхъ въ жизни тѣмъ, что они сглаживали отношенія между самыми заядлыми конкуррентами.

— Каково съѣздили, Иванъ Лукичъ? спросилъ гость, усаживаясь на диванѣ.

— Ничего. Слава Богу... мало, мало... ладно, отвѣчалъ хозяинъ, предоставляя гостю самому заключать изъ этихъ выраженій, каково съѣздилъ онъ.

— Что новаго съ почтой получили? Пышное какъ продано? По чемъ?

Но Иннокентій Николаевичъ употребилъ тотъ-же самый маневръ, что Иванъ Лукичъ.

— Ничего. Слава Богу такъ себѣ, сказалъ онъ и предоставилъ Ивану Лукичу самому догадываться, какъ продано пушное.

Иванъ Лукичъ самъ получилъ письма и зналъ цѣны Ирбитской ярмарки на пушное. Почта въ Колымскъ шла 3 мѣсяца и въ это время цѣны могли нѣсколько измѣниться; поэтому купцы, кромѣ свѣдѣній, полученныхъ въ письмахъ, руководствуются при покупкѣ мѣховъ своими собственными соображеніями. Эти соображенія говорили Ивану Лукичу, что такъ какъ пушное поднялось въ цѣнѣ, то выгоднѣе сдать его каксму либо купцу за наличныя деньги по существующимъ цѣнамъ, чѣмъ своему хозяину, который, навѣрно, приметъ его по цѣнамъ, ниже установленныхъ ярмаркой. Это соображеніе онъ считалъ неудобнымъ высказывать. Но Иннокентій Николаевичъ отгадалъ соображенія Ивана Лукича и безъ стѣсненія приступилъ къ дѣлу.

— Поди, много песцовъ купили у своихъ друзей чукчей? Могу купить, если угодно; расчетъ—такъ ужъ и быть, хотя теперь безденежье, на наличныя-съ.

— А хозяину-то что останется? сказалъ въ раздумьи Иванъ Лукичъ.—Песцы по чемъ принимаете?

— Сойдемся. Надо посмотрѣть, какіе они и сколько ихъ...

Наступило молчаніе, во время котораго Иванъ Лукичъ обдумывалъ, какъ бы „поддѣть“ главу торговаго дома, а послѣдній обдумывалъ тоже въ отношеніи Ивана Лукича.

— Песцы, какъ песцы.. Конечно, по сортамъ оцѣнить можно... Куда дѣвается... А вотъ эту штуку посмотрите.

Съ этими словами онъ пошелъ въ другую комнату, щелкнулъ замкомъ, хлопнулъ крышкой своего дорожнаго ящика и вышелъ. За спиной онъ держалъ что-то. Ставъ въ тѣни и занявъ самую выгодную позицію въ отношеніи свѣта, онъ быстро поднялъ руку и встряхнулъ лисицей.

Темная какъ ночь шерсть заволновалась, искры пробѣжали по ней, точно среди бѣла дня потокъ яркого луннаго свѣта блеснулъ въ тѣни комнаты и упалъ на трепавшуюся въ рукѣ Ивана Лукича лисицу.

У Иннокентія Николаевича потемнѣло въ глазахъ, потомъ засвѣтлѣло. При всей своей выдержкѣ онъ не могъ удержаться отъ восклицанія.

— Д-да! Ужъ вправду—штука...

— При этакой то штукѣ сколько дрянныхъ лисенковъ сиво-душекъ подъ видомъ чернобурыхъ спихнуть можно!

— За сколько же ты ее пріобрѣлъ?

— Это дѣло наше. А сколько бы ты за нее далъ, Иннокентій Николаевичъ?

— Пятьсотъ рублей, пожалуй, дамъ...

— За пятьсотъ, пожалуй, не отдамъ.

Переговоры длились еще около часу и никто никого поддѣть не могъ. Было рѣшено, что Иванъ Лукичъ сдастъ за наличныя деньги главѣ торговаго дома все пушное послѣ Анюйской ярмарки, если Богъ ему поможетъ благополучно поддѣть своего хозяина. Иванъ Лукичъ хотѣлъ привести въ исполненіе давно задуманный планъ—сдать своему хозяину „барахло“ вмѣсто „пушного“, отдать остатокъ товаровъ, а на все остальное, что числилось за нимъ, выдать векселя, по которымъ никто ничего не получитъ, потому что предусмотрительный Иванъ Лукичъ перевелъ все свое имущество на жену. Если это все ему удастся, то онъ начнетъ торговлю, какъ самостоятельный купецъ, и тогда, можетъ быть, хоть часть того, что снилось ему въ ясную лунную ночь, осуществится.

Придя къ такому рѣшенію, Иванъ Лукичъ, какъ человѣкъ набожный, отслужилъ молебенъ, призывая на свои начинанія благословеніе Божье, и ждалъ пріѣзда своего довѣрителя. А все пышное, въ томъ числѣ и добытая Василиемъ чернобурая, лежало у него въ кожаныхъ сумкахъ и ящикахъ въ такомъ укромномъ мѣстѣ, куда не могли проникнуть взоры довѣрителя.

Но довѣритель, пріѣхавшій вскорѣ, узналъ, что Иванъ Лукичъ пріобрѣлъ знаменитую лисицу. Это извѣстіе сообщили ему тѣ же три конкуррента, которые всполошили имъ все общество на ассамблеѣ у главы торговаго дома. Вмѣстѣ съ прочими обывателями собрались они къ Теофану Иннокентьевичу (такъ назывался довѣритель Ивана Лукича) лишь только онъ пріѣхалъ, чтобы спросить о его здоровьѣ, умилиться душою, если оно окажется въ удовлетворительномъ состояніи, пособолѣзновать, если оно не совсѣмъ удовлетворительно; разспросить про знакомыхъ и про то, что дѣлается въ столицѣ области: кто умеръ, кто живъ, кто женился; словомъ—чтобы исполнить все то, что пред-

писывалъ издавна установленный этикетъ, соблюдаемый самими недоброжелательными конкуррентами въ отношеніи другъ друга. Выслушавъ отъ Теофана Иннокентьевича все, что могло интересовать ихъ, три конкуррента не остались у него въ долгу.

— На „пышное“ сей годъ того... урожай того, началъ Иванъ Лукичъ-заика. Ему на помощь поспѣшилъ моксунъ, какъ бы боясь, что интересное сообщеніе, благодаря заиканію рассказчика, недостаточно скоро дойдетъ до ушей Теофана Иннокентьевича. Отъ нихъ обоихъ не отставалъ конкуррентъ, обросшій растительностью, похожей на мхи и лишай, и скоро Теофанъ Иннокентьевичъ узналъ, что Иванъ Лукичъ сдѣлался обладателемъ рѣдкостной лисицы, и сталъ надѣяться, что эта лисица достанется ему.

— Прекрасно-съ; вотъ мы завтра посмотримъ ее; сказалъ онъ, запахивая полы своего халата, въ которомъ его тучная фигура напоминала китайскаго мандарина, а еще болѣе ту дѣтскую игрушку, которая извѣстна подъ названіемъ „Ванька-встань-ка“.

Слушая новости, онъ покручивалъ длинные, черные усы съ просѣдью, такъ что можно было бы сказать, что онъ моталъ на усъ все, что говорили ему три собесѣдника. Но человѣку съ дороги надо дать отдыхъ и они не рѣшались сказать всего, что имъ хотѣлось. Первымъ поднялся заика, какъ человѣкъ знающій приличіе, и сказалъ:

— Пора... того, идти...

— Вотъ, пора!..

— Однако, пора!

И три конкуррента откланялись и пожелали Теофану Иннокентьевичу спокойной ночи.

Въ первую же ночь (разсказывали потомъ мѣстные лѣтописцы) Теофанъ Иннокентьевичъ видѣлъ довольно скверный сонъ; такой сонъ, который не предвѣщалъ ничего хорошаго. Ему приснилось, что надъ домомъ кружатся вороны и каркаютъ, а онъ не можетъ отогнать ихъ; въ досадѣ, сталъ онъ бросать въ воронъ камнями, но они еще хуже раскаркались и одна изъ нихъ ущипнула его клювомъ, но въ какое мѣсто—онъ не могъ сообразить. Призванная на совѣщанье знаменитая толковательница сновъ Арина, истолковала сонъ въ томъ смыслѣ, что Теофану Иннокентьевичу предстоитъ узнать непріятныя вѣсти. И точно: въ тотъ же день подъ вечеръ состоялся визитъ трехъ конкуррентовъ, не замедлившихъ сообщить дальнѣйшія подробности о чернобурой лисицѣ и сдѣлать намеки на замыслы Ивана Лукича. Изъ этихъ подробностей и намековъ съ полнымъ правомъ можно было заключить, что Иванъ Лукичъ задумываетъ измѣну своему патрону и ведетъ подозрительные переговоры съ главою другой фирмы. Слѣдствіемъ этихъ тревожныхъ сообщеній было серьезное столкновеніе между патрономъ и довѣреннымъ.

Какъ досадно было всѣмъ миролюбивымъ гражданамъ, что эти два уважаемыхъ въ краѣ человека поссорились и поссорились какъ разъ въ ярмарку, т. е. въ такое время, когда искони принято поздравлять другъ друга съ прїѣздомъ, съ отъѣздомъ, съ благополучной торговлей, пить и ѣсть пироги съ нельмой. Какъ всѣ миролюбивые граждане желали, чтобы слухи объ этой непрїятной ссорѣ оказались вымысломъ завистниковъ, мечтавшихъ самимъ занять мѣсто Ивана Лукича! Но слухи оказались вѣрными. Да, это былъ фактъ, фактъ печальный, но неопровержимый: Теофанъ Иннокентьевичъ и Иванъ Лукичъ разсорились. Любители сенсаціонныхъ новостей сообщали другъ другу интересныя и неинтересныя, справедливыя и вымышленныя подробности этого замѣчательнаго событія. Низенькій конкурентъ, имѣвшій удовольствіе случайно присутствовать въ передней—въ домѣ Ивана Лукича, гдѣ остановился Теофанъ Иннокентьевичъ,—въ то время какъ въ кабинетѣ ссорились патронъ и довѣренный,—весьма краснорѣчиво рассказывалъ, какъ носъ Ивана Лукича, похожій на порванную галошу, покраснѣлъ отъ досады, когда Теофанъ Иннокентьевичъ упрекалъ довѣреннаго въ недобросовѣстности, какъ трясся отъ гнѣва животъ патрона, когда Иванъ Лукичъ сталъ упрекать его въ скупости. Оба эти грузные толстые человека кряхтѣли и сопѣли такъ, что любопытному конкуренту, подслушивавшему подъ дверью, становилось жутко, хотя онъ былъ отдѣленъ отъ театра военныхъ дѣйствій крѣпкою деревянной стѣною. По этому сопѣнью и грознымъ голосамъ ссорящихся онъ заключилъ о важности ссоры и обо всемъ остальномъ, о чемъ онъ и рассказывалъ всѣмъ, кто только желалъ его слушать.

И на самомъ дѣлѣ Теофанъ Иннокентьевичъ потребовалъ отъ Ивана Лукича отчета по лавкѣ и получилъ его. По отчету оказалось, что Иванъ Лукичъ остается должнымъ своему патрону 12 тысячъ рублей. Тотъ потребовалъ денегъ, а главнымъ образомъ—пушнины; но довѣренный отказалъ, сославшись на долги, якобы розданные бродячимъ ломутамъ и тунгусамъ и не полученные еще. Это было въ тѣхъ краяхъ обыкновенный манеръ всѣхъ прикащиковъ и довѣренныхъ, собирающихся обо-братъ хозяевъ: гдѣ искать бродячихъ инородцевъ, чтобы справиться у нихъ, точно-ли они взяли въ долгъ товару на показанныя суммы? Надо ждать ихъ прихода, а ждать некогда: надо ѣхать и везти пушнину своимъ кредиторамъ и запасаться товаромъ на новую операцію.

Послѣ чукотской ярмарки, какъ разъ въ то время, когда надо было, по искони установленному обычаю, устраивать прощальныя обѣды, началась заправская война между патрономъ и довѣреннымъ: патронъ обратился къ суду. Домъ Ивана Лукича

раздѣленъ былъ на два враждебные лагеря. Въ одномъ лагерѣ въ качествѣ главнокомандующаго дѣйствовалъ адвокатъ Павелъ Петровичъ, — благороднѣйшій человѣкъ изъ ссыльныхъ дворянъ, защищавшій дѣло патрона; въ другомъ лагерѣ дѣйствовалъ адвокатъ Семенъ Гавриловичъ, не менѣе благородный человѣкъ изъ мѣстныхъ мѣщанъ, защищавшій дѣло довѣреннаго. Оба почтенные юристы исписывали вороха бумаги произведеніями самой замысловатой и утонченной ябеды и бросали эти вороха на вѣсы Θεмиды, находившіеся въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи. Вѣсы склонялись то въ сторону патрона, то въ сторону довѣреннаго, смотря потому, кто давалъ большую „мзду“; наконецъ, какъ и слѣдовало ожидать, окончательно склонились на сторону патрона и Иванъ Лукичъ былъ принужденъ отдать въ счетъ своего долга кое что: лошадей, оленей, запасы сѣна, а на остальную сумму, находящуюся въ безвѣстныхъ долгахъ, далъ векселя. Пушное, все таки, не досталось Θεофану Иннокентьевичу.

Такъ затихла эта ссора двухъ весьма почетныхъ во всемъ округѣ особъ. Миротлюбивые жители искренно радовались ея прекращенію; но адвокаты — благородный человѣкъ изъ дворянъ и не менѣе благородный изъ мѣщанъ — предвидѣли ея возобновленіе въ будущемъ году, когда Θεофанъ Иннокентьевичъ вновь пріѣдетъ на ярмарку, и ждали себѣ отъ ея возобновленія большихъ выгодъ. Тоже предвидѣли члены полицейскаго управленія и уже напередъ позаимствовали у Θεофана Иннокентьевича товару въ счетъ будущей мзды. За то три конкуррента, раздувавшіе ссору, не ждали себѣ ничего, такъ какъ ни одному изъ нихъ не удалось поцастъ въ довѣренные на мѣсто уволеннаго Ивана Лукича. Обманувшись въ ожиданьяхъ, они подсмѣивались надъ Θεофаномъ Иннокентьевичемъ, что не ему досталась чернобурая лисица; а онъ былъ такой любитель рѣдкостныхъ мѣховъ! такъ любилъ ими хвастаться на всѣхъ ярмаркахъ, гдѣ бывалъ. Да, это было очень досадно для Θεофана Иннокентьевича.

Нельзя сказать, чтобы лисица, даръ лѣснаго Духа юкагиру Василию, при всей своей замѣчательности была прямою причиной ссоры двухъ почетныхъ особъ, но она явилась какъ бы каплей, переполнившей сосудъ. Еслибы Иванъ Лукичъ отдалъ ее своему патрону, то, кто знаетъ, можетъ быть, послѣдній не потребовалъ бы отъ него строгаго отчета, а отложилъ бы его на будущій годъ, что дало бы возможность Ивану Лукичу еще больше раздать долговъ, которыхъ получить нельзя и, вмѣсто одной десятой, достигнуть двѣ десятыхъ того, что снилось ему въ ясную лунную ночь.

Планъ дѣйствій Ивана Лукича до окончательнаго разрыва съ патрономъ былъ очень простъ: онъ поѣдетъ на ярмарку, ку-

пить у своихъ друзей чукчей пушное и выгодно продать его Иннокентію Николаевичу; если же тотъ будетъ „прижимать его цѣной“, то онъ не дастъ ему замѣчательной лисицы. Но случилось не такъ, какъ онъ думалъ: на ярмарку онъ не попалъ и чуть было не отдалъ лисицы даромъ. Какъ это вышло, будетъ рассказано въ слѣдующихъ главахъ.

X.

Трудно изъ ничего создать что нибудь; трудно найти воодушевляющую мысль—черпать живое чувство въ той мѣртвой спячкѣ, какою представляется жизнь зимою на берегахъ Колымы. Оттого и трудно описывать жизнь людей на этихъ далекихъ берегахъ, даже въ тотъ замѣчательный моментъ, когда таинственные духи, туземные боги шаманскаго культа, покровители лѣсовъ и тундръ,—сѣютъ раздоры среди людей, бросая въ толпу ихъ лисицъ, песцовъ, соболей, бобровъ и прочіе дары пустыни. Какія сильныя сложныя чувства непріязни, жадности, зависти влагаютъ эти дары въ ихъ сердца! Какія хитроумныя выдумки, замысловатые планы, коварныя „подвохи“, направленные противъ ближнихъ возникаютъ въ умахъ людей! Начинается бѣшеная погоня за наживой—за „фартомъ“, за всѣми дарами мерзлой пустыни, которые привозятся дикими людьми въ обмѣнъ на продукты цивилизованныхъ странъ. Люди господствующей расы, претендующіе просвѣщать дикарей, пріобщать ихъ къ цивилизаціи,—дѣлаютъ наивныхъ дикарей свидѣтелями печальныхъ плодовъ этой цивилизаціи... Можетъ быть, дикари удивляются, что люди, проповѣдующіе имъ религію любви и прощенія, такъ безпощадны въ отношеніи другъ друга, такъ неумоимо оспариваютъ другъ у друга такія въ сущности ничтожныя вещи, какъ песцы и лисицы, которыхъ всякому вольно промыслить въ лѣсахъ и тундрахъ?

Эта погоня за наживой называется ярмаркой. Она продолжается недолго—какой нибудь мѣсяць, со всѣми переѣздами въ тысячу верстъ; но много дурныхъ мыслей и чувствъ порождаетъ она въ сердцахъ людей. Кажется, что лѣсные духи, покровители лѣсовъ и тундръ, мстятъ пришельцамъ этой земли, за то, что они нарушаютъ ихъ покой, что они отравляютъ своей огненной водой простыхъ и дикихъ обитателей пустыни,—мстятъ тѣмъ, что сѣютъ среди нихъ раздоры. Трудно описывать всѣ эти сложныя чувства, которыя во время ярмарки овладѣваютъ людьми и обращаютъ на мигъ уголокъ дикой пустыни въ арену ожесточенной борьбы за промыселъ дикихъ людей...

Гораздно легче описывать то, что не на мигъ только появляется на берегахъ полярныхъ рѣкъ, что неизмѣнно существуетъ, по-

стоянно обновляется и блещетъ вѣчной красотой. Съ представленіемъ о природѣ этихъ береговъ соединяется что то печальное угрюмое, безжизненное; а между тѣмъ — въ природѣ этой земли столько же красоты, какъ — и во всякой другой... Красивы эти безлюдныя пустыни, когда ясный весенній день блещетъ въ снѣгахъ и яркіе лучи солнца, спугнувъ ночныя тѣни въ ихъ послѣднемъ убѣжищѣ, въ глубинѣ ущелій, подъ сводами деревъ, разсыпаются по землѣ, какъ бы залитой алебастромъ сверкающей бѣлизны. Ночью, когда земля дремала и стыла въ морозномъ туманѣ, когда звѣзды мерцали сквозь этотъ туманъ печально и тускло, какъ далекіе факелы, окутанные дымомъ, — грустный видъ имѣли лѣса и горы, суровой нелюдимостью, мертвящей тоской вѣяло отъ нихъ. Казалось, что смерть распростерла свои, все успокаивающія, все уравнивающія въ мірѣ, руки и обратила весь этотъ необъятный просторъ въ одно гигантское, угрюмое кладбище; — разбросала каменные глыбы по могиламъ, гдѣ погребена невѣдомая жизнь давно прошедшихъ вѣковъ; — воздвигла памятники надъ останками мамонтовъ, покоящихся въ мерзлой почвѣ, въ нѣдрахъ окаменѣлыхъ лѣсовъ... Мертвая тишина тамъ и никто не возмутитъ ее еще много вѣковъ, никто не углубится въ эти лѣса въ поискахъ золота. И въ надземныхъ лѣсахъ мертвая тишина, потому что нѣтъ тамъ селъ, городовъ, фабрикъ... почти нѣтъ разумныхъ существъ... Олени, песцы и лисицы ступаютъ тихо по ковру снѣговъ, какъ безплотные призраки...

Но лишь только изъ за морей и горъ, изъ за невѣдомыхъ земель выглянетъ солнце и лучи его пронзятъ ночной морозный туманъ, окутывающій гигантское кладбище, — начнется въ природѣ движеніе, — борьба мрака со свѣтомъ, и пустыня начнетъ оживать. Уже съ первымъ проблескомъ дня, когда заря, какъ бы тряхнувъ кудрями, рассыплетъ по небосклону розовыя облачка, огненные полосы, алая брызга свѣта — весь свой позолоченный солнцемъ нарядъ, — морозные туманы дрогнутъ, поколеблются и иллюзія пустыни, обращенной въ гигантское кладбище, этотъ тяжелый сонъ, которымъ, казалось, грозила земля въ объятіяхъ ночи, — начнетъ расфѣиваться въ воздухѣ, исчезать... Солнце довершитъ его разрушеніе: мрачныя привидѣнья, носившіяся надъ каменными могилами мамонтовъ, разлетятся, скроются, вмѣстѣ съ ночными тѣнями въ ущельяхъ и разбѣлинахъ среди горъ; но и оттуда выгонятъ ихъ лучи солнца. Снѣга засверкаютъ нестерпимымъ для глазъ блескомъ; синее небо, охваченное свѣтомъ, опояшетъ бѣлую землю голубымъ поясомъ. Человѣку, свидѣтелю превращенія пустыни изъ мрачнаго кладбища въ дворецъ бѣлоснѣжнаго мрамора, съ бирюзовымъ потолкомъ, — покажется, что нѣтъ болѣе молчанья въ лѣсахъ, точно свѣтъ

замѣнилъ въ нихъ звуки и ропотъ жизни... Одна иллюзія замѣнится другою: покажется, что полярная зима кончилась и началось лѣто, но не зеленое лѣто, какое бываетъ постоянно изъ года въ годъ, а какое-то бѣлое: вмѣсто зеленыхъ, бѣлые листья одѣли деревья, вмѣсто зеленого, сѣраго, палеваго ковра травъ, мховъ и лишайевъ,—земля покрылась бѣлою растительностью.

Такая была погода, когда жители береговъ Колымы двинулись въ Анюйскую крѣпость или Островное, на встрѣчу дикимъ людямъ, обмѣнивать на песцовъ, бобровъ и лисицъ произведенія цивилизованныхъ странъ. Ёхать туда возможно только—на собакахъ. Сотни нартъ, запряженныхъ 8, 10, 12 собаками, потянулись одна за другой по извилистой, заранѣе прокладываемой каждый годъ, дорожкѣ, среди деревьевъ, кочекъ, снѣжныхъ стѣнъ, сугробовъ и горъ. Въ безлюдной пустынѣ, молчаливой на огромномъ пространствѣ, узкой лентой среди лѣсовъ и горъ вилась говорливая шумная улица.. Она оживлялась какъ бы картинами волшебнаго фонаря: тамъ и сямъ горѣли костры, вокругъ которыхъ лежали „кладовщики“ *). Закутавшись въ свои бѣлыя заячьи одѣяла шерстью вверхъ, они походили на огромныя кочки, покрытыя снѣговыми шапками, или сугробы, навѣянные вѣтрами. Люди, нагруженные нартъ, собаки,—образовывали живописныя группы у костровъ подъ нависшими вѣтвями лиственницъ. Здѣсь не было домовъ и юртъ; люди ночевали, обѣдали, ужинали, пили чай на снѣгу. Въ одномъ мѣстѣ, расположившись на оленьихъ шкурахъ, въ сторонкѣ отъ дороги, пили и закусывали купцы, приглашая проѣзжающихъ мимо знакомыхъ присоединиться къ нимъ; въ другомъ мѣстѣ узкой дорожки бился какой нибудь злополучный возница (на мѣстномъ языкѣ *каюръ*) съ тяжело нагруженной нартою, свалившейся съ откоса въ яму; ныряя въ снѣгу по поясъ, напрягалъ онъ силы, чтобы поднять ее и поставить на полозья; грудью, плечами спиной подталкивалъ онъ непокорную нарту и все напрасно, пока наѣзжавшій сзади другой *каюръ* не помогалъ ему. Уставши отъ тяжелой работы, они разгребали снѣгъ около куста, собирали валежникъ или рубили „сухостойную“ лѣсину, разводили костеръ и варили чай въ закопченномъ мѣдномъ чайникѣ, повѣшенномъ на воткнутую въ снѣгъ палку. Кто нибудь изъ нихъ вынималъ изъ дорожняго мѣшка рыбу, строгалъ ее и закуска готова. Гдѣ нибудь еще дальше мчалось нѣсколько нартъ на легкѣ, одна за другою; эхо звонкихъ пѣсенъ носилось по лѣсамъ, замирая по холмамъ и откосамъ. Это невидимые духи откликались на пѣсни и долго дразнили они этимъ эхомъ суетѣрныхъ *каюровъ*, засыпающихъ у костровъ; они будили въ нихъ

*) Доставщики клади (мѣстное выраженіе).

тѣже чувства и мысли, посылали имъ тѣже сны, что ихъ отцамъ и дѣдамъ, нѣкогда засыпавшимъ на томъ же самомъ мѣстѣ...

Можно было сказать, что все населеніе города перекочевало въ пустыню; всѣ изъ города повалили на встрѣчу чукчамъ, кто въ качествѣ купца, кто въ качествѣ каюра; здѣсь была вся публика, которую мы встрѣтили на вечерѣ у Иннокентія Николаевича, за исключеніемъ дамъ. Былъ тутъ и Иванъ Лукичъ заика, и разговорчивый моксунъ, готовый начать бесѣду краснорѣчивымъ „вотъ“, и низенькій конкуррентъ, обросшій лишаями, готовый поддержать его своимъ, не менѣе краснорѣчивымъ „однако“. Былъ тутъ и Дыда, успѣвшій уже объѣхать чукчей западныхъ тундръ и сдать купцамъ пушнину, купленную на водку, и опять купить песцовъ на вновь полученную водку,—словомъ, продѣлать все то, чего не умѣли дѣлать промышленники, называемые имъ дураками. Были Омолонскіе юкагиры, въ томъ числѣ и Василій и Ѳедотъ.

Василій уже успѣлъ осуществить свой сонъ въ лунную ночь. Все произошло такъ, какъ ему снилось, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, противъ которыхъ онъ ничего не имѣлъ: чукчи омолонской стороны пили много, но гостинцевъ дали очень мало. Когда всѣ люди обоихъ омолонскихъ родовъ, ламуты и чукчи двинулись вслѣдъ за заколдованной флягой на другое стойбище и сдѣлали привалъ на берегахъ рѣчки безъимянной,—ихъ захватила не ясная заря, а пурга. Она задула огонь, засыпала костеръ снѣгомъ и всѣхъ людей тоже засыпала снѣгомъ, такъ что они сдѣлались похожими на бѣлыхъ чертей, какихъ видитъ иногда во снѣ выпившій человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, вся орда, провожавшая флягу и даже два каменные ламута, которымъ въ особенности трудно пришлось верхомъ на оленяхъ—двинулась впередъ какъ ни въ чемъ не бывало, безъ страха и сомнѣнья (совсѣмъ какъ-бы во снѣ). Но, такъ какъ на привалѣ было выпито больше полуведра, то у всѣхъ людей зарябило въ глазахъ: имъ показалось, что съ мутнаго неба попадали на мутный снѣгъ невиданныя страшилища и закрутились, запрыгали въ снѣжныхъ столбахъ надъ землею, наскакивая то на людей омоцкаго рода, ѣхавшихъ на собакахъ, то на чукчей, ѣхавшихъ на оленяхъ, то на ламутовъ.. На чукчу Укулики (такъ показалось Василью) сѣло смѣшное страшилище въ добрую лисину вышиной, а толщиной—напоминавшее купчиху Елисавету, когда она на ярмаркѣ силится закрыть юбкой отъ взоровъ начальства свой кабачекъ, устроенный для чукчей. Но чукча Укулики махнулъ хлыстомъ и снѣжное чудовище рассыпалось на тысячу мелкихъ кусковъ, залѣпило Ѳедоту глаза, а самого Василія такъ хлестнуло по щекѣ, что ему небо съ овчинку показалось... Можетъ быть, оно залѣпило глаза и всѣмъ про-

чимъ людямъ, потому что люди сбились съ дороги и должны были, пославъ опытнаго человѣка отыскивать чукчей, сдѣлать привалъ. Черезъ три часа человѣкъ отыскалъ чукчей, и вернулся, хотя чудовища, прилетѣвшія съ бурей, кидали въ него снѣгомъ и дѣлали рѣшительныя попытки „промыслить“ его, — столкнуть его въ яму и засыпать сугробомъ. По большинству голосовъ опытному человѣку была присуждена чашка водки. На слѣдующемъ стойбищѣ пили очень хорошо и фляга начала становиться легче, несмотря на то, что была заколдована. На двухъ заимкахъ Похотской и Пантелѣихѣ флягу прикончили, такъ что на другой день пили уже ея ополоски. За то и повеселились лихо на вечеркахъ. „Чево и говорить, — на что лучше“? — говорилъ Василій, вспоминая о своихъ похожденияхъ...

Фляга кончилась и съ нею кончился весь почетъ, которымъ пользовался Василій, пока былъ обладателемъ ея. Съ полной флягой онъ былъ „тойономъ“ *); съ пустой — онъ сталъ простымъ, ничѣмъ не выдающимся въ средѣ другихъ юкагирь человѣкомъ. А теперь онъ ѣхалъ на ярмарку въ Островное въ той надеждѣ, что чукчи, пившіе его водку мѣсяцъ тому назадъ, будутъ теперь подчивать его своей. Эта надежда не обманула его.

Пріѣхавъ ночью въ крѣпость, гдѣ онъ, какъ обрусѣвшій, имѣлъ право жить, онъ всталъ рано, чуть свѣтъ, передъ началомъ торга. Въ ожиданьи пока откроютъ ворота и впустятъ въ крѣпость дикихъ людей, онъ слонялся по двору и, подходя къ воротамъ, глядѣлъ въ щелку, не собираются ли чукчи, не приносятъ-ли они жертвъ богамъ лѣсовъ и тундръ.

Жертвы заключались въ томъ, что чукчи мазали крѣпостныя ворота оленьей кровью, прилѣпляли къ нимъ куски жиру и мяса, чтобы испросить себѣ у боговъ удачу въ предстоящихъ имъ торговыхъ сдѣлкахъ съ русскими. Русскіе съ своей стороны тоже приносили жертвы, — служили молебны. Чукчи, даже крещеные, не рѣшались измѣнить богамъ своей земли въ столь важныя минуты своей жизни; при томъ эти боги были не требовательны и удовлетворялись кусочками жиру и мяса, а „русскіе шаманы“ **), обыкновенно, требовали за свои моленья русскому Богу, — котораго чукчи, впрочемъ считали самымъ грознымъ и сильнымъ изъ всѣхъ, какіе только есть гдѣ нибудь, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ земли и неба — песцовъ, лисицъ, бѣлокъ. Это было справедливо (разсуждали чукчи): великому богу — слѣдуютъ великіе подарки; но гдѣ же взять бѣдному человѣку лисицъ и песцовъ?

Тѣмъ болѣе, что бѣдный человѣкъ, поймавъ ихъ, чувствуетъ непреодолимое желаніе пропить ихъ купшамъ; можетъ быть,

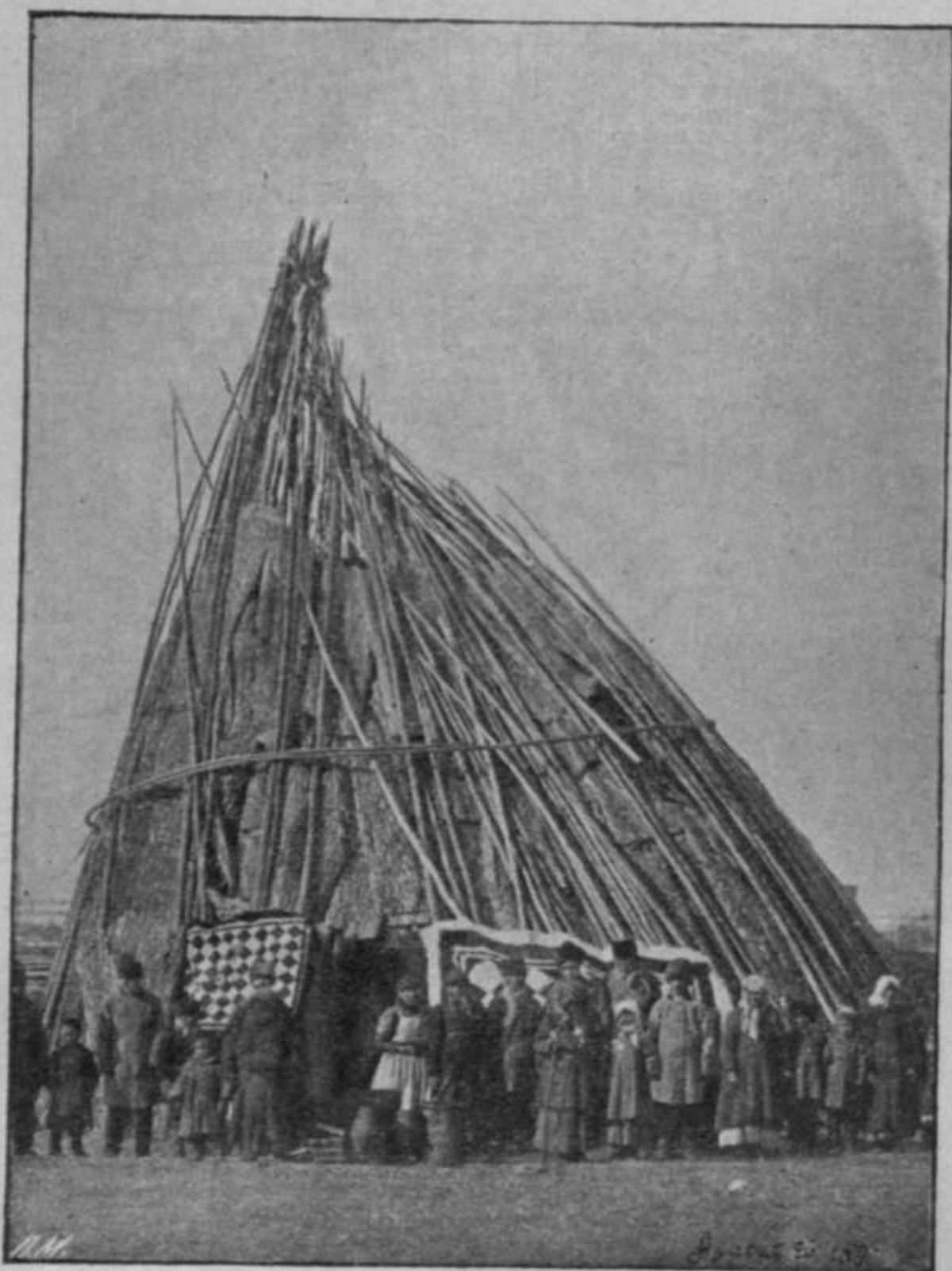
*) Тойонъ — господинъ, баринъ (якутск. слово, но принято и у русскихъ).

**) Священники.

купцы уже сами отдадутъ ихъ грозному Богу и онъ, можетъ быть, вспомнить, что поймали песцовъ не купцы, а чукчи и помилуетъ за одно ужъ и ихъ? А пока—они приносили своимъ маленькимъ богамъ маленькія жертвы, безъ посредства шамановъ. Они вѣшали на деревья мѣховые лоскутки, бросали въ огонь куски мяса, залѣпляли ворота крѣпости кусками жиру. Это было гораздо экономнѣе, чѣмъ приносить жертвы при посредствѣ русскаго шамана.

Василій смотрѣлъ въ одну щелку воротъ, а Федотъ въ другую, но чукчей еще не было видно. Вся долина рѣки Анюя, извивавшаяся среди горъ, тонула въ морозномъ туманѣ. Стѣны его еще были неподвижны, но блеснула заря и онѣ начали колебаться. Солнца еще не было видно, но оно свѣтило гдѣ-то за горами; изъ за этихъ горъ лучи солнца падали на долину, и точно огненные стрѣлы пронизывали туманы. Вдругъ изъ за горы, гдѣ свѣтила заря, поднялся огненно-красный столбъ и протянулся по небу... солнце заглянуло въ глубь долины, и она пробудилась отъ сна. Казалось, чья то таинственная рука отдернула занавѣсъ, лежавшую между небомъ и землей, сняла туманный покровъ съ лѣсовъ и долинъ. Заря гасла въ солнечныхъ лучахъ; ея улыбки замирали на бѣлыхъ горахъ, обступавшихъ долину; невѣрнымъ свѣтомъ, какъ бы проходившимъ сквозь цвѣтныя стекла, свѣтили потухавшія звѣзды; луна, блѣднѣя въ солнечномъ свѣтѣ, походила на серебряный шаръ, прикрытый голубой кисеей... Казалось, что въ одинъ мигъ три картины — одна, нарисованная луной, другая — зарей, третья — солнцемъ — смѣнились одна другою. Въ картинѣ, нарисованной луною, было что то грустное, какъ мысль о смерти, мечтательное, какъ сонъ о невѣдомомъ; въ картинѣ, нарисованной зарею, было что то нѣжное и радостное, какъ румянецъ молодыхъ щекъ; въ картинѣ, нарисованной солнцемъ, была жизнь, сила, красота. Эту красоту и силу солнце сообщило землѣ, искрящейся въ снѣгахъ; горамъ, похожимъ на огромныя глыбы мрамора, и облакамъ, парившимъ надъ лѣсами.

Солнце заглянуло и въ крѣпость. Его косые лучи скользнули по высокимъ бревенчатымъ стѣнамъ, огораживающимъ крѣпость, заиграли на позолоченномъ крестѣ деревянной часовеньки, гдѣ купцы служили молебны, призывая на свои начинанья благословеніе Божіе, и зажгло золотистые огоньки на льдинахъ, вставленныхъ въ окна домиковъ, гдѣ останавливались купцы и каюры и помѣщалось все временное населеніе крѣпости. И скоро вся крѣпость пришла въ движеніе. Каюры вышли кормить собакъ, лежавшихъ на привязи и въ упряжи вдоль забора и улаживавшихъ въ теченіе ночи сонъ своихъ хозяевъ заунывнымъ воемъ, доносившемся и въ лагери чукчей. Прикащики и купцы отво-

„Ураса“ — старинное жилище Якутовъ.
(Un urasse, ancienne habitation des Yakoutes).

Китайская кумирня.
(Un temple d'idoles chinoises).

ряли лавки; мелкіе торговцы, къ которымъ принадлежали всѣ каюры, все временное населеніе крѣпости, выходили изъ домовъ со своими мѣшками, гдѣ были спрятаны кирпичи чаю, папуши табаку и другіе товары, обмѣниваемые ими на мѣха. Всѣ они столпились у воротъ и ждали, подшучивая одинъ надъ другимъ, а иногда бранясь и переругиваясь между собою, — пока откроютъ ворота. А въ щеляхъ воротъ уже блестѣли глаза дикихъ людей, пріѣхавшихъ на своихъ оленяхъ подъ крѣпость, съ мѣшками изъ оленьихъ и нерпихъ шкуръ, гдѣ были спрятаны песцы, лисицы и бобры.

Въ крѣпости всѣ ждали сигнала, когда можно будетъ броситься въ погоню за „фартомъ“ — счастьемъ; всѣ готовились оспаривать дугъ у друга промыселъ дикихъ людей.

Наконецъ, казакъ Селивановъ степенной походкой, медленно, какъ бы подсмѣиваясь про себя надъ нетерпѣньемъ импровизированныхъ купцовъ Анюйской толкучки, — направился къ воротамъ съ ключами въ рукахъ. Въ своей мохнатой пыжиковой шапкѣ и такой же черной куфлянкѣ (рубахѣ) съ бѣлымъ опованомъ *) — онъ былъ похожъ на чукчу и только одни „сары“ — родъ сапоговъ изъ сыромятной кобылей кожи съ вздернутыми вверхъ носками, — оспаривали это сходство.

— Почто черезъ заборъ лазите ребята? Вчера исправникъ велѣлъ забрать въ караулку всѣхъ, кто будетъ это дѣлать... Торговля для всѣхъ одна; а кожды ворота заперты, нельзя, ребята, къ чукчамъ тайно черезъ заборъ лазить. Мотри у меня!..

Съ этими словами онъ загремѣлъ ключемъ въ замкъ и давно желанный для всѣхъ приказчиковъ толкучки мигъ наступилъ. Черезъ широко раскрытыя ворота въ крѣпость ворвалась толпа чукчей, чукчанокъ, тунгусовъ, ламутовъ и рассыпалась живописными группами по просторному двору.

Чукчанки, одѣтыя въ пыжиковыя одежды того малоизвѣстнаго покроя, который умѣло соединяетъ мужскую одежду съ женской, усѣлись на свои санки, на мѣшкахъ пушнаго. Чукчи въ рубахахъ изъ оленьихъ шкуръ или въ цвѣтныхъ американскихъ, ситцевыхъ рубахахъ поверхъ ихъ, или въ камлеяхъ (тоже рубаха) изъ темной дымленой ровдуги, — разбрелись по всему двору. Одни изъ нихъ пошли къ купцамъ гостить или торговать оптомъ суммы съ табакомъ, мѣста чаю, другіе околачивались около лавокъ, третьи шатались вокругъ жилыхъ помѣщеній, дѣлали таинственные знаки выходившимъ каюрамъ, давая имъ понять, что ищутъ водки. Ламуты, одѣтые въ черныя пыжиковыя, расшитыя бисеромъ и кусочками цвѣтной кожи по краямъ, каф-

*) Опованъ — широкая кайма изъ пыжика, оторочивающая нижній край рубахи — (куфлянки).

таны, своими уходившими назадъ полами похожіе на фраки, въ тѣсныя ровдужныя рубахи съ красными каймами; ламутки, пѣшія и верхомъ на оленяхъ, увѣшанныя мѣдными и серебрянными побрякушками, монетами и бляхами, на которыхъ восходящее солнце зажигало бѣгающіе огоньки; юркіе нижеколымцы въ чукотскихъ костюмахъ, но болѣе изящнаго покроя, сновавшіе между нартами чукчанокъ, еле волоча свои мѣшки за собою по снѣгу; обрусѣвшіе чуванцы съ Анадыра въ щегольскихъ пыжиковыхъ паркахъ *), черныхъ, бархатистыхъ, блестѣвшихъ какъ атласъ и расшитыхъ по краямъ разноцвѣтными шелками; якуты въ сѣрыхъ суконныхъ кафтанахъ съ буфами на плечахъ, какъ бы скроенныхъ по картинкамъ послѣднихъ парижскихъ модъ, въ поясахъ, обложенныхъ серебромъ или посеребренной мѣдью, — все это волновалось, шумѣло, толкалось по своеобразной Анюйской толкучкѣ. Иногда и сами купцы не брезгали толкучкой и, ходя между чукчами, отыскивали такихъ, у которыхъ въ мѣшкахъ были наиболѣе цѣнные мѣха: песцы бѣлые и голубые, лисицы огневки и сиводушки. Издавна установленный обычай требовалъ, чтобы купцы торговали у себя въ домахъ или лавкахъ, а на толкучку посылали только мелкій людъ, снабдивъ его товаромъ, въ качествѣ приказчиковъ, и потому купцамъ, не брезговавшимъ толкучкой, приходилось выслушивать колкія замѣчанія и насмѣлки отъ мелкихъ торговцевъ.

— Ты, видно, Иннокентій Ивановичъ, обѣднѣлъ, что въ наши дразги полѣзъ, — а? Къ тебѣ въ лавку, видно, никто и не заглянулъ?..

Мелочная торговля на анюйской толкучкѣ происходитъ такъ.

Чукчи, расположившіеся на своихъ нартахъ посреди двора, постепенно вынимаютъ всѣ мѣха, которыя желаютъ обмѣнять, кладутъ ихъ передъ собою на нарты, или держатъ въ рукахъ. Подходятъ русскіе, спрашиваютъ о цѣнѣ и стараются соблазнить чукчу или чукчанку разными товарами, вынимая ихъ изъ мѣшковъ. Чукча проситъ за свои мѣха не то, что они стоятъ на рынкѣ, такъ какъ эти цѣны ему неизвѣстны, а то, что ему нужно: чайникъ, котель, пальму, кирпичи чаю, табакъ, и оцѣниваетъ мѣха по своему произволу. Если ему никто не даетъ требуемой вещи, онъ заключаетъ, что черезъ чуръ много запросилъ и понижаетъ требоваіе. Часто дикари, неумѣющіе владѣть своими чувствами, переходятъ внезапно отъ высокой цѣны къ низкой и этимъ пользуются русскіе. Чукча внимательно осматриваетъ всѣ предлагаемые ему предметы; если они ему не нравятся, онъ говоритъ „уйна“ (нѣтъ) и возвращаетъ товаръ; если нравятся, онъ говоритъ „меченьки“ (хорошо) и отдаетъ

*) Парка — двойная пыжиковая рубаха.

свой мѣха. Иногда, если товаръ ему нравится качествомъ, но количество не удовлетворяетъ его, онъ проситъ прибавки „тальпуку“ (прибавь) и самъ даетъ „тальпуку“, если этого требуетъ русскій.

Такимъ образомъ, торговля въ Островномъ, вслѣдствіе отсутствія какихъ либо опредѣленныхъ нормъ обмѣна,—похожа на лоттерею: иному достается крупный выигрышъ, другому (рѣже, впрочемъ) пустой билетъ. Въ общемъ мелкимъ торгашамъ часто попадаютъ за безцѣнокъ очень дорогія вещи, а въ особенности въ обмѣнъ на водку.

Опорожнивъ свои мѣшки и набивъ ихъ пушниной, импровизированные приказчики отправляются въ лавки къ купцамъ и сдаютъ имъ уже по извѣстнымъ опредѣленнымъ цѣнамъ пушное или обмѣниваютъ его по тѣмъ же цѣнамъ на товары и съ ними отправляются вновь на толкучку; болѣе ловкіе пробираются въ лагери чукчей и расторговываются тамъ. Кто съумѣетъ больше обмѣнять товару своего или чужого на мѣха въ теченіе дня, у того и дневной барышъ больше; отсюда и — лихорадочная торопливость въ торговлѣ и все бѣснованіе толкучки...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. Клюге.

Пелымскій край.

(Очеркъ).

Пелымскій край составляетъ часть Туринскаго уѣзда Тобольской губ., но, благодаря своей отдаленности, онъ среди туринцевъ считается стоящимъ, такъ сказать, особнякомъ. Если кто-нибудь ѣдетъ въ этотъ край, то говорятъ — „поѣхалъ на Тавду“. Такъ именуется туринцами Пелымскій край. Туринцы ѣздятъ „на Тавду“ за рыбой, за орѣхами, за ягодами и за пушниной. Въ свою очередь, „тавдинцы“ ѣздятъ въ Туринскъ за хлѣбомъ и пр. продуктами и товарами, какихъ нѣтъ въ Пелымѣ — главномъ торговомъ центрѣ Тавдинскаго края.

Почти весь Туринскій уѣздъ расположенъ по р. Турѣ, а жители Пелымскаго края — по р. Тавдѣ. — откуда и получили названіе (въ Туринскѣ) тавдинцевъ. Рѣка Тавда — судоходная: по ней ходятъ пароходы изъ Сосвинскаго завода до Тюмени, съ чугуномъ и желѣзомъ, а изъ Тюмени — привозятъ на нихъ хлѣбные и пр. грузы. Рѣки Тавда и Тура текутъ почти параллельно. Первая беретъ свое начало далеко за Пелымомъ, а вторая — за Верхотурьемъ (Пермской губ.), выше его.

Въ прошломъ столѣтіи Пелымскій край считался отдаленнѣйшею частью Сибири, потому и ссылались туда важные государственные преступники. Этотъ край въ отдаленныя времена былъ заселенъ вогулами, считающимися теперь инородцами. Вогулы имѣютъ свои инородческія управленія, которыми раньше завѣдывалъ исключительно Туринскій исправникъ *). Пелымскій край русскими заселялся медленно, въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Сперва ѣздили туда торговцы и эксплуатировали инородцевъ; напр., за бутылку самой скверной водки, да еще разбавленной водой, брали соболя или нѣсколько лисицъ, а то и шкуру медвѣдя,—и, понятно, наживались. Назадъ тому 10—15 лѣтъ этотъ край считался „золотымъ дномъ“ среди торговцевъ. Но, вотъ, въ край начали ѣздить за пушнымъ товаромъ изъ Тобольска и др. городовъ и стали скупать товаръ на мѣстѣ, надбавляя цѣну. Кромѣ того, въ послѣднее время сами тавдинцы научились ѣздить въ Ирбитъ со своимъ товаромъ и тамъ продавать его во время ярмарокъ. Масса торговцевъ постепенно переселялись въ Пелымскій край и жизнь пошла по закону конкуренціи... Теперь ужъ туринскіе торговцы не ѣздятъ торговать въ Пелымскій край (своихъ торговцевъ тамъ хотъ отбавляй) и съ грустью вспоминаютъ старое доброе время.

Сперва въ этотъ край, какъ сказано выше, селились торговцы и тянули за собой своихъ присныхъ. Потомъ начали селиться выходцы изъ Пермской и Вятской губ., а также и изъ Тобольской губ., привлекаемые изъ разныхъ уѣздовъ рыболовнымъ и звѣринымъ промысломъ и ссыльные. Теперь пелымскаго инородца не отличить отъ русскаго,—только развѣ по выговору, который до сихъ поръ до нельзя плохой. Русскіе живутъ деревнями, а инородцы „паулами“, въ 3, 5 и 10 домовъ. Русскіе женятся на инородкахъ и инородцы на русскихъ. Замѣчательно, что русскіе, проживъ нѣсколько лѣтъ среди инородцевъ, усваиваютъ ихъ акцентъ.

Пелымскій край изобилуетъ лѣсами и въ немъ масса рѣкъ и озеръ, въ которыхъ когда то водилось много рыбы—и теперь еще много ее водится, но все не въ прежнемъ изобиліи. Кромѣ этого, въ краѣ масса всякихъ звѣрей, особенно сохатыхъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія и благодаря хищническимъ приѣмамъ ловли рыбы и звѣрей, теперь ихъ стало значительно меньше,—и съ каждымъ годомъ все уменьшается. Что эти приѣмы дѣйствительно хищническіе,—можно судить хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ. Напр., въ 60 вер. отъ города есть громадное

*) Послѣ реформы крестьянскихъ учрежденій и образованія института крестьянскихъ начальниковъ инородческія управленія (управы) перешли въ завѣдываніе послѣднихъ.

озеро „Дикое“. Вода въ этомъ озерѣ такъ прозрачна, что на 4—5 саженой глубинѣ можно видѣть брошенную монету. И рыбу такъ же видно въ немъ,—а ее тамъ масса. Когда вытаскиваютъ неводомъ рыбу изъ воды, то, вмѣстѣ съ крупной рыбой, попадаетъ и мелкая. Рыболовы крупную рыбу отбираютъ и садятъ тутъ же въ садки (и держатъ ее въ нихъ до зимы), а мелкую оставляютъ на берегу,—гдѣ она пропадаетъ и гніетъ. А какъ ловятъ сохатыхъ (лося) звѣрей? Мало того, что ихъ стрѣляютъ, а еще ловятъ ихъ ямами, котсрыя дѣлаютъ нарочно для этой цѣли и закрываютъ прутьями и мохомъ сверху: лось „бѣжитъ“ и попадаетъ въ такую яму... Иногда по нѣскольку мѣсяцевъ звѣрь „лежитъ“ въ ямѣ (пока соберутся „посмотрѣть“), пропадаетъ съ голоду и гніетъ—„продухнетъ“. А то еще дѣлаютъ въ гущинѣ лѣса „улицу“, закрѣпляютъ на дорогѣ „ножи“ (длинные плоскія копья); лось „бѣжитъ по улицѣ“, набѣгаетъ на ножи и запарывается. Подобныя хищническіе приемы охоты слѣдовало бы безусловно воспретить...

Тяжелыя, грустныя и, въ то же время, трогательныя сцены происходятъ, когда убиваютъ самку лоса, если съ ней при томъ еще маленькіе лосята. Безжалостная пуля охотника сразитъ мать; она со стономъ падаетъ, пытается встать и снова падаетъ, издавая стоны, пока не растянется въ предсмертныхъ судорогахъ, все время не спуская заботливаго материнскаго взгляда со своихъ малютокъ. А они беззаботно стоятъ около трупa матери: приходите, берите ихъ и дѣлайте съ ними что угодно;—нѣкоторые охотники тутъ же закалываютъ ихъ. А бываетъ такъ, что охотникъ прѣзжаетъ на саняхъ; взваливаетъ трупъ самки на сани и везетъ домой; а лосята съ той же беззаботностью идутъ за нимъ, воображая, очевидно, что идутъ за матерью. Нѣкоторые охотники, такимъ образомъ, приведенныхъ „домой“ молоденькихъ оленятъ приручаютъ. Взятый маленькимъ звѣрь до такой степени привыкаетъ ко двору, что заходитъ въ избу и, если что нибудь въ ней найдетъ съѣдобное—все уничтожитъ и „всѣ полки обшаритъ“. Прирученныхъ кормятъ сѣномъ, таловыми прутьями.

Такимъ образомъ, населеніе Пелымскаго края занимается, главнымъ образомъ, звѣрловствомъ—„охотой“. Правда, оно занимается и хлѣбопашествомъ, но въ очень малыхъ размѣрахъ. Едва управившись со страдой, тавдинецъ уже запасаетъ „припасы“ и „казну“: сухари (пудъ и больше), картошки, чай кирпичный, табакъ, порохъ, дробь и чиститъ винтовку. Оружіе у нихъ по большей части кремневое съ массой ремешковъ и деревянныхъ клинышковъ съ кожей въ замкѣ. Едва падетъ снѣгъ и подмерзнетъ, охотники идутъ въ лѣсъ: они такъ далеко заходятъ, что встрѣчаются съ березовскими охотниками—остяками. Бьютъ, главнымъ образомъ, бѣлку и попутно др. звѣрей,—„кто попадетъ“. Птицу бьютъ больше для варева. Послѣ масляной охотники возвращаются и ѣдутъ въ лѣсъ на лошадяхъ „за промысломъ“, который складывается въ извѣстномъ мѣстѣ *).

Собаками тавдинцы сильно дорожатъ, ихъ у каждаго охотника отъ 2 до 5. Хорошую собаку охотникъ не продастъ за 200—300 р. И собаки дѣйствительно большую пользу приносятъ охотникамъ. Идетъ охотникъ по лѣсу, а собаки впереди. Если попалась бѣлка, собаки „лаютъ“—приходи и стрѣлай. Попался медвѣдь—„со-

*, Есть еще охота на, такъ называемый, ч а р ы м ъ, обыкновенно, вел. постомъ, когда снѣгъ подтаетъ (сядетъ) и подмерзнетъ сверху. Такой снѣгъ, сверху твердый, снизу рыхлый, человѣка на лыжахъ и собаку держитъ, а звѣря нѣтъ: звѣрь оступается,—его нагоняютъ и бьютъ.

баки „постановятъ“ его и „ходу не дадутъ“. Попался „звѣрь“ — лось; собаки стараются гнать его на хозяина. какъ гончія зайца *)).

Такъ какъ рыбы много, то она составляетъ главную пищу въ Пелым. краѣ. Ее варятъ въ большихъ котлахъ, въ 1—2 и болѣе ведра (смотря по семьѣ); выцѣживаютъ воду и ѣдятъ только одну рыбу и въ большинствѣ случаевъ—вовсе безъ хлѣба. И ѣдятъ тавдинцы ее замѣчательно быстро, возьметъ тавдинецъ рыбу обѣими руками въ ротъ, проведетъ ее по зубамъ и моментально рыба отдѣляется отъ костей и тотчасъ проглатывается. Мясная пища — рѣдкость въ Пелымскомъ краѣ. За то дичи и оленины много, даже зимой: рябчики, тетерева, куропатки и пр. въ изобиліи. Ёдятъ ихъ, преимущественно, не жареными, а вареными, приготавливая изъ нихъ „похлебку“.

Въ Туринскѣ давно носятъ слухи, что „на Тавдѣ“ есть золото. Даже говорятъ, что золото находили случайно, только „мелкое“ (т. е. золотой песокъ).

Съ прошлаго года начались работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ.

Пространство, занимаемое Пелымскимъ краемъ, по официальнымъ даннымъ, равняется 46,800 кв. в.; изъ этого подъ лѣсомъ считается пятая часть. Но надо принять во вниманіе, что Министерство Госуд. Имуществъ беретъ въ расчетъ только лѣсъ годный для эксплуатаціи и хвойныхъ породъ, т. е. строевой. Почему лѣснаго пространства въ Пелымскомъ краѣ, вѣроятно, еще больше.

Табаринская волость.

Первая волость по Пелымскому тракту—Табаринская, въ 95 вер. отъ города. Волость состоитъ изъ 24 селеній и 2 селъ —Табаринскаго и Чернавскаго. Село Табары стоитъ на берегу Тавды и мимо его то и дѣло лѣтомъ снуютъ пароходы. Въ селѣ каменная церковь, минист. училище (другое въ с. Чернавскомъ), вол. правл., инородч. управа и лечебница; при лечебницѣ врачъ и фельдшеръ. Въ селѣ докторъ,—одинъ на весь Пелымскій край. Въ обоихъ училищахъ до 30 учащихся. Въ Табарахъ почтовая станція съ пріемомъ и выдачей заказн. и страх. корреспонденціи **). Населеніе волости состоитъ изъ русскихъ и инородцевъ, всего 3997 д.,—1976 м. п. и 2021 ж. п. Дворовъ 690, въ томъ числѣ 167 инородческихъ. Населеніе занимается, главнымъ образомъ, лѣсными промыслами и отчасти земледѣліемъ.

Посѣвы въ Таб. вол. не велики: рожью засѣвается русскими 380 дес., снимается до 24600 п., а инородцами 124 д., снимается 7340 п.; пшеницей засѣв. русск. 160 дес., сним. 8320 п.; а инор. зас. 52 дес., сним. 1430 пуд.; овсомъ засѣв. русс. 265 дес., сним. 12800 п.; а инород. зас. 53 дес. и сним. 2465 п.; ячменемъ

*) Тавдинцы, правда, много истребляютъ звѣрей; но за то и сами не мало терпятъ отъ нихъ. Въ лѣтнее время медвѣди выходятъ изъ лѣса, приближаются къ пастбищамъ и „задираютъ“ скотъ—коровъ, лошадей. Замѣчательно то, что волковъ, наоборотъ, въ Пелымскомъ краѣ мало и они попадаются рѣдко.

**) Пожарныхъ машинъ 1, съ обозомъ. Въ с. Чернавскомъ бываетъ ярмарка 27 декабря. Оборотъ ея до 1500 р.

зас. русс. 220 дес., сним. 8710 п., а инор. зас. 56 дес., сним. 2870 п.; картофелемъ зас. русс. 35 четв.; сним. 350 четв.; а инор. зас. 11 четв.; сним. 120 четв. Всего хлѣба снимается, кромѣ овса, 47270 пуд., что составить на дворъ 68,5 пуд., а на ѣдока около 12 пудовъ.

Скотоводство. Лошадей у русскихъ 1545 и у инородцевъ 605 шт. Рогатаго скота у русс. 1693 и у инор. 820 шт.; овецъ у русс. 1610 и у инор. 712 шт.; свиней у русс. 1069 и у инор. 562 шт.; козъ у русс. 11 и у инор. 18 шт. На каждую лошадь овса приходится 7,5 пуд. Сѣнокосныхъ угодій въ Табар. вол. много, такъ что сѣно привозятъ даже въ Туринскъ для продажи, за 100 и больше верстъ. Тавдинское сѣно считается лучшимъ въ уѣздѣ: — „только корми да пой (скотину) почаще и овса не надо“ — говорятъ Туринцы объ этомъ сѣнѣ.

Ремесленники волости: хлѣбопековъ 7, булочниковъ 3, пряничниковъ 4, крендельщиковъ 2, мясниковъ 3, портныхъ 4, сапожниковъ 3, скорняжниковъ и шубниковъ 4, шимокатовъ 2, посудниковъ 4, каменщиковъ 3, столяровъ 1, шорниковъ 3, маляровъ 1, стекольщиковъ 6, плотниковъ 19, печниковъ 16, кузнецовъ 5, войлочниковъ 1, ситниковъ 13, красильщиковъ 2, кирпичниковъ 11, слесарей 1, токарей 1, шерстобитовъ 2, коноваловъ 2, дегтяниковъ 3, мельниковъ 6, смольниковъ 21, лычниковъ 113 и трубочниковъ 1 чел. Всего 286 чел.

Въ сѣверной части Табаровской волости нарѣзываются переселенческіе участки. Пока нарѣзано 6 участковъ 6403 десятинъ, между деревнями Лушниковой и Назаровой, около р. Попой, впадающей въ Тавду. Потомъ еще предполагается нарѣзать 2 уч. на р. Волчимѣ (впадающей въ Тавду), около деревни Сотниковой, въ 2168 дес. На р. Табаринкѣ 4 уч. — 3913 дес. Предполагалось еще нарѣзать 10 уч. — 15000 дес. въ Емельяшевской дачѣ, но лѣсное вѣдомство выступило съ протестомъ противъ заселенія ея потому, во первыхъ, что эта дача 1-го разряда и, во вторыхъ, изъ нея пользуется строевымъ лѣсомъ почти половина всего Туринскаго уѣзда.

Пелымская волость.

Отъ Табаровъ до Пелыма или Пелыми можно добраться только водою, на лодкахъ по Тавдѣ, больше 200 вер. Колесныхъ же дорогъ до Пелыма лѣтомъ нѣтъ, а зимой только ѣздить верхомъ на лошадяхъ. Дорогъ нѣтъ, благодаря непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ. Въ 1900 г. для соединенія переселенческихъ участковъ провели дорогу отъ деревни Фирули и до дер. Томской, всего 40 вер., да и то неудачно. Мѣстность, по которой повели дорогу (вверхъ по Тавдѣ), оказалась лѣсистая и холмистая, изрѣзанная лѣсными рѣчками; такъ что на 40 верстномъ разстояніи пришлось строить больше 30 мостовъ. Лѣсъ для дороги пришлось рубить крупный: приходилось срубать лѣсины въ 3 обхвата. Теперь осенними дождями дорогу размыло и повредило мосты. Постройка же дороги обошлась около 100 р. за версту.

Село Пелымское стоитъ на ровной, красивой мѣстности. Съ лѣвой стороны села, въ 100 саж. отъ него течетъ р. Тавда, а съ правой — Пелымка, шириной равна Турѣ, — только мельче ея (далеко ниже села она впадаетъ въ Тавду). Въ селѣ — церковь, минист. училище съ 24 учениками и волостное правленіе. Вся Пелымская волость состоитъ изъ 55 селеній, 4 селъ и 730 дворовъ. Жителей 5268 д., — 2853 м. п. и 2415 ж. п.

Населеніе занимается, главнымъ образомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Въ волости имѣются 2 школы грамотности и 1 пожарная машина съ обозомъ.

Промыслы населенія въ среднемъ выражаются приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ: рыбы добывается около 1000 п. въ годъ; звѣрей убивается: соболей до 100 шт., лисицъ до 45 шт., медвѣдей 10 шт., оленей до 30 шт., сохатыхъ до 35 шт., рысей 15 шт., бѣлокъ до 2500 шт., зайцевъ 300 шт. За все это выручается до 5000 р. Кромѣ того, еще убивается изъ птицъ не мало рябчиковъ (остальную дичь сами ѣдятъ,—не продаютъ), но сколько именно — неизвѣстно. Когда бываетъ урожай орѣховъ, то на этомъ еще целымъ цы зарабатываютъ около 200 р., — только урожай орѣховъ бываетъ не каждый годъ.

Благодаря занятію промыслами, хлѣбопашество не развито; сѣется мало, а именно: рожью засѣвается 200 дес., снимается до 10,000 п.; овсомъ засѣвается 484 дес., снимается 28,900 п.; ячменемъ засѣвается 284 дес., снимается 12,780 п.; картофелемъ засѣвается 6990 дес., снимается до 30,000 пуд. Такое большое количество посѣва картофеля объясняется тѣмъ, что охотники, отираваясь въ лѣсъ, много его забираютъ съ собой. Кромѣ того, сѣется еще ленъ и конопля, — до 42 дес. и снимается сѣмянъ около 3000 пуд. Пшеницы же въ Пелымской волости вовсе не сѣютъ. Хлѣба на дворъ приходится, кромѣ овса, 31,2 пуд., а на ѣдока 4,5 пуд.

Скотоводство. Лошадей 2178 шт., рогатаго скота 2532 шт., овецъ 5282 шт.; свиней 180 шт., На лошадей овса приходится 13,3 пуд. Сѣнокосныхъ угодій въ волости много.

Ремесленниковъ въ волости: рыболововъ 39, портныхъ 5, сапожниковъ 5, модистокъ 2, шляпницъ 1, шапочниковъ 1, овчинниковъ 3, пимокатовъ 4, шорниковъ 3, посудниковъ 9, войлочниковъ 5, столяровъ 6, плотниковъ 21, пильщиковъ 37, каменщиковъ 1, кирпичниковъ 13, стекольщиковъ 5, маляровъ 4, кузнецовъ 7, печниковъ 9, токарей 1, красильщиковъ 4, шерстобитовъ 6, колесниковъ 4, санниковъ 13, коноваловъ 6, мельниковъ 29, лычниковъ 72, смольниковъ 22 — всего 338 ремесленниковъ.

Гаринская волость.

Эта волость — смежная съ Пелымской волостью, на юго-западъ, гдѣ она соприкасается съ Жуковской волостью, т. е. угодья Гаринской волости доходятъ до р. Туры. Въ зимнее время есть прямая дорога отъ села Пелымскаго до с. Гаринскаго, 60 верстъ. Въ лѣтнее же время дороги нѣтъ, благодаря лѣсамъ и болотамъ. Вообще, въ Гаринской вол. много болотъ. Волость состоитъ изъ 29 селеній, 2 селъ и 1698 дворовъ, — каменныхъ зданій въ вол. 236. Жителей въ вол. 3237 д., 1452 м. п. и 1785 ж. п., — въ томъ числѣ ссыльныхъ 109 м. п. и 231 ж. п. Въ вол. 2 церкви и 2 минист. училища съ 78 учащ. мальчиковъ и 15 дѣвочекъ. Село Гаринское стоитъ на р. Сосьвѣ, недалеко отъ Со-свинскаго завода. Населеніе волости хотя и занимается хлѣбопашествомъ, но хлѣба ему не хватаетъ, а потому хлѣбъ покупается гаринцами на деньги въ сосѣднихъ волостяхъ, на р. Турѣ. Кромѣ хлѣбопашества, населеніе занимается сборомъ кедровыхъ орѣховъ и еще извознымъ промысломъ. Такъ возятъ рыбу съ р.р. Оби и Конды въ рудники и заводы Пермской губ. Отчасти занимаются и звѣроловствомъ. Въ селѣ есть сельскій банкъ (при волости) съ основнымъ капиталомъ въ 3000 рублей. Банкъ выдаетъ около 250 мелкихъ ссудъ въ годъ, на сумму около 4500

р. Сѣнокосныхъ угодій въ волости много и сѣно продается. При волости есть аптечка и въ селѣ живетъ фельдшеръ,—врачъ живетъ въ Туринскѣ.

Посѣвы. Рожью засѣвается 368 дес., снимается 72490 п.; пшеницей—11 дес., сним. 728 п.; овсомъ—646 дес., сним 30970 п.; ячменемъ—278 дес., сним. 13580 п.; картофелемъ—350 четвертей, сним. 878 п. Всего снимается хлѣба, кромѣ овса, 86798 п., что составитъ на дворъ 51,1 пуд., а на дѣлака придется около 27 пуд.

Скотоводство. Лошадей 2500 шт., рогатаго скота 3682 шт. Овецъ 1130 шт.; свиней 1200 шт. Овса на лошадь придется 12,3 пуд.

Можетъ показаться страннымъ, почему гаринцы, имѣя по 27 п. на дѣлака, еще покупаютъ хлѣбъ, но надо принять во вниманіе, что у нихъ въ волости 3682 шт. коровъ, для которыхъ тоже требуется хлѣбъ и мука,—въ „нойло“. Да еще свиней у нихъ 1200 шт., которыхъ „откармливаютъ“ также хлѣбомъ.

Ремесленниковъ въ волости: крендельщиковъ 2, рыболововъ 120, портныхъ 2, сапожниковъ 8, овчинниковъ 6, посудниковъ 2, столяровъ 5, маляровъ 5, стекольщиковъ 3, кузнецовъ 12, плотниковъ 13, печниковъ 9, пильщиковъ 60, кровельщиковъ 3, штукатуровъ 2, кирпичниковъ 3, кожевниковъ 1, шерстобитовъ 6, коноваловъ 8, санниковъ 60, дегтярниковъ 1, мельниковъ 5, мучниковъ 80,—всего 420 чел.

Тахтанское Сосвенское инородческое управленіе.

Тахтанскіе инородцы живутъ смежно съ Гаринской вол., на сѣверъ. Ихъ трудно отличить отъ русскихъ, потому что они уже вполне ассимилировались съ ними: русскіе женятся на инородкахъ и инородцы на русскихъ. Такъ что инородцевъ въ сущности нѣтъ, а существуютъ они только потому, что когда то существовали т. е. по названію. Всѣ они исповѣдуютъ православную вѣру, какъ и остальные инородцы въ Иелымскомъ краѣ. Вся волость состоитъ изъ 10 *пауловъ* (деревень), которые расположены на р. Сосвѣ, или недалеко отъ нея. Жителей въ паулахъ 481 д.,—267 м. и. и 214 ж. п. Населеніе занимается рыболовствомъ, звѣроловствомъ, извозными промыслами и хлѣбопашествомъ. Извозный промыселъ заключается въ томъ, что часть населенія возить рыбу съ р. Оби на заводы и рудники въ Пермской губ. Медицинскую помощь подаетъ фельдшеръ, такъ какъ врачъ живетъ въ Туринскѣ. Дѣти же инородцевъ учатся въ училищѣ гаринской волости.

Посѣвы: Рожью засѣвается 46 дес., снимается 3890 п. (пшеницы не сѣютъ); овсомъ засѣвается 58 дес., снимается 3420 п.; ячменемъ засѣвается 32 дес., снимается 1130 п., картофеля сѣется 60 четвертей, снимается 240 п. Всего хлѣба снимается, кромѣ овса, 5020 п., что составитъ на каждый паулъ (дворовъ неизвѣстно сколько) 502 п.; а на дѣлака 10,4 пуд.

Скотоводство. Лошадей 314 шт., рогатаго скота 250 шт.: овецъ 460 шт.; свиней 1040 шт. На каждую лошадь овса придется 10,8 пуд.

Изъ числа жителей занимаются рыболовствомъ 60 чел.: дѣлающихъ сани 17 чел., занимающихся скупкой и продажей хлѣба 10 чел.

Куртумская инородная управа.

Куртумцы, какъ и Тахтанцы, вполне ассимилировались съ русскими. Земельныя угодья куртумцевъ соприкасаются съ Жуковской волостью. Куртумцы живутъ въ 10 паулахъ, въ 56 дворовъ. Жителей въ 10 паулахъ 205 д., 140 м. п. и 165 ж. п.— въ томъ числѣ ссыльныхъ 5,—2 м. п. и 3 ж. п. Населеніе занимается рыболовствомъ, сбывая рыбу по сосѣднимъ волостямъ, и звѣроловствомъ. Медицинская помощь подается фельдшеромъ, живущимъ въ Благовѣщенской волости;—врачъ же живетъ въ Туринскѣ. Въ хлѣбозапасномъ магазинѣ хлѣба 1800 п.

Посѣвы. Рожью засѣвается 47 дес., снимается 2400 п., пшеницей засѣвается 36 дес., снимается 1600 п.; овсомъ засѣвается 27 дес., снимается 1230 п.; ячменемъ засѣвается 16 дес., снимается 630 п.; картофелемъ засѣвается $1\frac{1}{2}$ четверти, снимается 15 четвертей, что составитъ на дворъ хлѣба, кромѣ овса, около 80 пуд., а на флоса 21,6 пуд.

Скотоводство. Лошадей 156, рогатаго скота 174, овецъ 278, свиней 160, козъ 27. На лошадь овса прилется около 8 п. въ годъ. Сѣнокосныхъ же угодій у куртумцевъ достаточно.

Конда.

Мѣстность Конда, по р. Кондѣ, изобилуетъ большими озерами, которыя все извѣстны подъ общимъ названіемъ „Туманъ“, и лѣсными рѣчками. Конда находится выше Пелыми, на сѣверо-востокѣ. Въ этой мѣстности живутъ инородцы и большинство изъ нихъ плохо говорятъ по русски. Паулы инородцевъ расположены далеко одинъ отъ другого и маленькіе, въ 2—3 и 5 дворовъ,—рѣдко болѣе. Населеніе раздѣляется на 5 инородныхъ управъ: Больше-Кондинскую, Верхъ-Кондинскую, Усть-Кондинскую, Верхъ-Пелымскую и Вогильскую. Во всѣхъ 5 управахъ 60 пауловъ и 2 села, съ деревянными церквями. Жителей во всѣхъ управахъ 1318 д., 671 м. п. и 647 ж. п., которые живутъ въ 284 дворахъ. Дорогъ въ лѣтнее время въ паулы нѣтъ и никакъ до нихъ не добратъся, благодаря непроходимымъ лѣсамъ и болотамъ—зыбунамъ, которые иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Даже и между нѣкоторыми паулами сообщеніе затруднительно, благодаря тѣмъ же болотамъ. Если сообщеніе между паулами необходимо, то черезъ болота прокладываютъ въ 2 ряда бревна (по бревнамъ смѣльчаки ѣздятъ на лошадяхъ, верхомъ), а то и просто жерди. Впрочемъ, нѣкоторые паулы сообщаются между собой лѣсными тропинками, по которымъ пробираться возможно только верхомъ, или пѣшкомъ. За то зимой—вездѣ дороги. Поэтому торговли въ паулахъ нѣтъ, а торговцы пріѣзжаютъ сюда съ товаромъ зимой и торгуютъ, разъѣзжая по пауламъ, и тогда инородцамъ приходится запасаться всеѣмъ необходимымъ на все время бездорожицы, т. е. почти на годъ.

Населеніе хлѣбопашествомъ почти не занимается, по неимѣнію удобной земли: здѣсь или сплошной крупный лѣсъ, который трудно выкорчевывать, или сплошныя болота, осушать которыхъ — нѣтъ средствъ. Напр., въ Вогильскомъ всѣ земельныя угодья въ весеннее время заливаются водой. Поэтому инородцы хлѣбъ покупаютъ за наличныя деньги, какъ для себя, такъ и въ хлѣбо-запасныя магазины. Населеніе занимается исключительно лѣсными промыслами и рыболовствомъ. Продукты промысла инородцы сбываютъ на мѣстѣ пріѣзжимъ купцамъ, или за наличныя деньги, или вымѣниваютъ на товаръ. Богатые же инородцы на-роваютъ сбытъ свой товаръ (промыслы) на Ирбитской ярмаркѣ. Инородцамъ нельзя и не заниматься промыслами, потому что ок-ружающіе лѣса изобилуютъ всякимъ звѣремъ и дичью, а въ озерахъ и въ р. Кондѣ — масса всякой рыбы.

Этими паулами и кончается жительство на сѣверѣ Пелымскаго края. Дальше уже идутъ лѣса вплоть до Березовскаго уѣзда. Вотъ въ этихъ то лѣсахъ кондинскіе охот-ники — инородцы-вогулы часто встрѣчаются съ березовскими остяками — охотниками. При встрѣчахъ въ лѣсахъ инородцы другъ къ другу не проявляютъ никакой вражды.

Теперь мы отправимся внизъ по Тавдѣ и, минуя Пелымъ и Табары, доберемся до Кошукской волости, и наши краткія свѣдѣнія о Пелымскомъ краѣ будутъ кончены.

Кошукская волость.

Село Кошукское стоитъ на р. Тавдѣ, ниже Табаровъ, около 200 вер. Въ немъ каменная церковь, училище и волостное прав-леніе. Кошукская волость самая богатая во всемъ Тур. уѣздѣ по хлѣбопашеству. Кромѣ того, — по развитію; въ ней же нахо-дится извѣстная Андреевская фабрика *), гдѣ выдѣлываются раз-ные Андреевскіе сукна, одѣяла, бобрики и пр. Волость со-стоитъ изъ 17 селеній и 1 села — Кошукскаго. Жителей въ вол. 5777 д., — 2978 м. п. и 2799 ж. п., въ томъ числѣ инородцевъ 545 ч. м. п. и 576 ж. п. и ссыльныхъ 438 ч. м. п. и 231 ж. п. Дворовъ въ вол. 853. Кромѣ Андреевской фабрики, въ вол. еще есть паровая мукомольная мельница Хвастунова съ оборотомъ въ 30000 р. Рабочихъ (постоянныхъ) на фабрикѣ и мельницѣ 430 чел. Населеніе имѣетъ еще случайныя заработки, занимаясь из-возными промыслами. Главное же занятіе кошукцевъ земледѣліе.

Посѣвы. Рожью засѣвается 1184 дес., снимается 68.980 п., рожью яровой за-сѣвается 12 дес., снимается 460 п., пшеницей засѣвается 4292 дес., снимается 214.600 п.; овсомъ засѣвается 2120 дес., снимается около 100.000 п.; ячменемъ засѣвается 2100 дес., снимается 10.500 п.; горохомъ засѣвается 12 дес., снимается 200 п.; картофелемъ засѣвается 60 дес., снимается 6000 п.; льномъ засѣвается 31 дес., получается сѣмянъ 372 п.; коноплей засѣвается 26 дес.; получается сѣмянъ 294.600 п., что составитъ на дворъ 357, 16 п.; а на ѣдока 51 пуд.

Скотоводство. Лошадей 2682 головъ, рогатаго скота 3656, овецъ 5588, сви-ней 3060, козъ 40. На каждую лошадь овса придется 38 п. въ годъ.

О числѣ ремесленниковъ, кромѣ заводскихъ, данныхъ у насъ нѣтъ.

А. Бахаревъ.

*) Оборотъ фабрики до 250000 р. Она стоитъ въ 10 вер. отъ села.

Подъ диктовку сердца.

(Тема для романа).

Прощая другихъ, прощаемъ себя.

... Онъ сидѣлъ у письменнаго стола. Передъ нимъ лежалъ листъ почтовой бумаги, на которомъ было что-то написано. Онъ впился глазами въ написанное и, очевидно, перечитывалъ его нѣсколько разъ. Лицо его то искривлялось судорожной улыбкой, то принимало какое-то скорбное болѣзненное выраженіе, намекающее словно на то, что у этого человѣка происходитъ внутренняя душевная борьба,—что онъ переживаетъ въ эти минуты что-то мучительное, тяжелое, страшное для него...

Онъ нѣсколько разъ подымалъ руку къ головѣ, ерошилъ свои густые, но уже съ значительной сѣдиной волосы; приподнимался съ мѣста и снова, точно въ изнеможеніи, опускался.

Наконецъ, онъ вслухъ прочелъ то, что было написано на бумагѣ и то, что его, очевидно, такъ сильно занимало и волновало...

„Я не ожидаю прощенія, я не прошу состраданія. Я знаю, что я поступала гадко, я раскаиваюсь въ своихъ поступкахъ; тѣмъ не менѣе—я и теперь не увѣрена еще, что я одна виновата во всемъ. Я только даю слово,—потому что убѣждена, что сдержу его,—что прошлое болѣе никогда не повторится. Моя жизнь дала мнѣ столько страданій, столько горя, что переживать подобное вновь я не рѣшусь. Я васъ прежде любила, потомъ охладѣла къ вамъ, увлекалась многими, благодаря темпераменту моей натуры, и, затѣмъ, горячо полюбила одного, для котораго покинула васъ. Но этотъ-то, горячо любимый человѣкъ, принесъ мнѣ лишь одно несчастіе, одно разочарованіе. Я разлюбила и его. Къ вамъ я, все-таки, что-то питаю до сихъ поръ—что, сама не знаю; можетъ-быть, это что-то—похожее на любовь; можетъ быть, это что-то вызывается только тѣмъ, что вы отецъ двухъ моихъ дѣтей. А я люблю страстно моихъ малютокъ и никогда не переставала ни любить ихъ, ни думать объ нихъ. И, ради нихъ, я прошу позволенія возвратиться къ вамъ, и обѣщаю одно, что буду попечительной, заботливой, любящей матерью для нихъ“.

— Что дѣлать? какъ поступить?—проговорилъ сидѣвшій за столомъ.—А какъ я ее любилъ и какъ страстно, мучительно люблю до сихъ поръ. И такъ грубо, такъ жестоко поступить со мной и поступать, какъ она поступала почти съ третьяго года брака...

Онъ задумался, и прошлое стало проноситься передъ нимъ — картина за картиной.

Вотъ первая встрѣча съ нею. Она была почти еще ребенокъ, — только что распускающійся цвѣтокъ, наивная и стыдливая, 16 лѣтняя дѣвушка. Это было лѣтомъ, въ деревнѣ, въ лѣсу. Она была дочь сосѣда помѣщика, неподалеку отъ котораго было имѣніе у него. Ему было только 25 лѣтъ. Три года тому назадъ онъ кончилъ курсъ въ университетѣ по физико-математическому факультету; былъ, затѣмъ, за границей и, только что вернувшись изъ поѣздки оттуда, пріѣхалъ отдохнуть въ имѣніе, доставшееся ему по наслѣдству отъ отца, скончавшагося когда онъ былъ еще юношей.

Она была въ седьмомъ классѣ гимназіи и проводила съ отцомъ въ деревнѣ каникулярное время.

Онъ былъ не бѣденъ — не богатъ. Такое же среднее состояніе было и у ея отца, у котораго она была единственной дочерью. Но ему предстояла видная будущность. Кончилъ онъ курсъ однимъ изъ первыхъ — кандидатомъ и его ожидала впереди профессорская кафедра.

Они познакомились и скоро полюбили другъ друга. На сколько сильно любила она его — трудно сказать и способна ли еще была она, не знавшая жизни, не знавшая людей, на горячую долгую привязанность. Но онъ ее полюбилъ горячо, страстно, со всѣмъ жаромъ молодости, не испытавшей еще до того силы и обаянія страсти. Надежда Петровна, или попросту Надя, какъ ее звалъ отецъ и какъ потомъ сталъ называть и онъ, была первою его любовью.

Черезъ годъ она вышла изъ гимназіи, окончивъ седьмой классъ, и они женились.

Первые три года брака прошли, какъ радостное сновидѣніе. Ничто не омрачало ихъ жизни и казалось, что и въ будущемъ предстоитъ лишь одно свѣтлое и радостное...

У нихъ уже было двое дѣтей — дѣвочка, родившаяся спустя годъ послѣ брака, и мальчикъ — на другой годъ.

Надежда Петровна выказывала горячую любовь къ малюткамъ, бережно заботилась о нихъ, а первенца дочку даже сама выкормила грудью...

Такою-же горячую любовь она выказывала и къ нему.

Изъ нея уже вполне сформировалась женщина — высокая, съ гибкимъ роскошнымъ станомъ, прекрасными формами груди. Большіе черные глаза ея должны были производить сильное впечатлѣніе на мужчинъ своею жгучестью — тѣмъ огонькомъ чувственности, который горѣлъ въ нихъ, казалось, никогда не погасая. Правильная, почти античная черта лица, красиво выступавшая нѣсколько впередъ розовая, пухлая нижняя губа

красиваго рта,—все это вмѣстѣ выдѣляли ее изъ толпы, и она сразу бросалась въ глаза и останавливала на себѣ вниманіе всѣхъ.

Прошло четыре года. Жизнь, повидимому, текла попрежнему, —но это только было *повидимому*. Мало замѣтная, почти неуловимая, но появилась въ ней какая то шероховатость. Что-то такое произошло въ Надеждѣ Петровнѣ. Также она относилась и къ мужу, и къ дѣтямъ; тѣмъ не менѣе, чувствовалось, что эти отношенія были уже не тѣ,—чего-то въ нихъ недоставало и именно—прежней искренности и задушевности. Въ нихъ пробѣжала какая-то фальшь,—повторяю, едва замѣтная, едва уловимая; но она, несомнѣнно, существовала...

Онъ замѣчалъ эту фальшь,—это что-то, или скорѣе—чувствовалъ; волновался; но, ничего не видя, не могъ спросить жену о причинѣ ея, даже боялся спросить, чтобы ее не встревожить напраснымъ подозрѣніемъ и не возбудить въ ней напрасной тревоги.

Когда онъ возвращался съ лекціи домой (снѣ читалъ уже лекціи въ университетѣ и еще въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), Надежда Петровна встрѣчала его такъ же радостно, съ такою же любовью, какъ и въ первое время послѣ брака; но въ этой встрѣчѣ не было уже прежней сердечности,—было что-то напускное, за которымъ словно скрывалась какая-то тайна,—что-то недосказанное, затаенное.

Нужно замѣтить, что за послѣдніе два года у него значительно увеличилось число лекцій; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ и принималъ дѣятельное участіе въ нихъ; онъ, вообще, отдавался дѣлу со страстью; свою спеціальность онъ, пожалуй, любилъ не менѣе горячо, чѣмъ жену и дѣтей; занятія требовали частаго отсутствія его изъ дома и рѣдкій день онъ могъ посвятить всецѣло семьѣ и никуда не отлучаться...

Ихъ посѣщали очень многіе—преимущественно, молодежь, которую привлекала красота и недоступность Надежды Петровны, относившейся, повидимому, ко всѣмъ ухаживателямъ съ одинаковымъ равнодушіемъ и державшей всѣхъ ихъ на далекомъ разстояніи отъ себя...

И это, дѣйствительно, было такъ сначала.

Но Надежда Петровна изъ прежней наивной дѣвушки, какою вступила въ бракъ, сформировывалась уже въ женщину, и это вышла женщина со страстнымъ горячимъ темпераментомъ. Ей нужна была сильная горячая страсть—та страсть, при которой мужчина весь отдается любимой женщинѣ и для нея забывается все въ мірѣ,—какъ и женщина, наоборотъ, для мужчины. Организмъ Надежды Петровны требовалъ постоянныхъ

наслаждений. Чувственность проникала его, была въ немъ ключемъ, рвалась наружу.

Для нея, можетъ быть, наступала самая опасная пора въ жизни человѣка (для иныхъ она приходитъ ранѣе, для другихъ — позднѣе), когда организмъ неотступно требуетъ удовлетворенія страстей, когда эти страсти поглощаютъ все существо и готовы разрушить всякія преграды...

Правда, у нѣкоторыхъ организмовъ, склонныхъ къ аскетизму, этой поры вовсе не бываетъ; но Надежда Петровна, очевидно, не принадлежала къ числу этихъ нѣкоторыхъ...

Ей необходима была страсть медоваго мѣсяца, — даже болѣе, сильнѣе и горячѣе, ибо тогда, въ медовой мѣсяцъ ея супружеской жизни, она еще не сознавала той силы, до которой страсть можетъ дойти и до которой теперь она дошла у нея...

Для него-же медовый мѣсяцъ давно прошелъ. Онъ продолжалъ горячо любить ее; можетъ быть, даже любовь его къ ней возрасла; но она уже носила болѣе тихій, спокойный характеръ. Отношенія его къ ней были подобны тихому журчанію ручья, ласково оmyающему свои берега; а ей нужна была страсть, которая-бы шумной волной заливала и поглощала ее.

... Онъ даже и въ то короткое время, когда ему приходилось оставаться дома, не могъ посвящать всего себя ей, — не могъ всецѣло отдаваться ей.

Возвращаясь поздно вечеромъ домой съ засѣданія какого-нибудь ученаго общества, усталый, утомленный, онъ прежде всего желалъ отдыха и, во всякомъ случаѣ, былъ неспособенъ къ бурной и сильной страсти, которой именно требовала натура Надежды Петровны.

И она чувствовала себя неудовлетворенной мужемъ. Сперва у нея начало зарождаться неудовольствіе къ нему; затѣмъ, это неудовольствіе постепенно переходило въ нерасположеніе, и, наконецъ, наступило полное охлажденіе, полное равнодушіе.

Но она долго колебалась нарушить супружескую вѣрность и только подъ вліяніемъ напора страстей, не будучи уже въ силахъ далѣе сдерживать ихъ, сдѣлала первый шагъ...

Она отдалась одному юношѣ, но нисколько его не любя, даже не думая о любви и не рассчитывая на его взаимность и не размышляя, что изъ этого будетъ...

Она отдалась неожиданно для самой себя, охваченная знойной кипучей страстью, которою былъ полонъ этотъ юноша...

Труденъ былъ первый шагъ; но онъ былъ сдѣланъ, — фактъ совершился, — и организмъ сталъ еще болѣе настоятельно требовать повторенія наслаждений...

... Сначала она, все таки, стѣснялась. Въ ней сильна еще была женская стыдливость. Любя своихъ дѣтей, чувствуя еще ува-

женіе къ мужу, она возможно сдерживала себя и отношенія съ юношей старалась обставить такъ, чтобъ онѣ были никому незамѣтны, никому неизвѣстны...

Она научилась хитрить и надѣвала маску не только передъ посторонними, но и передъ прислугой, которая тоже ничего не догадывалась и считала свою барыню безупречной.

Но потомъ и эта сдержанность прошла. Юноша вскорѣ куда-то уѣхалъ. Его мѣсто у Надежды Петровны замѣнилъ другой. О ея поведеніи начали многіе догадываться. Горничную она должна была сдѣлать наперсницей своихъ тайнъ.

Скоро большинство знакомыхъ знали, что она измѣняетъ мужу. Судили ее, обвиняли, жалѣли мужа,—но, конечно, все это за глаза...

Но онъ долго ничего не зналъ, ни о чемъ не догадывался. Когда-же узналъ истину о женѣ—ея уже у него не было...

За послѣднее время передъ роковой для него развязкой, когда ему сдѣлалось все извѣстно, онъ познакомился съ однимъ начинающимъ адвокатомъ. Это былъ красивый мужчина, лѣтъ 25-ти, уроженецъ юга, кровный брюнетъ, съ жгучими страстями, свойственными южанамъ. На женщинъ—про него ходили слухи—онъ, если хотѣлъ, могъ имѣть чарующее вліяніе. Въ той средѣ, гдѣ онъ вращался, онъ былъ извѣстенъ, вообще, за побѣдителя женскихъ сердецъ; такъ что многіе мужья, имѣвшіе молодыхъ красивыхъ женъ, боялись съ нимъ знакомиться и принимать его у себя.

Молодой адвокатъ, помимо всего, обладалъ хорошимъ даромъ слова и говорилъ увлекательно, еще болѣе этимъ вліяя на тѣхъ женщинъ, которыя ему нравились и которыми онъ хотѣлъ обладать...

Постоянствомъ онъ не отличался. Мѣнялъ свои привязанности часто. Даже былъ женатъ, но съ женой прожилъ очень недолго и разошелся, какъ объяснялъ всѣмъ, „съ обоюднаго согласія, по несходству характеровъ“.

Онъ былъ, впрочемъ, на сколько можно, всегда откровененъ и, не стѣсняясь, рассказывалъ своимъ знакомымъ разные эпизоды изъ своей жизни, не смотря на то, что нѣкоторые рассказы рисовали его не совсѣмъ съ благовидной стороны.

Можетъ быть, онъ и нарочно прикидывался откровеннымъ, находя, что это удобнѣе и выгоднѣе для него: „лучше пусть о немъ узнаютъ худое отъ него же самого, чѣмъ отъ другихъ“.

И эта откровенность, дѣйствительно, мирила многихъ съ нѣкоторыми изъ его некрасивыхъ поступковъ. Выслушавъ его, мужчины махали рукой и говорили: „ну, чтожъ дѣлать—былъ молодцу не въ укоръ“!

На женщинъ эта откровенность производила еще болѣе благоприятное впечатлѣніе. Въ ней онѣ усматривали неискорчен-

ность его души и рассказы принимали за раскаяніе, которое онъ, будто-бы, чувствуетъ за свое прошлое...

На Надежду Петровну этотъ молодой адвокатъ произвелъ сразу неодолимое впечатлѣніе. Познакомившись съ нимъ, она почувствовала къ нему глубокую страсть и сознавала только одно, что она—до встрѣчи съ нимъ никого еще никогда не любила...

Къ мужу любви не было,—это была не любовь, а увлеченіе неопытной дѣвушки. Подавно, она не любила тѣхъ, кому отдавалась случайно, подъ вліяніемъ пробуждавшейся въ ней чувственности. Она тогда только измѣняла мужу тѣломъ, но промѣнять, ни мужа, ни дѣтей, ни на одного изъ нихъ она бы не рѣшилась и никогда даже не думала о возможности этого...

Но чувство къ этому новому—было совсѣмъ другое. Полюбя его, она—сознавала это—не могла уже дѣлить ложе свое съ другимъ.

Ей нужно отдаться этому новому возлюбленному всецѣло. Мужъ тутъ уже является помѣхой,—она не въ силахъ быть его женой; мѣшаютъ и дѣти, какъ вѣчный укоръ передъ глазами, не смотря на то, что она ихъ любить и никогда не перестанетъ любить.

Но теперь пока—и они прочь, и они должны сойти съ ея дороги...

На адвоката Надежда Петровна тоже произвела болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, побѣды надъ которыми онъ одерживалъ ранѣе. Ему даже показалось, что онъ ее полюбилъ серьезно—серьезнѣе, чѣмъ когда либо любилъ какую либо женщину. Заключалъ онъ это потому, что ранѣе при связяхъ съ замужними женщинами никогда не ревновалъ послѣднихъ къ ихъ мужьямъ. Сойдясь-же съ Надеждой Петровной,—а это произошло вскорѣ послѣ знакомства ихъ.—онъ сталъ ревновать ее къ мужу и ревность эта, какъ онъ ее не сдерживалъ, была такъ сильна, что онъ однажды, бывъ у нихъ въ гостяхъ, чуть не бросился на мужа, когда тотъ при немъ черезъ чуръ нѣжно обхватилъ станъ Надежды Петровны;—сдѣлалъ уже движеніе, но успѣлъ во время удержаться, и мужъ ничего не замѣтилъ.

Но и для самой Надежды Петровны было невыносимо то положеніе, въ которомъ она находилась, и она спѣшила ускорить развязку.

—Долой маску, носить ее я болѣе не въ силахъ!—сказала она адвокату.—Если дѣйствительно любишь,—я уйду отъ мужа къ тебѣ и объясню ему все откровенно!

... Онъ пришелъ домой съ лекціи, ничего не подозревая, радостный и счастливый попрежнему. Лекція удалась и студенты даже аплодировали ему. Горничная подала ему запечатанное письмо.

— „Отъ кого?“ — спросилъ онъ.

— Отъ барыни-съ... Надежды Петровны-съ...

— „А она гдѣ-же сама? Въ гости уѣхала, что-ли, и обѣдать дома не будетъ?“

— Не знаю-съ... Онѣ совсѣмъ уѣхали и вещи съ собою свои всѣ уложили...

— „Какъ! Куда уѣхала?!“ —

Ничего не понимая, даже еще смутно ни о чемъ не догадываясь, но въ то-же время почувствовавъ, что должно совершиться что-то для него неожиданное, грозное и страшное, онъ судорожно разорвалъ конвертъ и, не вѣря своимъ глазамъ, прочелъ: „Я уѣхала и оставила васъ навсегда. Я васъ не люблю и, вѣроятно, никогда не любила. Было съ моей стороны увлеченіе неопытной гимназистки. Можетъ быть, это увлеченіе послѣ брака и обратилось бы со временемъ въ любовь; но вы не сумѣли управлять мной; а главное, поглощенные вашими занятіями, мало, а за послѣдніе два года и совсѣмъ, не занимались мной. Часто я васъ видѣла только ночью на постели; но и тутъ вы, утомленный и измученный дневной дѣятельностію, рѣдко отдавали мнѣ себя. Усталость у васъ брала верхъ, и вы тотчасъ засыпали. Во мнѣ-же выработалась женщина съ кипучими сильными страстями и мнѣ нуженъ былъ иной мужъ — мужчина, который-бы зналъ только одну меня и отдавался-бы одной только мнѣ, удѣляя менѣ времени и наукѣ, и общественной дѣятельности. Видя васъ на постели спящимъ, неспособнымъ въ этотъ моментъ къ любви, я часто, охваченная жаждой наслажденія, отъ досады, отъ злости (да, у меня тогда являлась злость къ вамъ), что не могу получить ихъ, рыдала, уткнувшись головой въ подушку... разгоряченный мозгъ работалъ... и я не могла заснуть до утра. Я уважала васъ, какъ отца моихъ дѣтей; я безумно любила моихъ малютокъ, и это меня останавливало — и я долго крѣпилась; но не стало силъ и я отдалась первому встрѣчному юношѣ, —отдалась безъ всякой любви къ нему, почти его не зная, бросилась ему сама на шею, и продолжала съ нимъ связь нѣкоторое время, потому что онъ былъ настоящій мужчина и давалъ удовлетвореніе моей чувственности. Потомъ его замѣнилъ другой, подобный ему. Далѣе — третій. И все это дѣлалось въ вашемъ домѣ, иногда въ вашемъ присутствіи, когда вы рядомъ въ кабинетѣ отдавались научнымъ занятіямъ, забывая и жену, и дѣтей, и весь міръ. И вы ничего не знали, ничего не замѣчали. Правда, я научилась лгать, научилась хитрить. Я искусно об-

манывала васъ, но, все таки, думаю, болѣе наблюдательный человекъ замѣтилъ-бы мою лживость, разгадалъ-бы ее и, можетъ быть, многое-бы не случилось. Но вы, повторяю, такъ были заняты вашей спеціальностью, что, не смотря на сильную любовь ко мнѣ (а вы, несомнѣнно, меня любили и любите), не подумали взглянуть глубже въ мою внутреннюю жизнь. Но ранѣе я только падала случайно,—можетъ-быть, вы виноваты въ этомъ болѣе, чѣмъ я;—а теперь я полюбила и не могу уже ласкъ моихъ, кромѣ него, отдавать еще и вамъ, хотя вы мой мужъ и отецъ моихъ дѣтей. Страсть моя, сознаюсь, хотъ это, можетъ быть, гадко, сильнѣе, чѣмъ любовь къ дѣтямъ. Я всегда буду страдать о нихъ; но я не въ силахъ, по крайней мѣрѣ, теперь принести себя въ жертву дѣтямъ, и я покидаю васъ и ухожу къ тому, безъ котораго—я чувствую—мнѣ сейчасъ нѣтъ жизни. Прощайте“.

... Онъ помнитъ и сейчасъ все это роковое для него письмо—отъ слова до слова. Онъ помнитъ, что когда прочелъ его, съ нимъ сдѣлалось что-то страшное. Кровь прилила къ головѣ, сознание помутилось. Онъ, кажется, упалъ и потомъ долго болѣлъ—мѣсяца два. Врачи потомъ говорили, что былъ моментъ, когда боялись даже за его жизнь...

Но это все прошло... Прошли цѣлыхъ шесть лѣтъ... Негодование противъ нея улеглось. Онъ понялъ даже, что ея вина, если это только вина, его вина, да и негодовать на нее онъ не могъ: онъ, все таки, продолжалъ ее любить и признавалъ, что эта любовь въ немъ никогда не пройдетъ. Дѣти у него; растутъ и вѣчно напоминаютъ ему мать...

Но, получивъ неожиданное письмо, въ которомъ его Надя говорить о возвращеніи, онъ въ первыя минуты почувствовалъ не радость, а что-то—скорѣе похожее на ужасъ.

— Какъ! вернется она и будетъ тутъ.. та, которая такъ безжалостно покинула его и дѣтей, которая такъ возмутительно надругалась надъ его чувствами...

Но, затѣмъ, всѣ эти размышленія скоро куда-то исчезли,—отошли куда-то вдаль, заслоненныя ярко обрисовавшимся образомъ все еще любимой дорогой женщины, и любовь къ ней все росла въ сердцѣ и желаніе видѣть ее, имѣть опять около себя все болѣе охватывало его...

Онъ взялъ листъ бѣлой бумаги и написалъ: „Я никогда не считалъ себя вправѣ быть вашимъ судьей. Возвращайтесь къ своимъ дѣтямъ. А я... я постараюсь забыть прошлое...“

Онъ не успѣлъ дописать письма, какъ въ комнату вбѣжали хорошенькіе мальчикъ и дѣвочка съ живыми радостными личиками.

Онъ любовно взглянулъ на нихъ.

— Папаша! папаша!—заговорили они въ одинъ голосъ.—
Что ты все пишешь? Давно обѣдать пора. Супъ уже на столѣ
и остынетъ.

— Сейчасъ иду дѣтки. А я вамъ новость объявлю. Скоро
ваша мамаша пріѣдетъ. Она была больна, какъ вы знаете, лѣ-
чилась за границей и теперь выздоровѣла. Желаете видѣть ско-
рѣе маму?

— Ахъ, какъ хорошо, что мама пріѣдетъ! Мы ее очень, очень
хотимъ видѣть и расцѣловать! — и лица дѣтей просіяли еще болѣе.

— Ну, такъ идите въ столовую, а я сейчасъ приду.

Дѣти убѣжали. Онъ облегченно вздохнулъ—и докончилъ
письмо: „Надя! пріѣзжай скорѣе,—дѣти ждутъ съ нетерпѣніемъ и..“

Онъ не дописалъ. Запечаталъ поспѣшно письмо въ конвертъ,
написалъ адресъ и тронулъ пуговку электрическаго звонка.
Вошелъ лакей, старый, давній слуга.

— „Возьми сейчасъ извозчика и отвези это письмо,—сказалъ
онъ, подавая ему конвертъ,—въ гостиницу „Россія“. Тамъ пе-
редай и, смотри, лично въ руки.. Надеждѣ Петровнѣ.. моей
женѣ... понялъ.“

Всеволодъ Сибирскій.

I.

* * *

Морозитъ... Ночь тиха.... Сіяніе луны
Горитъ алмазами на бѣлоснѣжномъ полѣ...
Какіе-то несбыточные сны
Въ душѣ моей рождаются на волѣ.
И мнится: старый лѣсъ, и горизонтъ нѣмой,
И даль широкая, и путникъ одинокій,
Объяты грезой какой-то—мнѣ родной,
И близкой мнѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далекой...

II.

NOCTURNO.

Только мѣсяцъ взойдетъ, только вкругъ все уснетъ,
Вѣтерокъ пробѣжитъ по дубравѣ;
Только тѣни падутъ на веселый потокъ
Въ изумрудно-зеленой оправѣ;
Только въ чащѣ вѣтвей запоетъ соловей—
Сердцу станетъ и жутко, и больно:

Вспомнишь вдругъ о загубленной жизни своей,
Вспомнишь молодость какъ-то невольно....
И чѣмъ громче и громче поетъ соловей,—
Тѣмъ становится сердцу больнѣй и больнѣй!

П. К.

Съ Болгарскаго.

Поздно! умчались лучшіе годы,
Годы упорной борьбы;
Давить безсилье насъ, мучать невзгоды
Злой, безотрадной судьбы.

* * *

Чистыя, свѣтлыя наши стремленья
Замерли рано въ груди.
Родина! въ дни испытанья—спасенья
Отъ утомленныхъ не жди.

* * *

Ты для борьбы воспитай поколѣнье,
Что начинаетъ расти.
Дай ему трезвое въ школахъ ученье,
Чтобъ отъ безславыя спасти.

* * *

Чувства гражданскія въ немъ воспитаньемъ
Ты постарайся развить.
Каждый живетъ пусть съ глубокимъ сознаньемъ:—
Нужно отчизнѣ служить.

* * *

Пусть-же растутъ эти новые люди,
Бодрые люди труда;
Смѣло за правду пусть биться ихъ груди
Не устаютъ никогда.

* * *

Свѣтлыя, чистыя въ нихъ ты стремленья
Къ долгу любви пробуди.
Въ дни испытанья—отъ нихъ ты спасенья,
Родина милая! жди.

Дм. Вольфсонъ.

По Алтаю.

(См. 1, 2 и 3 кн. „Дорожника“ за т. г.).

Татара съ бабами и ребятами собрались со всей деревни смотрѣть наши тарантасы. Никогда такого чуда они невидывали. Каждый гвоздокъ, каждую пуговку осматриваютъ съ величайшимъ вниманіемъ.

— Ну, братцы, старшина у васъ есть? спросилъ я, подойдя къ толпѣ.

— Есть — то, есть, да его теперь дома то нѣтъ; уѣхалъ въ Тондошку къ Григорью Герасимовичу за мукой.

— Ну, такъ какъ же быть то? Мыѣ вотъ нужно ѣхать на Телецкое; подъ повозками то у меня проходныя лошади, а подъ телѣжку лошадей здѣсь взять до Латинцева обывательскихъ нужно, — вотъ у меня и подорожная.

— А на что намъ подорожная то, читать то ее некому! Видимъ, что ѣдешь, что тебя привезли осиновцы, — значить, надо дать лошадей. Только до Латинцева то мы тебя не повеземъ, — далеко; а повеземъ до займочниковъ, что живутъ по ту сторону горъ (Малаго и Большаго Иконостасовъ), а тамъ ужъ они должны везти; тамъ всего верстъ пятокъ до Латинцева-то. Мы такъ и нашего засѣдателя возимъ.

— Хорошо, друзья мои, хорошо! Такъ къ утру пораньше нужно будетъ лошадей.

— Ну, а какъ тутъ дорога, братцы? спросилъ священникъ.

— Да ничего, бачька, ничего — горами. Туда, вонъ, подальше то отъ берега, сѣдловина есть, — такъ ей.

— Похуже или получше, чѣмъ черезъ Ожи?

— Ожи? ну, тамъ ужъ больно плохо. Простую то телѣгу поднимаютъ на трехъ лошадяхъ гусемъ, да и то надо добрыхъ привычныхъ лошадей, ну, а тамъ то, показывая на Иконостасы, — ничего. Тамъ, вѣдь, на самые то хребты не поднимаются, а все ѣдутъ сѣдловинами.

— Такъ, значить, лучше, чѣмъ черезъ Ожи?

— Лучше, лучше!

— Ну, вотъ что, друзья, сколько же намъ нужно будетъ подъ телѣгу лошадей?

— Да коня четыре надо, у насъ, вѣдь, кони то непривычные ходить въ хомутахъ то, телѣгъ то нѣтъ, да и ѣздить то на нихъ некуда. Это вотъ, показывая на дорогу, проложилъ Григорій года четыре назадъ; а то и колесъ мы не видали, да и ѣздить то на телѣгахъ не любимъ. То-ли дѣло верхомъ то — покойно! —

— Ну, хорошо, братцы. сказалъ я, а тарантасы то мы на тройкахъ поднимемъ?

— А кто его знаетъ! загудѣла толпа.—Вѣдь, каковы лошади!

— А не лучше ли намъ прихватить здѣсь коня по два въ запасъ?

— А что же—можно, можно, заговорили татары.

— Такъ почемъ возьмете за коня?

— Прогонъ, полторы коп. за версту заплати и ладно.

— Отлично.—Такъ, значить, завтра утромъ вы намъ дадите восемь лошадей, и мы поѣдемъ.

— Ладно.

Утромъ часовъ въ 7 мы выѣхали изъ аила, провожаемые татарами. Дорога сначала шла лугомъ, а за рѣкой начался подъемъ на Малый Иконостасъ.

Малый Иконостасъ ниже Ожей; грунтъ земли на немъ тоже рыхлый, илистый; но хорошо тѣмъ, что на вершины его забираться ненужно, такъ какъ дорога проложена черезъ него сѣдловиной, какъ будто бы нарочно для того устроенной, да и хребетъ этотъ не такъ широкъ, какъ у Ожей, а потому мы и поднялись, и перевалили, и спустились съ него безъ особенныхъ мученій. На подъемахъ и спускахъ изъ тарантасовъ, конечно, выходили и тащились пѣшкомъ, но, все же, не такъ плохо, какъ на Ожахъ, и что главное—такъ это то, что дождя не было.

Большой Иконостасъ мы перевалили также благополучно, ибо черезъ него дорога пролегаетъ такъ же сѣдловиной—хребетъ его будетъ далеко шире Малаго Иконостаса, но уже Ожей на половину. На сѣдловинѣ есть нѣсколько метяжей (топкихъ мѣстъ), которыхъ на Маломъ Иконостасѣ нѣтъ и въ которыхъ мы раза три завязали въ грязи. Однако, при помощи прихваченныхъ запасныхъ лошадей, экипажи безъ особеннаго труда вытаскивали.

Ѣхали всю дорогу шагомъ; большихъ задержекъ не было и мы часу въ 12 дня подѣхали къ заимкамъ, расположеннымъ за горами.

Разсчитались съ татарами, дали имъ на водку и они съ благодарностію отправились домой.

Займочниковъ за Иконостасами живетъ довольно много и на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Занимаются они тѣмъ же, чѣмъ и займочники по ту сторону Ожей, т. е. ничего сами тяжелаго не работаютъ, а только ждутъ случая: кого бы обдуть, кого бы прижать и у кого бы чего выманить. Въ этомъ собственно и есть ихъ главное занятіе.

Въ четырехъ домахъ, стоящихъ первыми къ Иконостасу, мы послѣ двухъ часового поиска и ряды, наконецъ, нашли двухъ лошадей. За пять верстъ довести насъ до Латинцева взяли

одинъ рубль и, при томъ, съ тѣмъ, чтобы мы уплатили прогонъ впередъ. Такъ или иначе—ѣхать нужно, подорожная тутъ ничего не значитъ и потому мы поневолѣ согласились.

Запрягли лошадей и поѣхали къ Латинцеву. Повезъ насъ не самъ хозяинъ, а работникъ его. Отъѣхали отъ заимки не болѣе версты, —ямщикъ нашъ *засади*лъ телѣгу въ небольшомъ ручейкѣ.

Стой!.. Лошади легли въ грязь и выбраться изъ ручья не могутъ.

Нечего дѣлать—выпрягли лошадей изъ тарантаса и, —при помощи ихъ, вытащили телѣгу. Запрягли снова лошадей и поѣхали дальше.

Не проѣхали и полуверсты, какъ снова завязли съ телѣгой въ *метяжинѣ*. Лошади опять тотчасъ-же легли въ грязь.

— Ну что, братъ, говорю я ямщику, —что мы съ тобой теперь будемъ дѣлать?

— Да кто его знать! Выпрягу, вотъ пристяжную, да и поѣду къ хозяину, —пусть ищетъ гдѣ нибудь коренника. Вишь эта, дьяволъ то, нисколько не берется —лежить, да и лежить, хоть ее убей!

— Да ты попробуй, совѣтую. —Сначала запряги пристяжную то въ корень, а ту на пристяжку. Можетъ, и пойдутъ!

— Хм, пойдутъ! Да куда они пойдутъ: эта калмыцкая образина, —онъ пнулъ пристяжную ногой, —и въ хомутъ то никогда не бывала, —такъ куда она пойдетъ.

— Ну, поѣзжай, добывай коренника, да поскорѣ ѣзди.

Уѣхалъ ямщикъ. Стоимъ и ждемъ цѣлый часъ, но объ ямщикѣ —ни слуху, ни духу.

Розаевъ съ Филатовымъ начинаютъ ворчать.

— Ну что, думаю, пускай они ѣдутъ впередъ, а я съ Се-ней (сыномъ) подожду здѣсь.

Отправили семью, сидимъ и ждемъ вдвоемъ. Смотримъ —хозяинъ, который получилъ съ насъ деньги впередъ за лошадей, ѣдетъ верхомъ на одной лошади съ работникомъ —на той на самой, которая не бывала въ хомутѣ. Подъѣхали.

— Что, братъ? спрашиваю я, —гдѣ же лошадь то?

— Ѣхать искать нада! отрѣзалъ хозяинъ, —а самъ начинаетъ выпрягать коренника. Я вотъ на этомъ (коренникѣ) поѣду на заимку къ Петровану, —вотъ тутъ недалеко: у него добры лошади то есть; а онъ, показывая на работника, поѣдетъ къ Семену, —вонъ туда, тоже недалеко; у него тоже доброй конь есть.

— А мы какъ же?

— Посидишь —подождешь, —чего дѣлать то! мы скоро вернемся.

Сѣлъ верхомъ на коренника и укатилъ вмѣстѣ съ работникомъ въ разныя стороны.

Сидимъ вдвоемъ и ждемъ; прошло болѣе часу. Смотримъ—со стороны, куда уѣхали они, мужикъ гонитъ пару охомутированныхъ лошадей и съ дугой.

Подъѣхалъ къ намъ и остановился.

— Богъ помочь, говоритъ.

— Спасибо, милый, спасибо! Ты откуда?

— Отъ Латинцева, послали за вами.

— Да гдѣ же нашъ то ямщикъ?

— Дома на постелѣ лежитъ. Вѣдь, присталь, поди. Шутка ли, верстъ пять верхомъ проѣхалъ?

— Да какъ же насъ то оставилъ?

— Хм! да развѣ это впервые?

Запрегъ парень нашу телѣгу и привезъ насъ къ Латинцеву.

Тутъ мы и пообѣдали; тутъ же мы узнали, что займочники, живущіе подъ Иконостасомъ, не первый разъ продѣлываютъ такіе штуки, какую они выкинули съ нами. Отъ Латинцева до Турочака 12 верстъ. Выѣхали мы отъ Латинцева часовъ въ 6 и въ Турочакъ пріѣхали часу въ 11 вечера; потому что всю дорогу шелъ дождь, и мы вынуждены были ѣхать шагомъ.

Турочакъ стоитъ у подошвы довольно высокой, но по подъему неособенно большой каменистой горы. Гора эта носитъ названіе *турочакъ* (избушечка); вся она состоитъ изъ сѣраго песчаника, очень хорошаго для точиль и брусевъ, промысловъ которыхъ, впрочемъ, турочакцы занимаются очень мало; потому что между ними каменотесовъ порядочныхъ ни одного нѣтъ, а главное—добываемые точила и брусья сбывать на Алтаѣ некому. Всякій этими вещами пользуется бесплатно. Вывозить же ихъ для продажи внѣ Алтая—желающихъ нѣтъ.

Населеніе Турочака состоитъ изъ татаръ, давно выкрещенныхъ, и ихъ дѣтей, бійскихъ мѣщанъ, крестьянъ разныхъ волостей и разночинцевъ,—людей, положимъ, неособенно трудолюбивыхъ, но, тѣмъ не менѣе, ужъ, все-таки, не настолько облѣбнившихся, какъ окружающіе ихъ займочники.

Живутъ турочакцы безбѣдно; занимаются они пчеловодствомъ, скотоводствомъ, а также сѣнокошеніемъ, ибо по лѣвому низкому берегу рѣки Біи имѣютъ великолѣпные и большіе покосы. Занимаются еще хлѣбопашествомъ, хотя и не въ большихъ размѣрахъ, огородничествомъ и рыболовствомъ. Неводовъ у турочакцевъ нѣтъ,—они ловятъ рыбу *переметами*, жерлицами, мордами разнаго рода и удочками.

Побѣжить по утру малецъ лѣтъ 12—14 на Бію съ червями и удочками; глядишь—черезъ часъ и тащитъ матери рыбки (больше хайруза), и на пирожекъ, и на уху хватить на цѣлую семью. Женщины занимаются огородничествомъ и овощъ, выращенную ими—огурцы, капусту, картофель, рѣпу и пр.—по пер-

вому пути везуть продавать на пріиска Мальцевой и К^о, лежащіе по Лебеди и его притокамъ, и продають ихъ здѣсь за хорошія деньги. Мужики же на пріиска доставляютъ сѣно и дрова. Такимъ образомъ, только не лѣнись—такъ вездѣ здѣсь заработать копѣйку можно!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ тотъ годъ, въ который урождается шишка (орѣхи кедровые), зарабатываютъ орѣхомъ хорошія деньги. Въ октябрѣ и ноябрѣ бѣлкують, добываютъ рябчиковъ, глухарей; словомъ, заработокъ есть почти всегда...

Въ Турочакѣ мы остановились на земской квартирѣ у Сенина. Это старый морякъ, въ молодости своей побывавшій нѣсколько разъ въ Японіи. Отъ роду ему тогда было болѣе 80 лѣтъ; но это былъ старикъ еще бодрый, крѣпкій и любящій, какъ морякъ, хорошо выпить. Принялъ насъ очень радушно и за ужиномъ угостилъ великолѣпнымъ пирогомъ изъ свѣжаго тайменя, имъ самимъ пойманнаго.

Въ Турочакѣ мы остановились ночевать, потому что жители его стали просить священника отслужить въ ихъ церкви завтра часы и молебенъ.

Изъ Турочака мы выѣхали только въ полдень, такъ какъ цѣлое утро шелъ проливной дождь и мы боялись тронуться въ путь. Чтобы добраться до Тондошки, намъ нужно было проѣхать всего 15 верстъ, — положимъ, что дорогой гористой и болотистой; но, тѣмъ не менѣе, мы рассчитывали, что въ Тондошку пріѣдемъ часа въ 2—3 дня, не позднѣе; а тамъ останется до Кебезень, куда мы ѣхали, всего верстъ 30 или ужъ много—много 35. Но на самомъ дѣлѣ оказалось, что мы туда пріѣхали только въ 6 часовъ вечера. Почти на половинѣ дороги, при спускѣ съ одного изъ отроговъ Салопа, спускѣ длинномъ и крутомъ и притомъ—проложеннымъ ущельемъ, ямщикъ, спускавшій телѣгу, осью зацѣпилъ за камень, да зацѣпилъ такъ хорошо, что конецъ ея, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вкладывается чека, обломился и намъ пришлось посылать въ Турочакъ за осью и, конечно, ждать возвращенія посланнаго за нею, что продолжалось цѣлыхъ три часа.

Тондошка—это ни село, ни деревня и ни аилъ, а нѣсколько заимокъ, стоящихъ рядомъ, кучками, на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Въ одной кучкѣ живутъ *немоляхи* (особая секта); въ другой крещеные татары; въ третьей—нѣсколько юртъ некрещеныхъ алтайцевъ; — затѣмъ—есть нѣсколько дворовъ бійскихъ мѣщанъ и т. д. Потому Тондошка растянулась около подошвы Салопа версты на четыре. Салопъ—это очень высокая, недостигающая, однакоже, линіи вѣчныхъ снѣговъ, каменистая гора, покрытая лѣсомъ. На вершины ея (собственно—*гольцы*) подняться на конѣ положительно невозможно; пѣ-

шему, и то, конечно, не всякому, очень трудно: гора состоитъ изъ огромныхъ, стоящихъ вертикально, камней, цвѣтомъ похожихъ на гранитъ, весьма причудливыхъ формъ. На вершину Салопа, по увѣренію жителей Тондошки, никто изъ нихъ не поднимался и они, вообще, подобную *прогулку* считаютъ невозможной.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

П. Дмитріевъ.

О знахарствѣ въ Западной Сибири.

(Очеркъ).

(Окончаніе).

Младенца, явившагося на свѣтъ Божій, обмываютъ, а затѣмъ перевязываютъ ему пуповину, не придавая, разумѣется, никакого значенія тому, какъ и чѣмъ надо это сдѣлать. Веревка или кусокъ грязной холстинки является на помощь. Пуповина перевязана, а послѣдствія отъ загрязненія, какъ, напр., сильныя кровотечения, нагноенія—до воспаленія брюшины включительно и грыжи,—приписываютъ случайности. На своевременное удаленіе послѣда очень мало обращается вниманія; а это послѣднее, какъ всѣмъ извѣстно, ведетъ къ тяжкимъ разстройствамъ здоровья родильницы. Послѣ перевязки пуповины „повитуха“ укладываетъ малютку на спину и притягиваетъ ноги къ рукамъ, такъ чтобы пальцы ногъ касались задней поверхности локтей; послѣ этого переворачиваютъ на животъ и опять перетягиваютъ руки и ноги въ противоположномъ первому направленіи. Это дѣлается, какъ поясняетъ повитуха, *для расправленія хребта и поясницы*. Затѣмъ, для предупрежденія уродствъ примѣняются всякаго рода манипуляціи. Плоскій черепъ выправляется сильными надавливаніями на хрящеватыя черепныя „кости“, или же обертываніемъ тряпками, смоченными въ горячей водѣ,—поглаживаніями и надавливаніями. Результатъ—и въ данномъ случаѣ пагубный—огромный процентъ смертности отъ воспаленія мозга и др. мозговыхъ болѣзней, разумѣется, не зарегистрированныхъ. При „куроносѣ“ или же при приплюснутомъ носѣ повитуха въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ дней жизни потягиваетъ младенца за носъ, захвативши его двумя пальцами: мезинцемъ и большимъ правой руки, потягиваетъ и одновременно издаетъ свистящій или шипящій звукъ, а затѣмъ приговариваетъ: „не будь куроносый, не будь длинноносый,—будь носъ аккуратный—всякому парад-

ный. *)“ Вытягиваніе за носъ имѣетъ свои дурныя стороны: хрящевое переносье разрывается и носъ является ни курносымъ, ни приплюснутымъ, но за то навсегда лишеннымъ носовой перегородки, имѣющей свое фізіологически-важное назначеніе въ жизни всякаго человѣка.

Продѣлавши означенныя манипуляціи, самородная повитуха считаетъ лучшимъ, чѣмъ сдѣлать младенцу тепловатую ванну, — снести его въ баню, „гдѣ воздухъ вольготнѣе и полировка крови возможнѣе“, и кладетъ на верхнюю полку, „сдавши“ предварительно два-три ковша въ «цѣло» печи. Температура на полкѣ доходитъ до 70°; малютка задыхается; повитуха все это считаетъ обыкновеннымъ, какъ и то, что парить младенца вѣвникомъ въ теченіе одной—двухъ минутъ. Несчастный малютка полуживымъ снимается съ полки и уносится домой, гдѣ уложенный въ постель, остается не спеленатымъ въ теченіе двухъ-трехъ сутокъ. Не пеленаютъ его въ тѣхъ видахъ, чтобы не препятствовать высыпанію „родимой“ сыпи, за которую принимаютъ — хри temu, экзему и др. кожныя сыпи, какъ послѣдствія дѣйствія высокой температуры и обтиранія вѣвниками и низкими сортами мыла.

Счастливъ тотъ малютка, который выйдетъ побѣдителемъ изъ всѣхъ мытарствъ, преподнесенныхъ ему въ первые дни жизни сердобольными бабушками и повитухами. Крѣпка его, значитъ, натура!

Перечисленными выше приѣмами, однако, не заканчивается арсеналъ знахарскаго *всезнанія*. Много переноситъ, много испытываетъ малютка въ первыя недѣли своего существованія, — я не говорю — жизни, потому что этимъ именемъ нельзя назвать путь страданій, путь разнородныхъ испытаній, каковымъ подвержена младенческая натура, находящаяся въ рукахъ недоразвитыхъ людей, хотя, можетъ быть, добрыхъ, но не вѣдающихъ, что творять.

Растетъ малютка. Питаніе его въ рѣдкихъ случаяхъ производится материнскимъ молокомъ; въ большинствѣ же — молокомъ отъ коровъ. Молоко, по обыкновенію, не кипятится, а разбавленное на половину водой и подслащенное ничтожнымъ количествомъ сахара, меда или патоки преподносится малюткѣ. Неудивительно, что лѣтомъ, да и не только лѣтомъ, но круглый годъ въ деревняхъ наблюдаются эпидеміи дѣтскихъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній. Дѣти мрутъ десятками отъ истощенія, безъ всякой медицинской помощи. „Бабушки“ дадутъ „пузырекъ“ — другой съ „настоемъ пясти“, — растеніе вродѣ мяты, добавятъ

*) Желательный.

въ настой немножко водки — и пусть пьетъ болѣзненный „за всяко время, когда жажда долить“... Результатомъ такого леченія, несомнѣнно, являются: разстройство функцій кишечника въ значительно сильнѣйшей степени, сопровождаемое острыми, длительными болями въ животѣ, мучительными потугами при послабленіяхъ, отсутствіемъ аппетита, бессонницей, и какъ постоянный спутникъ—беспокойства: плачь и крикъ. Крестьяне же смотрятъ на всѣ описанныя явленія, какъ на *обыкновенье* и приписываютъ все—или дурному глазу, или опою.

Наиболѣе употребительный способъ леченія бессонницы—это опаиваніе грудныхъ дѣтей маковымъ молокомъ. Поятъ систематически ежедневно, по нѣсколько разъ, не признавая дозировки. Дѣйствительно, дѣтишки становятся покойнѣе, но макъ дѣлаетъ свое дѣло. Продолжительное дѣйствіе на мозговой аппаратъ наркотина мака—*опія* является пагубнымъ и ведетъ къ мозговой водянкѣ. Проще бессонница „излечивается“ такъ: мать держитъ ребенка у дверной скобы, другая же женщина, набравши въ ротъ воды, вспрыскиваетъ сквозь скобу лицо малюткѣ, при томъ такъ, чтобы вода съ лица сливалась на порогъ. Вѣрятъ, что бессонница сдѣлается достояніемъ того гостя, который послѣ того ступитъ на порогъ первый,—малютка же навсегда освободится отъ нея.

Беспокойство ребенка чаще все-же приписываютъ *дурному глазу*. Здѣсь, какъ и въ ранѣе описанныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ внутреннимъ средствамъ, каковыми являются настои всевозможныхъ травъ, но непременно въ смѣси съ большимъ или меньшимъ количествомъ водки. Если внутреннее леченіе не оказываетъ дѣйствія, то прибѣгаютъ къ нашептыванію. Болѣе распространенный заговоръ отъ бессонницы выражается слѣдующей фразой, которая должна произноситься обязательно на зарѣ членомъ семьи, у которыхъ есть больной:

„Зорюшка-зорница, красная дѣвица, возьми молодца крикъ раба Божія (если мальчикъ), или рабы Божіей (если дѣвочка),—произносится имя. Этотъ заговоръ повторяется три раза, каждый разъ сопровождаемый отплевываніемъ въ противоположную сторону. Послѣ этого „заговорщикъ“ устремляется безъ оглядки въ комнату, къ кровати ребенка и вскрикиваетъ надъ нимъ:

„Встань (имя), проспись, подбодрись,—сонъ твой шелъ, къ зорницѣ зашелъ, ее посѣтилъ,—но и тебя не забылъ“.

Послѣднія слова произносятся съ повышенной интонаціей голоса, такъ что малютка отъ неожиданности просыпается и оретъ немилосердно; но это уже является хорошимъ предзнаменованіемъ, по мнѣнію родственниковъ малютокъ, которые теперь уже крикъ объясняютъ тѣмъ, что сонъ вселяется въ малютку. Бываютъ примѣры, что неожиданный крикъ до того

пугаетъ ребенка, что онъ просыпается парализованнымъ; въ лучшемъ же случаѣ—испугъ сопровождается судорогами—„родимецъ“, какъ называютъ крестьяне. Сколько бы вы послѣднихъ не убѣждали о пагубности всякихъ экспромтовъ надъ соннымъ малюткой, они никогда васъ не послушаютъ, ссылаясь на то, что, дескать, наши дѣды и отцы поступали такъ и мы будемъ слѣдовать ихъ завѣтамъ, и что судороги—„родимецъ“—есть непремѣнная принадлежность, —обязательный спутникъ первыхъ дней жизни малютки.

— „А что, коли что, да ежели родимецъ на долго поступится на дѣтенка, — то имѣемъ, значить, средство; оно ужъ безпремѣнно полезительнымъ будетъ“, — поясняетъ всѣмъ, убѣленный сѣдинами, крестьянинъ.

Средство же это состоитъ въ томъ, что надъ малюткой пережигаютъ старья, грязныя тряпки, заставляя его дышать воздухомъ, насыщеннымъ углеродомъ, или же (но послѣдній способъ не лишенъ религіозной подкладки) подносятъ его къ святымъ дарамъ три обѣдни сряду, стараясь подойти седьмымъ сначала; отчитываютъ по требнику до трехъ разъ; иногда же кладутъ на полъ церковнаго крыльца во время крестнаго хода, дабы носильщики иконъ и вся публика перешагнули черезъ ребенка.

Нерѣдко крикъ ребенка, какъ мы сказали выше, обусловливается разстройствомъ кишечника: сильной рѣзью въ животѣ. Крестьяне же приписываютъ это *грыжѣ*, —грыжѣ, однако, не въ буквальномъ смыслѣ этого слова, каковымъ называется болѣзненное состояніе, обусловленное выходомъ кишечныхъ петель черезъ особыя отверстія, находящіяся въ мускулатурѣ живота. Есть, впрочемъ, еще мозговые грыжи,—но сужденіе о нихъ не входитъ въ предметъ этой замѣтки. „Грызь“ или грыжа, по мнѣнію крестьянъ, болѣзнь „въ брюхѣ“, сопровождающаяся поносомъ и др. разстройствами функцій кишечника,—болѣзнь изъ серьезныхъ, требующая энергичнаго вмѣшательства. Прежде всего стараются распознать мѣсто, „гдѣ грызетъ“. Ворочаютъ малютку и на спину, и на животикъ, и на одинъ бокъ, и на другой,—мнутъ со всѣхъ сторонъ и въ заключеніе приходятъ къ тому выводу, что *„грызь внутренняя и сидитъ глубоко“*—слѣдовательно, обыкновенными приемами распознать невозможно. На помощь является приемъ необыкновенный: добываютъ мышъ и подпускаютъ ее подъ горшокъ, который устанавливаютъ на животъ и грудь малюткѣ. Мышь „обязательно“ должна укусить за то мѣсто, гдѣ „грызетъ“... Разумѣется, бываютъ примѣры, что мышъ и укуситъ гдѣ либо малютку,—но присутствіе „грыжи“ остается тайной; малютка все непокоенъ и къ „грыжи“ присоединяется какая нибудь язва отъ укуса мыши и послѣдственнаго загрязненія. Крестьянинъ же съ очищенной совѣстью: будучи доволенъ нахожденіемъ грыжи, „пососетъ“ укушенное мѣстечко,

предполагая означеннымъ пріемомъ высосать „грызь“. Если приглашена бабушка знахарка, то она насасываетъ укушенное мѣсто, а стоящая въ сторонкѣ мать ребенка задаетъ вопросъ: — „что, бабушка, грызешь?“ — Грызъ грызу. — „Грызи хорошенько!“ . Это переговариваніе повторяется до трехъ разъ. Счастливо, что если бабушка неодолима папулезнымъ или язвеннымъ сифилисомъ. Въ противномъ случаѣ вмѣстѣ съ просасываніемъ прививается сифилисъ, болѣзнь, — какъ всѣмъ извѣстно, — пагубная, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ.

Если ребенокъ, благодаря описаннымъ пріемамъ, не оправляется, то сердобольные родственники, прежде, чѣмъ приступить къ какому либо другимъ „методамъ леченія“, — прибѣгаютъ къ гаданію, которымъ и выясняютъ: лечитъ ли ребенка, или оставить безъ леченія. Въ новолуніе поутру ѣдутъ въ поле, взявши съ собою ребенка, отыскиваютъ молоденькій дубокъ, а если такового нѣтъ, то березу, и раскалываютъ дерево у корня пополамъ. Въ образовавшееся отверстіе протягиваютъ три раза малютку. Расколотое же дерево затѣмъ связываютъ, и вся „компанія“ отправляется домой. Если есть надежда на выздоровленіе, — дерево должно сростись въ недалекомъ будущемъ; въ обратномъ случаѣ, т. е. когда дерево начнетъ сохнуть, малютка заживо приговаривается къ смерти. Родители смотрятъ на него, какъ не на жильца на этомъ свѣтѣ; забываютъ его напоить, накормить во время, — или же пичкаютъ всякой гадостью, мысленно желая скорѣе избавиться отъ лишняго рта. Несчастный малютка, жертва предразсудка своихъ недоразвитыхъ родителей, безвременно переселяется въ „селенія горняя“... Родители похоронятъ его, справятъ тризну, — въ разговорѣ съ родственничками не разъ вздохнутъ о „безвременной душенькѣ“, — но никогда не подумаютъ того, что „безвременная „душенька“ — дѣло ихъ рукъ, что они, родители, являются преступниками — дѣтоубійцами, — хотя невольными дѣтоубійцами, по своему невѣжеству. Узнай невѣжда-крестьянинъ, что онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ глупость, равную преступленію, по причинѣ незнанія, по своей темнотѣ, — искренно онъ раскается, прольетъ не мало слезъ и навѣрное обвинитъ насъ, людей болѣе или менѣе развитыхъ, что мы не просвѣтили его, что мы не объяснили ему толкомъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его заблужденій...

... Не скоро еще наступитъ то время, когда народъ будетъ обезпеченъ медицинской помощью въ болѣе или менѣе достаточной степени. Взглянувши же на настоящую постановку медицинскаго дѣла, приходится скорбѣть, видя безпомощность больныхъ, находящихся не только внѣ врачебной, но неимѣющихъ и фельдшерской помощи, — за продуктивность которой говорить не приходится. Фельдшера, окончившіе новыя школы, несомнѣнно, хоть

отчасти полезны въ дѣлѣ врачеванія, что признается теперь и завзятыми *фельдшерофобами*...

... Не мало крестьянскихъ дѣтей также гибнетъ отъ, такъ называемаго, „сушеца“ или „собачьей старости“. Этимъ именемъ принято у простонародія называть болѣзненное состояніе ребенка, выражающееся общей слабостью, малокровіемъ, худобою, физическою недоразвитостію и др. припадками, имѣющими нѣкоторую аналогичность съ рахитомъ, т. е. англійской болѣзнью въ интеллигентномъ кругу.

Леченіе этой болѣзни въ простонародьи какими либо лекарственными средствами не признается, а сводится, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ приемамъ.

Первый—замѣшиваютъ тѣсто для калачей и „перепускаютъ“ въ него излишекъ дрожжей. Когда тѣсто готово—выкатываютъ большой калачъ съ отверстіемъ въ центрѣ; въ это отверстіе три раза продѣваютъ больнаго ребенка и, затѣмъ, калачъ садятъ въ печь. Послѣ испеченія калача въ него опять просаживаютъ малютку; на этотъ разъ—только два раза, и калачъ, разламывая на кусочки, несутъ въ седьмой или девятый дворъ, гдѣ и отдаютъ на съѣденіе дворовымъ собакамъ, будучи убѣждены, что „сушецъ“ черезъ посредство калача перейдетъ на собакъ. Второй приемъ,—ведущій къ гораздо худшимъ послѣдствіямъ—состоитъ въ слѣдующемъ: съ вечера заводится квашня, замѣсивши которую—въ тѣсто опускается бутылка съ водой и оставляется тамъ до утра. Утромъ начинаютъ выдѣлывать хлѣбы; бутылка же съ водою остается въ тѣстѣ до тѣхъ поръ, пока квашня совершенно не будетъ очищена отъ послѣдняго. Послѣ того, какъ всѣ хлѣбы посажены въ печь,—на ту-же лопату привязываютъ ребенка и садятъ въ печь, выдерживая въ температурѣ около 70° нѣсколько мгновеній надъ хлѣбами. По вынутіи изъ печи малютку вспрыскиваютъ три раза водой изъ бутылки, которая наканунѣ ночь пролежала въ квашнѣ. Результаты этого приема, разумѣется, самые пагубные: младенцы погибаютъ уже не отъ „собачьей старости“, а отъ воспаленія легкихъ, воспаленія мозговыхъ оболочекъ, ожогъ и т. п. Нѣсколько видоизмѣненный способъ, широко практикуемый крестьянами Тюменскаго уѣзда, какъ мнѣ рассказывали, состоитъ въ слѣдующемъ: заводится квашня, вставляется въ нее бутылка,—однимъ словомъ, вначалѣ манипуляціи тѣ же, что и въ предыдущемъ приемѣ... Выдѣлавши хлѣбы, выскребаютъ все оставшееся на стѣнкахъ квашни тѣсто и, перемѣсивши, раскатываютъ его въ большой блинъ, въ который и завертываютъ больнаго ребенка; послѣ чего садятъ его на лопатѣ въ печь и оставляютъ въ ней на нѣкоторое время. По вынутіи—опять таже процедура вспрыскиванія водой изъ бутылки и т. д. Тѣсто же, въ которое былъ завернутъ малютка, отдаютъ собакамъ.

Въ заключеніе не могу умолчать еще объ одномъ приѣмѣ „излеченія собачьей старости“. Малютку, предварительно хорошенько обмывши, приносятъ къ собачьему гнѣзду т. е. логовищу, въ которомъ живетъ собака, и оставляютъ его здѣсь отъ пяти минутъ до полу-часа, обложивши соломой...

Этимъ пока и можно закончить всѣ тѣ пытки, которымъ подвергается малютка въ первые годы своей жизни.

... Взрослые крестьяне,—сплошь и рядомъ, при всякаго рода заболѣваніяхъ, прежде чѣмъ обратиться къ медицинской помощи (даже, гдѣ она есть),—обходятъ всѣхъ знахарей въ своемъ селѣ и окрестностяхъ. Какъ въ средѣ врачей есть спеціалисты по отдѣльнымъ болѣзнямъ, такъ и въ средѣ знахарей—одни лѣчатъ „дурныя“ болѣзни, другіе „завалы“, „животную боль“, „головную“, „грудную“, „лихоманку“ и т. п.

„Дурныя“ болѣзни,—онѣ же венерическія—не заслуживаютъ, по мнѣнію врачей, особеннаго вниманія и излѣчиваются по ихъ методамъ очень легко слѣдующей смѣсью: 2 золотника ртути, 2 золотн. азотной кислоты и бутылка водки; все это смѣшивается и назначается: по рюмкѣ—три раза въ сутки. При явленіяхъ сыпи, язвъ и др. наружныхъ симптомовъ сифилиса означеннымъ растворомъ обмываютъ больное мѣсто или прикладываютъ смоченныя тряпки на больное мѣсто. Если результатомъ энергичнаго леченія ртутью явится язвенный или простой стоматитъ: разрыхленіе десенъ, дурной запахъ изо-рта, то онъ считается за самостоятельную болѣзнь, ничего общаго не имѣющую съ предшествовавшимъ леченіемъ. Есть еще много и др. способовъ леченія венерическихъ болѣзней, но теперь укажу лишь на леченія перепоя, чѣмъ и ограничусь, дабы не утомить читателя.

Перепой лечатъ впрыскиваніями въ каналъ настоя гвоздей или желѣза въ крѣпкой водкѣ: 1 лоть желѣза и 8 лотовъ крѣпкой водки; изъ этого раствора удѣляютъ 20—30 капель на стаканъ воды. Впрыскиваютъ въ каналъ отваръ сосновыхъ шишекъ. Внутреннее леченіе состоитъ въ приѣмахъ растворовъ ртути, какъ и при сифилисѣ; въ питьѣ отваровъ изъ коноплянаго или льнянаго сѣмени и т. п.

При „завалахъ“ даютъ тертое стекло, мѣль, деготь съ медомъ и др. „вещи“.

При „животной боли“ накладываютъ на „брюхо“ горшокъ; отпаиваютъ настоемъ мака: даютъ внутрь третью рѣдьку съ сахаромъ, медомъ или патокой; прикладываютъ тряпки, смоченныя въ патоку, на животъ.

Головная боль—излечивается кровопусканіемъ въ видѣ банокъ или піявокъ. Внутреннія методы леченія при головной боли не практикуются.

При грудной боли или „грудницѣ“ и всякаго рода кашляхъ даютъ отвары моркови, пережженный сахаръ, растертую и смѣшанную съ уксусомъ яичную скорлупу и т. п. Смазываютъ грудь собачьимъ саломъ; чаще же натираютъ до-красна шкурой отъ пестрой собаки.

„Лихоманка“ или лихорадка лечится полынной водкой, верхней коркой плохо выпеченнаго хлѣба, на которой въ видѣ креста дѣлаютъ надпись буквами „А. С.“ и „К. Л.“. Что означаютъ эти инициалы—почти никто не знаетъ.

Фигурируетъ при насморкѣ и кончикъ хвоста отъ пестрой кошки, который сожигается и пережженный, будучи растертымъ въ порошокъ, вдыхается носомъ....

Не буду распространяться о многихъ еще *методахъ* леченія у знахарей, которымъ подвергаютъ себя взрослые, и приведеннымъ кратчайшимъ перечнемъ закончу свою небольшую замѣтку, девизъ которой,—главнымъ образомъ,—указать на пагубные приемы, которые практикуются среди простаго народа въ леченіи дѣтей и изводятъ въ могилу сотни малютокъ...

Желательно, чтобы просвѣтителі народныхъ массъ: учителя, священники, медицинскій персоналъ—выясняли народу о пагубности знахарства и самолѣченія. Разъ простой народъ сознаетъ вредъ знахарства, то, разумѣется, уклонится отъ него и будетъ искать полезной медицинской помощи, каковая является въ лицѣ института врачей и фельдшеровъ, къ сожалѣнію, далеко недостаточно организованномъ въ Сибири. Земскія губерніи въ отношеніи постановки медицинской помощи далеко превзошли сибирскія.—Сибири необходима правильно организованная медицинская помощь, что, полагаю, можетъ быть достигнуто только съ введеніемъ земства...

Г. Н. Кгаевскій.

Въ пути.

Мелькаютъ версты передъ нами,

Одна стремяся за другой.

Такъ наша жизнь съ ея дѣлами

Мелькаетъ въ сферѣ міровой.

Сегодня прожито мгновенье,

Другое—завтра... день за днемъ.

Однообразность впечатлѣнья

И шутка глупая при томъ.

Всеv. Сибирскій.

Сибирскіе чиновники былого времени

(Продолженіе, — см. 1, 2 и 3 кн. „Дорожника“ за т. г.).

VII.

Но среди этой безумной роскоши, созданной на деньги полуголоднаго, обремененнаго работой народа, среди дикихъ проявленій своеволія и самоуправства, среди возмутительнаго обира-нія, взяточничества и вымогательствъ, среди всей этой тьмы, какъ свѣтлыя пятна выступали личности нѣкоторыхъ правителей, сдѣлавшихъ не мало добра для нашей окраины. Мы были-бы односторонними, если-бы обошли молчаніемъ этихъ, немногихъ, положимъ, но свѣтлыхъ личностей.

Исторія сохранила на своихъ страницахъ нѣсколько такихъ выдѣляющихся изъ окружающаго мрака именъ (пока мы касаемся только времени до начала XIX столѣтія).

Изъ сибирскихъ правителей, по своей честной и полезной службѣ, заслуживаетъ прежде всего вниманія сибирскій губернаторъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ. Соймоновъ первоначально служилъ въ С.-Петербургѣ генераль крѣгсъ-коммисаромъ. Замѣшанный по извѣстному дѣлу кабинетъ-министра императрицы Анны Іоанновны А. П. Волынскаго, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „слыша отъ Волынскаго злодѣйскія разсужденія и непристойные разговоры, и видя его злоумышленные сочиненія и прочіе злодѣйскіе поступки, не токмо, гдѣ должно, не объявилъ, но и въ сообщеніе къ нему присталъ“. За это его наказали кнутомъ, вырвали ноздри и сослали въ каторжныя работы въ Сибирь. По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, Высочайше повелѣно было: „отыскать Соймонова на заводахъ, объявить ему публично прощеніе, прикрыть знаменемъ и возвратить шпагу; но къ должностямъ ни по военной, ни по гражданской службѣ не допускать, жить-же позволить, гдѣ пожелаетъ“. Но въ 1757 году императрица Елизавета указомъ отъ 15 марта Высочайше пожаловала Соймонова тайнымъ совѣтникомъ и опредѣлила его Сибирскимъ губернаторомъ. По прибытіи Соймонова въ Тобольскъ (мѣстопробываніе сибирскихъ губернаторовъ), общество увидѣло въ немъ губернатора съ обширными познаніями въ наукахъ, съ прямымъ характеромъ и рѣдкою опытностію въ дѣлахъ. Въ шестилѣтнее его управленіе Сибирью онъ сдѣлалъ для нея много полезнаго и былъ любимъ, уважаемъ и чтимъ за свой кроткій нравъ, справедливость и дѣла благотворенія...

Сохраняется въ Сибири и, преимущественно, въ Tobольскѣ и досихъ поръ память о губернаторѣ Денисѣ Ивановичѣ Чичеринѣ, о роскошныхъ праздникахъ и пирахъ котораго мы писали въ предыдущей главѣ. Примѣрною и неутомимою дѣятельностію на пользу управляемаго края онъ заслужилъ репутацію самаго дѣятельнаго, честнаго и гуманнаго начальника.

Тотчасъ-же по вступленіи въ должность этотъ замѣтный сибирскій губернаторъ съ неослабною энергіей началъ и продолжалъ свое управленіе. Онъ требовалъ отъ городовъ благоустройства, чистоты и порядка, отъ купечества—честнаго и добросовѣстнаго веденія ихъ коммерческихъ операцій, отъ крестьянъ и поселенцевъ—посильныхъ трудовъ по распашкѣ земель и, вообще, по хозяйству, отъ чиновниковъ—честности и исполнительности въ дѣлопроизводствѣ. Ни одна часть губернскаго управленія не оставалась у него безъ вниманія и, держа крѣпко въ своихъ рукахъ бразды правленія ввѣреннымъ ему краемъ, онъ своею разумною строгостію доводилъ все до возможнаго совершенства. Неутомимо занимаясь по части устройства, благочинія и порядка въ своей резиденціи—Тобольскѣ,—Чичеринъ нерѣдко принималъ на себя и обязанности полиціймейстера, и лишь только замѣчалъ гдѣ нибудь около домовъ или на улицахъ неопрятность и беспорядки, то тутъ же дѣлалъ и расправу, или собственноручно писалъ ордеръ полиціймейстеру объ устраненіи замѣченныхъ беспорядковъ и о наложеніи соотвѣтственнаго взысканія на виновныхъ. По ночамъ, особенно осенью, онъ ѣздилъ съ гусарами по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ подозрѣвалъ беспорядокъ или преступленія.

Въ лѣтнее время, въ рабочіе дни, Д. И. Чичеринъ выѣзжалъ въ ближайшія деревни и горе было тому, кого онъ не заставалъ за работою, или у кого находилъ въ домѣ беспечность, беспорядокъ и дурное веденіе хозяйства. Онъ входилъ подробно въ положеніе крестьянъ и, давая имъ добрые совѣты и указанія, оказывалъ имъ значительную пользу. Между прочимъ, Чичеринъ открылъ въ Tobольскѣ геодезическую школу для подготовленія къ службѣ опытныхъ и способныхъ людей, особенно по землемѣрной части; учредилъ аптеку съ необходимымъ при ней штатомъ и для прививанія оспы назначилъ двухъ врачей и четырехъ подлекарей; построилъ каменный госпиталь, основалъ рабочій домъ для ссыльныхъ преступниковъ и устроилъ нѣсколько ремесленныхъ заведеній, неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ въ Сибири.

Какъ на одну изъ важныхъ заслугъ Чичерина для Сибири, необходимо указать на то, что онъ заселилъ безлюдную почтовую дорогу, ведущую въ Восточную Сибирь, и особенно Барабинскую степь. Дорога эта находилась въ самомъ жалкомъ по-

ложеніи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ея зимовья находились въ разстояніи одно отъ другого на 150 и на 200 верстъ, и на эти-то станціи выставляли лошадей поочередно крестьяне изъ отдаленныхъ селеній. Въ отвращеніе этого тягостнаго для мѣстнаго населенія неудобства оставалось только одно средство: населить придорожныя мѣстности ссылаемыми въ Сибирь преступниками; но заселеніе только такими исключительно порочными личностями безлюднаго края представлялось дѣломъ не безопаснымъ и вслѣдствіе этого Чичеринъ исходатайствовалъ заселеніе Барабинской степи свободными людьми въ зачетъ рекрутъ. Его попеченіемъ проложена кратчайшая дорога до Иркутской границы и учреждены на ней станціи на далѣе 25 верстъ одна отъ другой. При этомъ полезномъ предпріятіи онъ не упустилъ изъ виду и сбереженіе казеннаго интереса, такъ что водвореніе каждаго переселенца стоило казнѣ не болѣе 20 руб. ассигнаціями, въ видѣ ссуды, впослѣдствіи въ казну возвращенной. Мѣстныя выгоды и плодородная почва вскорѣ-же доставили большей части этихъ переселенцевъ не только довольствіе, но даже и избытокъ въ домашнемъ хозяйствѣ.

По Высочайше предоставленной Чичерину власти, онъ могъ жаловать служащихъ въ его вѣдѣніи лицъ за заслуги разными наградами и чинами, до чина капитана включительно. Но при всей своей строгости онъ никого не хотѣлъ сдѣлать несчастнымъ.

Различныя упущенія по службѣ и даже маловажныя преступленія онъ наказывалъ самъ, секретно, безъ суда, но въ тоже время и щедро награждалъ достойныхъ поощренія чиновниковъ. Всѣ боялись его, какъ строгаго начальника, но въ глубинѣ души уважали его неутомимую, честную и гуманную дѣятельность. Простой народъ называлъ его не иначе, какъ „батюшка Денисъ Ивановичъ“... *)

Были достойные правители и въ Восточной Сибири. Такъ можно отмѣтить перваго Иркутскаго губернатора генераль-маіора Фрауендорфа, отличавшагося энергіей и настойчивостію. Между прочимъ, фонъ-Фрауендорфъ обращалъ большое вниманіе на внутреннее благоустройство Иркутска и украсилъ городъ многими зданіями. Такъ, при немъ былъ выстроенъ первый губернаторскій домъ, возлѣ нынѣшней Спасской церкви, и пр. Современный Фрауендорфу иркутскій лѣтописецъ говоритъ, что этотъ губернаторъ „крѣпкою рукою принялся за устройство города, что по началу было въ тягость, а послѣ сами признали все это за полезное“ ..

Хорошую память оставилъ послѣ себя и преемникъ описаннаго выше губернатора Нѣмцова, друга разбойника Гондюхина,

*) См. „Памятная книжка Тобольской губерніи на 1884 г.“. Составлена А. И. Дмитриевымъ-Мамоновымъ и К. М. Голодниковымъ. Тобольскъ, 1884. Стр. 94—100.

генераль-маіоръ Кличка. Будучи добрымъ и справедливымъ начальникомъ, онъ принималъ и выслушивалъ всѣхъ ласково и благосклонно; словесныя и письменныя просьбы рѣшалъ безъ отлагательства и безъ мздоимства; ссоры и споры старался прекращать дружелюбно, черезъ посредниковъ; внимательно смотрѣлъ и наблюдалъ за скорымъ и справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ; помогалъ сиротамъ и неимущимъ, поощрялъ торговлю и, словомъ, говоритъ иркутская лѣтопись, „благоразуміемъ, добротою и благонамѣренностію напечатлѣлъ въ сердцахъ иркутскихъ жителей на долго о себѣ славное воспоминаніе“.

Но, къ сожалѣнію, не много было въ старой Сибири правителей съ такой хорошей репутаціей. Яркими бликами выдѣлялись они на темномъ фонѣ тогдашней сибирской жизни. И тѣмъ отраднѣе вспоминать объ этихъ свѣтлыхъ личностяхъ.

Чѣмъ ночь темнѣй,
Тѣмъ ярче звѣзды!...

Н. А. Гурьевъ.

(Продолженіе будетъ).

Роль Сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи края.

(Статья 3-я, — см. 1 и 2 кн. „Дорожника“ за текущій годъ).

Приступая къ продолженію начатаго нами въ предыдущихъ книжкахъ „Дорожника“ очерка о роли Сибирской желѣзной дороги въ дѣлѣ колонизаціи Сибири, мы въ настоящей главѣ намѣрены остановиться на второмъ періодѣ работъ по образованію переселенческихъ участковъ въ Сибири, руководствуясь неофф. изд. Д-та. Гос. Земельн. Им. за 1900 годъ.

Для описываемаго нами втораго періода чрезвычайно характернымъ является то, что колонизація этого періода пріобрѣтаетъ совершенно иное направленіе, и центръ тяжести колониальной политики переносится изъ культурно-земледѣльческой полосы Сибири въ область таежныхъ и урманныхъ пространствъ. Установившееся въ началѣ мнѣніе и среди мѣстныхъ дѣятелей, и въ центральныхъ управленіяхъ, о непригодности таежныхъ и урманныхъ пространствъ въ ближайшемъ будущемъ къ сельско-хозяйственной культурѣ, постепенно все болѣе и болѣе разсѣивалось при непосредственномъ знакомствѣ съ этими пространствами, путемъ естественно-географическаго изслѣдованія. Къ тому-же

имѣвшійся въ распоряженіи переселенческихъ партій свободный земельный фондъ въ чертѣ заселенной Сибири, подъ напоромъ сильно развившагося переселенческаго движенія, истощался довольно быстро и, *volens, nolens*, нужно было позаботиться объ изысканіи новыхъ земель, каковыя и открылись въ видѣ обширныхъ Сибирской тайги и урмановъ.

Первоначально предположено было тайги и урманы, въ виду ихъ дикаго первобытнаго характера и малой доступности для массовой колонизаціи, предоставить вольной колонизаціи; въ послѣдствіи же и эти предположенія не оправдались, такъ какъ предъ глазами изслѣдователей открылись огромныя площади земель, способныхъ воспринять сельско-хозяйственную культуру въ самомъ ближайшемъ будущемъ, а потому тайга и урманы признаны были удобными для колонизаціи на общемъ основаніи. Итоги работъ втораго періода, т. е. съ 1896 по 1889 г. включительно, для четырехъ сибирскихъ губерній выразились слѣдующими данными: было образовано около 900 участковъ, площадью 2.636.000 десятинъ, разсчитанныхъ на 150.000 душъ мужскаго пола.

Опуская цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся дѣла постановки работъ по образованію переселенческихъ участковъ, мы прямо переходимъ къ тому, на сколько образованіе сказанныхъ участковъ затрогивало интересы мѣстнаго старожилаго населенія, насколько оно ограничивало это населеніе въ смыслѣ землепользованія. Начнемъ съ двухъ Западно-Сибирскихъ губерній—Томской и Тобольской. Въ обѣихъ сказанныхъ губерніяхъ, въ особенности же въ Тобольской, вопросъ объ интересахъ старожилаго населенія самъ собою отодвигается на задній планъ. Такъ, въ Тарскомъ уѣздѣ Тобольской губерніи работы производились исключительно въ полосѣ совершенно незаселенной, а потому прямого вліянія на интересы мѣстнаго старожилаго населенія имѣть не могли; что же касается весьма немногочисленныхъ подтаежныхъ селеній Тарскаго уѣзда, то здѣсь дѣло улаживалось полюбовнымъ соглашеніемъ производителей работъ съ этими селеніями. Сплошь и рядомъ границы образованныхъ участковъ отодвигались отъ фактическихъ границъ крестьянскаго землевладѣнія и, такимъ образомъ, часть земель оставалась неиспользованной, въ виду могущей понадобиться прирѣзки земель къ крестьянскимъ надѣламъ. Такъ при работахъ 1897 года при четырехъ старожильскихъ селеніяхъ, въ отводахъ коихъ числилось всего 6434 десятины земли и не хватало противъ слѣдующаго по числу наличныхъ душъ количества 1881 дес., было оставлено неиспользованнымъ 8220 десятинъ, которыя остались въ фактическомъ пользованіи крестьянъ этихъ селеній.

Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Тавдинскомъ краѣ. Въ Тавдинскомъ краѣ, надо замѣтить, земли достаточно многочислен-

наго населенія инородческаго и русскаго не были отграничены отъ свободныхъ казенныхъ пространствъ. Характеръ хозяйства этого населенія по степени интенсивности сильно разнится съ характеромъ хозяйствъ прочихъ районовъ Сибири, а потому сохраненіе за этимъ населеніемъ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ угодій (пашень, опредѣляемыхъ покосовъ и пр.) было поставлено въ обязанность чиновъ Тобольской партіи, производившихъ работы въ этомъ краѣ.

Въ Томской губерніи, точно также какъ и въ Тобольской, работы производились почти безъ всякаго соприкосновенія съ интересами старожилаго населенія. Исключеніемъ является только восточная часть Каинскаго уѣзда, но и здѣсь образованіемъ переселенческихъ участковъ никакого ущерба мѣстному старожилому населенію нанесено не было.

Рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи двѣ Восточно-Сибирскія губерніи—Енисейская и Иркутская, такъ какъ здѣсь работы переселенческихъ партій велись, преимущественно, по окраинамъ волостныхъ районовъ,—главнымъ образомъ, въ тѣхъ полосахъ, гдѣ крестьянское пользованіе, выражаясь все слабѣе и слабѣе, мало-по-малу совершенно теряется среди земель казенно-свободныхъ. Для образованія участковъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ использовали, такимъ образомъ, землю обѣихъ названныхъ категорій. Такъ въ Иркутской губерніи за 1896 и 1897 г.г. было запроектировано въ участки до 165.000 десятинъ земель крестьянскаго пользованія и около 140.000 десятинъ земель казенно-свободныхъ; въ Енисейской губ. въ 1896 г. было взято въ участки земель перваго рода до 107.000 десятинъ и второго рода до 212.000 десятинъ. При такой постановкѣ дѣла интересы старожилаго населенія не могли быть не затронутыми въ этихъ двухъ губерніяхъ.

Помимо отрѣзки угодій отъ старожильческихъ обществъ, интересы старожилаго населенія затрогивались еще и въ формѣ включенія въ участки займокъ и даже цѣлыхъ выселковъ. Случаи включенія въ составъ переселенческихъ или запасныхъ участковъ болѣе или менѣе значительныхъ выселковъ изъ старожильческихъ селеній имѣли мѣсто и въ первомъ періодѣ работъ; во второмъ-же періодѣ такіе случаи повторялись гораздо чаще, въ особенности въ восточной части Каинскаго уѣзда Томской губерніи. Въ составъ участка въ Каинскомъ уѣздѣ хотя и было включено много выселковъ, но обстоятельство это не вызывало со стороны заинтересованныхъ сторонъ никакихъ возраженій и сомнѣній, такъ какъ включеніе производилось съ согласія сельскихъ обществъ. Въ Иркутской же губерніи дѣло включенія выселковъ въ составъ участковъ иногда сопровождалось ясно выраженнымъ несогласіемъ на то со стороны мѣстнаго старожи-

лаго населенія. Въ 1897 году въ Иркутской губ. было намѣчено, въ числѣ прочихъ, пять участковъ, которыхъ нельзя было образовывать иначе, какъ введя въ составъ ихъ угодыя крупныхъ старожильскихъ выселковъ (отъ 66 до 194 мужскихъ душъ). Такъ какъ упраздненіе выселковъ и переселеніе жителей въ ихъ коренныя селенія было-бы связано въ большей или меньшей степени съ разореніемъ высельщиковъ, то послѣдніе составили приговоръ о желаніи остаться жить въ чертѣ имѣющихъ быть образованными участковъ и войти въ составъ будущихъ переселенческихъ общинъ, при чемъ оставляли за собою нѣкоторыя преимущества по отношенію къ могущимъ быть переселенными переселенцамъ. Впослѣдствіи вопросъ этотъ разрѣшился въ пользу высельщиковъ и указанные участки образованы не были.

Въ отношеніи обыкновенныхъ заимокъ въ одинъ или въ два двора, разбросанныхъ внѣ черты крестьянскаго землепользованія въ области казенно-свободныхъ земель, со стороны переселенческихъ партій была проявлена сильная тенденція къ включенію этихъ заимокъ въ переселенческіе участки. Сплошь и рядомъ наличность заимки служила прямымъ указателемъ пригодности мѣстности къ образованію участка, и заимки эти замежевывались десятками и сотнями въ черту участковъ. Такъ въ одномъ 1896 г. въ Иркутской губ. было введено въ составъ 11 участковъ 51 заимка. Особенно же часто заимки вводились въ участки при работахъ среди пустопорожнихъ земель Томской губ. Въ 1897 году, напримѣръ, въ Томско-Чулымской тайгѣ было включено 196 арендаторскихъ заимокъ, по 1—2 двора каждая. Включеніе въ составъ участковъ такой массы заимокъ не могло не повлечь за собою прямаго нарушенія интересовъ владѣльцевъ заимокъ. Достаточно упомянуть о томъ, что во многихъ случаяхъ переселенцы, пользуясь своею численностью, окончательно разоряли заимщиковъ, отбирая у нихъ всѣ покосы, расчищенные пашни и даже посѣвы, ломали ихъ паскотины и пр. Въ результатъ многіе заимщики бросали насиженные ими земли и перекочевывали на другія мѣста. На это обстоятельство обратилъ свое вниманіе министръ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, во время своей поѣздки въ Сибирь въ 1898 году, послѣ чего и послѣдовало циркулярное министерское распоряженіе отъ 27 іюня 1898 г. за № 7, коимъ предписывалось, кому слѣдуетъ, относиться къ заимкамъ съ особою осмотрительностью и избѣгать замежевыванія въ участки тѣхъ изъ нихъ, хозяева которыхъ на нихъ прочно водворились.

Помимо образованія участковъ въ описываемые нами періоды производились также и другія работы, тѣсно связанныя съ заселеніемъ края, именно обводнительныя. Работы эти начались въ 1896 году по ходатайству Тобольскаго губернатора и, за-

тѣмъ, распространились и на Томскую губернію. Общіе итоги работъ этого характера выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: обводнено 94 участка, устроено 483 колодца. Не менѣе важное значеніе для успѣшности колонизаціи имѣютъ и осушительныя работы. Начавшись въ 1895 году съ маленькаго опыта—осушки небольшого Кошкабинскаго болота (вс. въ 4.000 дес.), работы эти за четыре года, съ 1896 по 1899 охватили всю восточную часть Каинскаго уѣзда; къ концу 1899 г. итоги работъ выразились въ видѣ 740 верстъ осушительныхъ каналовъ, шириною отъ 3 до 10 и глубиною отъ 1 до 4 аршинъ, причемъ непосредственнымъ осушительнымъ вліяніемъ сѣти каналовъ было затро-нуто 47 переселенческихъ участковъ, общемою площадью 220.000 десятинъ.

Наконецъ, намъ остается еще сказать про устройство колесныхъ дорогъ къ колонизаціоннымъ районамъ. На отпущенныя вспомогательнымъ фондомъ сибирской желѣзной дороги средства въ 1897 году былъ сдѣланъ первый опытъ по проложенію колесной дороги къ району верхняго теченія Шиша, въ Тарскомъ уѣздѣ, Тобольской губ. Опытъ этотъ привелъ къ блестящимъ результатамъ. Сооруженіе дороги обошлось въ 2000 рублей и Шишевскій районъ сдѣлался вполне доступнымъ для колонистовъ. Въ слѣдующіе два года было отпущено изъ того-же источника уже 9100 рублей на проложеніе колесныхъ путей въ томъ-же районѣ Шиша, въ районѣ рѣки Туи, а также къ участкамъ въ Маріинско-Чулымской тайгѣ.

Въ заключеніе настоящей главы слѣдуетъ сказать, что за послѣднее время участки въ таежныхъ и урманныхъ районахъ Сибири, вообще, и Западной въ частности заселяются весьма удовлетворительно. Водворяются здѣсь, преимущественно, переселенцы изъ лѣсной полосы Россіи—съ лѣсистаго сѣвера и сѣверо-востока, а также изъ сѣверо-западныхъ губерній.

Ю. О. Горбатовскій.

На праздникъ у китайцевъ.

(Изъ рассказовъ очевидца).

Въ мирное время китайцы—народъ очень общительный, гостепріимный и вѣжливый; отношенія ихъ къ своимъ сосѣдямъ—русскимъ, обыкновенно, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Встрѣтить китайца на именинахъ или на какомъ-нибудь званомъ вечерѣ у русскаго въ пограничномъ городѣ—вещь самая заурядная. Въ такихъ случаяхъ китайцы ведутъ себя въ высшей степени сдержанно, прилично, но въ тоже время вполне естественно. Получивъ, напримѣръ, приглашеніе къ столу, эти „Иванъ Ивановичи“, „Степанъ Ивановичи“, какъ въ большинствѣ случаевъ ихъ окрещиваютъ „русскіе друзья“, безъ чванства и излишнихъ церемоній занимаютъ предложенныя мѣста, пьютъ и ѣдятъ то, что имъ больше нравится, поддерживаютъ разговоръ, *) шутятъ и проч. Въ торжественные праздники—въ день Рождества Хр., Пасхи китайцы нерѣдко дѣлаютъ своимъ знакомымъ изъ русскихъ визиты, причемъ свои посѣщенія обыкновенно заканчиваютъ самымъ радушнымъ приглашеніемъ пріѣхать къ нимъ „на праздникъ“. Подъ этимъ словомъ и приглашающій и приглашаемый разумѣютъ праздникъ китайскаго новаго года. Праздникъ этотъ начинается въ февралѣ, въ день народженія луны, почему и называется „Бѣлый Мѣсяцъ“, и продолжается съ перерывами до ущерба. Первые три дня новаго года китайцы проводятъ въ уединенной молитвѣ своимъ богамъ, изображенія которыхъ ставятся въ это время на маленькихъ столикахъ во дворѣ, передъ входомъ въ жилище и въ самой юртѣ **), остальную же часть праздника посвящаютъ разнаго рода удовольствіямъ: ходятъ въ театръ, играютъ въ кости и т. д. Приглашеніемъ китайца „побывать у нихъ на праздникъ“ русскіе пользуются довольно широко: зачастую они являются въ юрту его не только въ полномъ составѣ своей семьи, но съ цѣлой аравой незнакомыхъ китайцу

*) Китайцы, вообще, народъ очень способный и со всѣми иностранными языками справляются весьма легко.

**) Китайская юрта имѣетъ четырехугольную, продолговатую форму и устраивается слѣд. образомъ: три стѣны дѣлаются глухими, а четвертая забирается наглухо только до половины, остальное же пространство до крыши задѣлывается мелкой деревянной рѣшеткой, которая изнутри оклеивается промасленной бумагой. Стѣна съ рѣшеткою всегда бываетъ обращена на югъ; въ этой же стѣнѣ дѣлаются и двери. Внутри юрты, вдоль трехъ стѣнъ ея, устраиваются досчатые нары, у концевъ которыхъ ставятся низкія печи; трубы отъ печей проводятся подъ нары, и затѣмъ соединяются въ одну, выходящую наружу. При топкѣ печей нары нагрѣваются отъ проходящаго по трубамъ дыма.

своихъ родственниковъ и пріятелей. И китаецъ принимаетъ съ одинаковымъ радушіемъ, съ одинаково-предупредительною вѣжливостію всѣхъ—знакомыхъ и не знакомыхъ.

Однажды, совершенно случайно, мнѣ пришлось принять участіе въ поѣздкѣ на праздникъ „Бѣлаго Мѣсяца“ въ китайскій городъ Айгунъ, отстоящій отъ г. Благовѣщенска въ 40 верстахъ. Въ Айгунъ мы пріѣхали подъ вечеръ, за нѣсколько часовъ до совершенія китайцами торжественнаго обряда ношенія по городу драконовъ. Знакомый китаецъ, къ которому мы заѣхали, принялъ насъ, по обыкновенію, весьма любезно и предоставилъ въ наше распоряженіе свободную половину юрты. Пока наша компанія, расположившись на теплыхъ нарахъ, отогрѣвала замоченныя отъ холода члены, хозяинъ занялся хлопотами объ угощеніи своихъ гостей. Два китайца внесли нѣсколько небольшихъ, низкихъ столиковъ, поставили ихъ передъ нами на нарахъ и, подавши сухую русскую закуску и вина, принялись за приготовленіе самаго распространеннаго и любимаго русскими китайскаго кушанья, называемаго „самоваръ“. Кушанье это называется такъ потому, что варится въ самоварѣ. На столъ подаютъ кипящій самоваръ, такой же, какъ и у русскихъ, только безъ крана, *) и одновременно съ этимъ нѣсколько тарелокъ съ нарезаннымъ тонкими ломтями мерзлымъ мясомъ разныхъ животныхъ и птицъ; затѣмъ, мясо это спускаютъ въ самоваръ, прибавляютъ туда китайской вермишели, морской капусты и разныхъ специй. Минутъ черезъ 25-30 кушанье готово; его разливаютъ по тарелкамъ и подаютъ съ китайскимъ уксусомъ. Въ образовавшійся въ самоварѣ бульонъ сейчасъ же спускаютъ вторую порцію мяса и приправъ и повторяютъ это до тѣхъ поръ, пока гости не насытятся.

Послѣ окончанія трапезы мы пошли осматривать Айгунъ. Городъ, большой по количеству жителей, былъ очень невеликъ по занимаемой площади. Постройки были до того скучены, улицы такъ узки, что, казалось, если взглянуть на него съ птичьяго полета, то увидишь только сплошную массу крышъ. Жизнь, не смотря на сравнительно поздній часъ, кипѣла ключемъ. Взрослые китайцы съ лихорадочною поспѣшностью заканчивали свои дневныя занятія: одинъ тащилъ покупки, другой гналъ барановъ на водопой, третій скакалъ куда то верхомъ на лошади и т. д. Продавцы сластей и другихъ мелкихъ товаровъ, расхаживая по улицамъ, громко выкрикивали свои товары... Толпы мальчишекъ сновали взадъ и впередъ, перебѣгали улицы, покупали фрукты, ракеты, ссорились изъ-за нихъ, поджигали купленные

*) Изобрѣтеніе самовара многими приписывается Тульскому мастеру. Между тѣмъ, по словамъ китайцевъ, самоваръ у нихъ существовалъ уже въ то время, когда русскіе не имѣли еще никакого понятія о чаѣ.

ракеты и швыряли ихъ часто подъ самыя ноги прохожихъ; прохожіе бранились, мальчишки смѣялись.. Говоръ, смѣхъ, брань, блеянье овецъ, пѣсня празднаго шаталы—все это мѣшалось и сливалось въ одинъ сплошной гулъ... Мы обошли большую половину города, въ сопровожденіи цѣлой аравы мальчишекъ, разсматривавшихъ насъ съ большимъ любопытствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ относились къ намъ крайне недружелюбно: бранили насъ на всемъ языкѣ или, пріотставши, наровили пустить въ кого-либо изъ насъ комомъ снѣга или чѣмъ-либо другимъ, попавшимъ подъ руку; другіе, наоборотъ, старались выказать свое расположеніе: вступали съ нами въ разговоръ, спрашивая обыкновенно: „Урусъ, мамка есть?“ или что-нибудь вродѣ этого, совали намъ въ руки яблоки, орѣхи и пряники, приговаривая при этомъ: „анда, кушая“ (ѣшь, пріятель),

Когда мы возвратились въ юрту, гдѣ остановились, хозяина уже не было: онъ ушелъ молиться въ главную кумирню, откуда въ полночь должны были быть вынесены драконы. Отдохнувши немного и взявъ съ собою проводника, мы направились къ кумирнѣ. Движеніе на улицахъ по прежнему не прекращалось ни на минуту, но всѣ прохожіе, которыхъ мы видѣли, шли на этотъ разъ, не торопясь, степенно и безъ шума; даже неугомонные мальчишки и тѣ значительно присмирѣли. Всѣ направлялись къ кумирнѣ. Послѣдняя снаружи представляла изъ себя обыкновенную большую юрту. Внутри ея, вдоль стѣнъ, на пьедесталахъ помѣщались изображенія чтимыхъ китайцами боговъ. Изображенія эти, разныхъ величинъ, были сдѣланы изъ глины и раскрашены, положеніе ихъ было самое разнообразное: одинъ стоялъ, другой сидѣлъ, третій оставался въ позѣ не то прыгающаго, не то пляшущаго и т. д. Въ изображеніяхъ лицъ было замѣтно желаніе придать каждому изъ нихъ то выраженіе, которое наиболѣе соотвѣтствовало бы характеру изображаемаго бога: свирѣпое, добродушное, ехидное и проч. Приходившіе въ кумирню китайцы становились на колѣни передъ тѣмъ изъ боговъ, которыхъ имъ нужно было умилоствить, и, сложивъ руки для молитвы, дѣлали нѣсколько земныхъ поклоновъ. Затѣмъ, подходили къ висѣвшему у дверей колоколу, дѣлали три удара и удалялись. Большая часть вышедшихъ изъ кумирни направлялась къ находившемуся неподалеку театру. Театръ былъ устроенъ на большой площади и состоялъ изъ закрытой съ трехъ сторонъ и сверху сцены на высокихъ подмосткахъ. Всѣ зрители помѣщались подъ открытымъ небомъ. Болѣе почетные сидѣли впереди на устроенныхъ для этого скамьяхъ, а всѣ прочіе оставались на ногахъ; причемъ нѣкоторые изъ нихъ для того, чтобы лучше видѣть, взбирались на сосѣдніе заплоты и даже крыши. Мы застали уже самый конецъ представленія: на сцену была выве-

дена палачемъ женщина и ее казнили огнемъ. Огонь замѣняла разлитая по полу и затѣмъ зажженная китайская водка. Послѣ окончанія представленія толпа зрителей хлынула обратно въ кумирню, гдѣ уже были приготовлены два, сдѣланныхъ изъ бумаги, дракона, длиною футовъ въ 20 и толщиною почти въ обхватъ. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой черный. Внутри каждого изъ нихъ было зажжено по нѣскольку фонарей. Послѣ исполненія нѣкоторыхъ обрядностей, нѣсколько китайцевъ подняли драконовъ за придѣланные къ нимъ палки. Затѣмъ, выступили впередъ два вожака съ большими круглыми фонарями: одинъ съ краснымъ, другой съ голубымъ и стали каждый передъ своимъ дракономъ. Вслѣдъ за этимъ раздались звонъ колокола, выстрѣлы находившейся гдѣ-то неподалеку пушки, трескотня ракетъ, звуки китайской музыки, и вожаки двинулись, а за ними носильщики понесли драконовъ. Вожакъ не шёлъ прямо: онъ то расходился въ стороны, то снова сходилъ, одинъ опережалъ другаго и сейчасъ же возвращался, другой въ это время проходилъ между носильщиками дракона перваго вожака и т. д. Носильщики слѣдовали по пятамъ вожаковъ, то опуская, то сразу поднимая драконовъ, смотря по тому, что продѣлывалъ вожакъ своимъ фонаремъ. Благодаря искусному хожденію вожаковъ, издали получалось довольно красивое зрѣлище — борьба двухъ драконовъ. Сначала мы отправились было за толпой, сопровождавшей драконовъ, но вскорѣ принуждены были вернуться, такъ какъ число зрителей съ каждой минутой все болѣе и болѣе увеличивалось и въ узкихъ улицахъ города началась нестерпимая давка. Мы возвратились въ юрту нашего знакомаго и, переночевавши у него, на утро оставили Айгунъ.

Н. М.

ЭТО ОНЪ!

(Изъ фантастическихъ разсказовъ о Святой ночи).

I.

Въ эту ночь улицы большого промышленнаго города Л. имѣли какой-то странный видъ. Зажженные у церквей плошки горѣли тусклымъ едва замѣтнымъ пламенемъ, а толпы народа, безшумно двигавшіяся отъ храма къ храму, всегда придающія особую торжественность Христовой ночи, на этотъ разъ производили тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

Причиною этого было обиліе болѣзненныхъ, изможденныхъ лицъ, на которыхъ, вмѣсто обычнаго въ святую ночь оживленія, отражалась только безропотная покорность судьбѣ.

Такое угнетенное настроеніе жителей Л. объяснялось тѣмъ, что населеніе его, живущее исключительно работою на многочисленныхъ фабрикахъ города, переживало въ этомъ году трудный промышленный кризисъ.

Не многимъ рабочимъ былъ знакомъ этотъ заморскій терминъ, но зато внутренній смыслъ его былъ вполне ясенъ каждому: слишкомъ сильно онъ далъ себя почувствовать въ этомъ году рабочему люду.—Многіе изъ жителей Л. уже давно лишились работы и прожили не только всѣ жалкія сбереженія, но и всю небогатую одеженку, и послѣдними оставшимися тряпками съ трудомъ прикрывали наготу. По городу ходили слухи о нѣсколькихъ случаяхъ голодной смерти. Эти слухи и видъ полунагихъ, голодныхъ товарищей наводили тоску и на тѣхъ немногихъ, которые еще сохранили заработокъ, что и служило причиною подавленнаго настроенія жителей Л., омрачившаго торжественность Святой ночи.—Особенно тяжелое впечатлѣніе производили главныя улицы города, ярко освѣщенныя электричествомъ, роскошныя магазины которыхъ являлись рѣзкимъ контрастомъ бѣдному оборванному люду, вяло двигавшемуся мимо нихъ, съ опущенными головами.

Но, не смотря на постигшую бѣду, не смотря на то, что многіе въ этотъ день не видѣли и куска хлѣба, населеніе Л. осталось вѣрнымъ установившемуся обычаю, и всѣ улицы были полны народомъ, старавшимся въ ожиданіи торжественнаго часа посѣтить возможно больше церквей.

Среди этой нищенской, изнуренной голодомъ, толпы особенно выдѣлялся одинъ человѣкъ, одѣтый въ самое жалкое рубище, съ кроткимъ, обрамленнымъ небольшою черною бородою лицомъ.

Глаза его были полны печали и на рѣсницахъ блестѣли слезинки; а когда онъ проходилъ мимо роскошныхъ гастрономическихъ магазиновъ, или встрѣчался съ богатымъ экипажемъ мѣстнаго буржуа, то все его лице, какъ то, страдальчески передергивалось и изъ груди вырывался глубокій болѣзненный вздохъ. Человѣкъ этотъ неожиданно появлялся то на той, то на другой улицѣ и, странное дѣло, при встрѣчѣ съ нимъ, каждый, какъ то, инстинктивно останавливался;—лице его казалось всѣмъ давно знакомымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никто не могъ сказать, кто онъ и откуда появился въ эту ночь въ городѣ.—Люди переговаривались по поводу его страннаго вида, спрашивали о немъ другъ друга, но всѣ одинаково—ничего не могли сказать о странномъ незнакомцѣ, кромѣ того, что всѣ уже гдѣ то встрѣчали его раньше.

На одной, особенно многолюдной, улицѣ величественнаго вида полицейскій, завидя полунагого бѣдняка, остановилъ его, чтобы указать на неприличіе его костюма и предложить удалиться въ болѣе глухую улицу; но, встрѣтивъ его кроткій, полный тоски, взглядъ, какъ то невольно оборвалъ на полусловѣ начатое внушеніе, и отошелъ въ сторону.—Незнакомецъ, также спокойно, пошелъ дальше, а полицейскій долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и въ его головѣ неотвязно копошился вопросъ: „гдѣ я раньше видѣлъ это лице?“

II.

Торжественный часъ приближался.—Ударилъ первый колоколъ, призывающій народъ къ молитвѣ; за нимъ—другой, и весь городъ огласился звономъ благовѣста.—Улицы начали пустѣть, а храмы все болѣе и болѣе наполняться.

Въ эту ночь рабочее населеніе Л. молилось особенно горячо, а первые звуки торжественнаго пѣнія „Христось Воскресе“ какъ то особенно болѣзненно и въ то же время радостно отзывались въ груди молящихся.—Никогда еще церковь такъ стройно, дружно не отвѣчала «Воистину Воскресе!» на возгласъ священника: „Христось Воскресе!“ и казалось, что Христось, это единственное, истинное прибѣжище страждущихъ, дѣйствительно воскресъ именно сегодня, въ эту торжественную минуту, а не двадцать вѣковъ назадъ, и находится, вотъ, сейчасъ тутъ-же между молящимися.—Вѣра въ его присутствіе была на столько велика, что многіе оглядывались кругомъ, надѣясь увидѣть божественныя черты страдальца, освѣщенныя сіяніемъ небеснаго свѣта.—Но Его не было и люди, съ тяжелымъ чувствомъ обманутой надежды, опускали головы.—Торжественное настроеніе не оставляло молящихся во все время службы, не оставляла

ихъ также и надежда на что-то необычайное, хорошее, что должно произойти именно сегодня, сейчасъ. Такое настроеніе было особенно сильно среди молящихся въ церкви, стоящей за чертою города, между огромными прокопченными зданіями фабрикъ и заводовъ, гдѣ собралось „встрѣтить Христа“ почти все фабричное населеніе города.

Но, вотъ, раздался торжественный перезвонъ.—Служба кончилась и молящіеся, одинъ за однимъ, потянулись за ограду. Ничего особеннаго не случилось.—Надежды были обмануты, и на лица богомольцевъ, не смотря на торжественность момента, вновь легла та же безысходная тоска.

Начиная отъ воротъ церковной ограды, далеко вдоль улицы, тянулась длинная вереница нищихъ, выстроившаяся въ двѣ шеренги. Среди нихъ много было рабочихъ, еще недавно отдававшихъ свою трудовую копейку профессиональнымъ нищимъ, сдѣлавшимъ изъ нищенства выгодный промыселъ, а теперь загнанныхъ неисходною нуждою въ эти же ряды.—Лица этихъ несчастливцевъ отличались болѣзненностью и мутнымъ взглядомъ, а костюмъ свидѣтельствовалъ, что, прежде чѣмъ протянуть руку за подаеніемъ, человѣкъ продалъ и проѣлъ все, что только было возможно.

Въ самомъ концѣ длинной шеренги нищихъ стоялъ опять тотъ же, покрытый рубищемъ, незнакомецъ, куда то исчезавшій на время богослуженія.—Какъ прежде, глаза его свѣтились глубокой печалью и, какъ прежде, проходящіе, встрѣтившись съ его взглядомъ, останавливались и старались припомнить, гдѣ они уже видѣли это скорбное лицо. Онъ не просилъ, какъ другіе, милостыню и стоялъ, опустивши руки и провожая печальнымъ взглядомъ проходившихъ людей.—Но, вотъ, одинъ изъ рабочихъ, остановившись на минуту предъ таинственнымъ незнакомцемъ, торопливо опустилъ руку въ карманъ и подалъ ему какую то мѣдную монету.

— Не надо.—Отдай имъ—показалъ незнакомецъ на стоявшихъ тутъ же дѣтей.

Рабочій недоумѣвалъ и стоялъ съ протянутою рукою.

— Кто ты?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Я—человѣкъ,—послышался мягкій, полный печали голосъ. И эти слова, сказанныя почти шепотомъ, сразу были услышаны всѣми. Толпа вздрогнула. Чувствовалось, что приближается то чудесное, чего ожидали отъ этой ночи. Народъ останавливался и вокругъ незнакомца образовалась густая толпа.

— Кто это?—слышались вопросы.

— Это онъ.—Это тотъ, который ночью ходилъ по городу, —шепотомъ передавали другъ другу рабочіе.

— Да кто же онъ?—Зачѣмъ онъ здѣсь стоитъ, если не беретъ милостыню?

— Онъ не здѣшній, но я его уже видѣлъ гдѣ то.

— И я.—И я,—пронеслось въ толпѣ.

Народу все прибывало.

— Кто ты?—Зачѣмъ ты пришелъ сюда?—Зачѣмъ ты здѣсь стоишь?—Ты пришелъ искать работы?—Мы сами мремъ здѣсь съ голоду,—вдругъ загудѣла толпа.

Незнакомецъ поднялъ голову.

. . . Тише!—Онъ хочетъ говорить.

Моментально все затихло.

— Братъ,—раздался тихій, но внятный голосъ,—я зналъ о вашей бѣдѣ; я зналъ, что людямъ здѣсь грозитъ голодная смерть; я видѣлъ вашихъ женъ и матерей, не могущихъ накормить вашихъ малютокъ, потому что груди ихъ изсякли отъ голода....

— Что онъ говоритъ?—Гдѣ онъ видѣлъ нашихъ женъ?

— Тише, дайте ему говорить!

. „и я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать слово правды и утѣшенія.—Ваша бѣда постигла васъ по вашей винѣ. Вы забыли, что вы всѣ братья, вы всѣ думали только о себѣ; вы не жалѣли товарища, остающагося безъ работы; вы не думали, что каждого изъ васъ можетъ постичь такая же бѣда, и бѣда эта пришла, чтобъ показать вамъ, какъ не надежны заботы о себѣ. Вы и сегодня, идя изъ церкви, стараетесь скорѣе пройти мимо вашего голоднаго брата, дѣлая видъ, что не замѣчаете его, чтобы не дѣлиться съ нимъ кускомъ насущнаго хлѣба“....

— Онъ говоритъ правду.—Онъ говоритъ правду,—пронеслось по толпѣ.

— Тс!

. „вы забыли заповѣдь Бога—„люби ближняго своего, какъ самого себя“;—вы забыли, что ближній вашъ—каждый изъ васъ;—каждый—въ потѣ лица своего зарабатывающій хлѣбъ свой.—Вы уподобились мытарямъ, и вы наказаны.—Только тогда, когда вы будете заботиться не каждый о себѣ, а каждый о всѣхъ и всѣ о каждомъ, ваши заботы увѣнчаются успѣхомъ,—только тогда, когда вы сохраните этотъ завѣтъ Бога, и молитвы ваши будутъ услышаны Богомъ,—только тогда вы не будете умирать съ голоду,—только тогда васъ не будутъ вы.“

— Это что здѣсь за сборище?!—вдругъ перебилъ незнакомца чей то громкій голосъ.

Толпа всколыхнулась.—Никто не замѣтилъ, какъ подкатило роскошное ландо на резиновыхъ шинахъ, и только раздавшійся грозный окликъ заставилъ всѣхъ оглянуться.

Въ ландо сидѣли два самыхъ крупныхъ мѣстныхъ фабриканта.
— Э, батенька, да тутъ у нихъ ораторъ!—проговорилъ одинъ изъ нихъ.—Это, что у васъ—сходка?! бунтъ?!—А полиція гдѣ?—Что полиція смотритъ?—Ну ка, ты, выходи сюда, что ты тамъ разглагольствуешь?

Незнакомецъ стоялъ, опустивъ голову.

— Что вамъ отъ него надо?—Проѣзжайте своей дорогой!—Онъ васъ не трогаетъ!—Онъ намъ говоритъ!—разомъ заговорили рабочіе.

— А, —что мнѣ надо?—А вотъ я вамъ покажу,—загорячился фабрикантъ.—Эй, полицейскій!

Полицейскій стоялъ тутъ же, въ толпѣ и, вмѣстѣ съ другими, слушалъ страннаго оратора. На крикъ онъ приблизился къ экипажу.

— Ты, что тутъ смотришь?—закричалъ на него фабрикантъ,—возьми этого человѣка!

— Не дадимъ мы его трогать!—Что онъ вамъ помѣшалъ? Рабочіе заволновались.

— А вотъ посмотримъ!—Полицейскій,—что я тебѣ сказалъ?—возьми этого.....

Вдругъ взгляды фабриканта и незнакомца встрѣтились и грозная рѣчь оборвалась.

Буржуа вскинулъ на носъ пенсне и сталъ внимательно разсматривать лицо и фигуру оратора.

— Э, батенька, да я этого франта уже видѣлъ когда то,—обратился онъ къ своему сосѣду.

— Я уже давно всматриваюсь въ него,—отвѣтилъ тотъ,—и тоже думаю, что это не первая наша встрѣча.

— Да?—Ну, вотъ, видите,—значитъ, дѣло тутъ пахнетъ далеко не шуткой и хорошо, что мы наткнулись на эту сцену.—Надо принять серьезныя мѣры.

— Эй, полицейскій! Живо пошелъ въ мою контору и по телефону передай въ полицію, чтобы сейчасъ же ѣхалъ сюда полицмейстеръ.—Скажи, что я прошу!

Толпа глухо гудѣла. По адресу сидѣвшихъ въ ландо слышались угрозы. Казалось—еще немного и дѣло приметъ другой оборотъ. Фабрикантъ велѣлъ кучеру отъѣхать въ сторону.

Черезъ полчаса пріѣхалъ полицмейстеръ въ сопровожденіи пристава и двухъ околodочныхъ надзирателей.

Незнакомецъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ, опустивъ голову, окруженный толпою рабочихъ, которые въ полголоса переговаривались о случившемся.

Фабрикантъ шепотомъ объяснилъ полицмейстеру, въ чемъ дѣло, указавъ на особенную опасность такихъ сходокъ въ настоящее время, когда большинство рабочихъ осталось безъ заработка.

— Разступись!—раздалась команда.

Рабочіе недвигались съ мѣста.

— Не дадимъ мы его трогать,—протестовали они,—онъ ничего не сдѣлалъ худого!

— Не разговаривать!—Разступись!—повторился окрикъ.

Недовольство толпы возрастало.—Шумъ усиливался.

— Не мѣшайте имъ дѣлать, что имъ нужно—послышался кроткій голосъ.

Рабочіе притихли и инстинктивно дали дорогу полиціи.

— Кто ты такой?—сурово спросилъ полицмейстеръ, подходя къ незнакомцу.

— Я—человѣкъ,—повторился тотъ же кроткій отвѣтъ.

— Ну, тамъ мы разберемъ, что ты за человѣкъ.—Маршъ!

— Те, те, те,—да я ужъ тебя не первый разъ встрѣчаю!—закончилъ полицейскій, выходя изъ толпы вмѣстѣ съ арестованнымъ и заглядывая ему въ лицо.—Ну, на этотъ разъ ты, братъ, отъ меня не уйдешь!

Арестованный ничего не отвѣтилъ и только при словѣ „братъ“ губы его какъ то болѣзненно искривились.

Процессія тронулась. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, послѣдовала за нею, а фабрикантъ, пригласивъ полицмейстера къ себѣ, приказалъ кучеру ѣхать домой.

— Братцы!—Зачѣмъ мы дали его арестовать,—что онъ сдѣлалъ худого?—Отобъемте его, сегодня не такой день, чтобы безъ дѣла забирать человѣка—заговорили рабочіе.

— Не дѣлайте этого.—Такъ надо,—проговорилъ незнакомецъ.

Рабочіе притихли.

— Кровь, кровь! У него ноги въ крови!—пронесся вдругъ шепотъ.

— И руки тоже!

— И платье!

Фабрикантъ оглянулся, услышавъ этотъ шепотъ, но толпа скрыла отъ него арестованнаго.

Полицмейстеръ остановилъ встрѣчнаго извозчика и приказалъ приставу увезти арестанта и запереть его до утра въ секретную, а самъ, обращаясь къ рабочимъ, сталъ уговаривать ихъ разойтись по домамъ.

— Идите!—послышался голосъ незнакомца.

Рабочіе разошлись, не переставая бесѣдовать о странномъ человѣкѣ и его словахъ, но никто не могъ припомнить, гдѣ они видѣли эти знакомыя черты, этотъ страдальческій взглядъ.

III.

Роскошное ландо фабриканта подкатило къ парадному подъѣзду.

— „Христось воскресе!“—встрѣтилъ его разряженный швейцарь.

— „Воистину воскресъ!“

Буржуа расцѣловался со слугой.— Онъ въ душѣ считалъ себя демократомъ и всегда этимъ гордился.

Вверху, въ парадныхъ комнатахъ, былъ накрытъ столъ, уставленный изысканными яствами. Семейство фабриканта уже давно ожидало хозяина дома, чтобы по христіанскому обычаю разговѣться.

— Что ты, такъ долго?—спросила его жена, когда онъ со всѣми облобызался.

— Ну, милая, было бы намъ хлопотъ, еслибы не счастье,—просто, должно быть, Богъ меня по заводскому проспекту направилъ. Ёду,—вижу у церковной ограды толпа рабочихъ,—всю улицу запрудили.—Я сразу догадался, что тутъ что то не ладно.—Подъѣзжаю, а у нихъ миттингъ какой-то:—по срединѣ ораторъ, весь въ лохмотьяхъ, лицо такое смиренное, а говорить, очевидно, зажигательное что то: толпа такъ и замерла,—почти не дышутъ.—Всмотрѣлся я это въ него—вижу лицо знакомое,—Иванъ Петровичъ со мною въ экипажѣ былъ—тоже узналъ. Оказывается, мы его во время прошлыхъ беспорядковъ видѣли.—Эге, думаю, да тутъ пропагандой пахнетъ.—Послали за полицмейстеромъ—и тому эта фигура знакомой оказалась.—Ну, конечно, сейчасъ его, раба Божія, въ кутузку.—Рабочіе, было, загалдѣли, но онъ самъ, должно быть, не дуракъ,—знаетъ, что ему же хуже будетъ, если беспорядокъ затѣетъ,—попросилъ ихъ оставить.....

— Слушай, Вася,—прервала его жена,—неужели нельзя было не трогать его хоть сегодня, для Христова дня? вѣдь, онъ никуда бы не дѣвался и завтра?“

— Ну, матушка,—для такихъ господъ праздниковъ не существуетъ,—это ядъ нашего общественнаго организма и я считаю своимъ долгомъ вездѣ и всюду, гдѣ встрѣчу ихъ на своемъ пути, предавать въ руки правосудія.—Попробуй дать имъ волю, такъ.....

Вдругъ рѣчь фабриканта оборвалась.—Взглядъ его упалъ на стѣну, гдѣ въ расколной, золоченой рамѣ висѣла картина, изображавшая „Шествіе на Голгофу“.—Скорбный ликъ Христа, согнувшася подъ тяжестью ноши, укоризненно глядѣлъ на собравшихся у пышнаго стола сытыхъ людей,—слезы, крупными каплями повисшія на рѣсницахъ, казалось, готовы были упасть.

Фабрикантъ зашатался и, подхваченный домашними, безпомощно опустился въ бархатное кресло.

— Это *онъ*! — съ дикимъ ужасомъ прошептали его губы, — а широко раскрытые глаза неподвижно остановились на картинѣ.

— Кто онъ? — Что съ тобой? — заволновались домашніе.

Въ отвѣтъ раздались горькія, сдавленные ужасомъ, рыданія.

Буржуа впалъ въ истерику, — рыданія наполнили весь домъ, — никогда никто изъ близкихъ не видалъ его въ такомъ состояніи. — Принесли воду, одеколонъ; — мочили ему виски, давали пить, но всѣ старанія не приводили ни къ чему; такъ какъ только фабрикантъ начиналъ приходить въ себя, какъ глаза его вновь обращались къ картинѣ и вновь раздавались рыданія.

— Это — *онъ*! Это — *онъ*! Что я сдѣлалъ! были единственные слова, которыя можно было разобрать, — и фабрикантъ съ такой силой сжималъ руками голову, что все лицо его наливалось кровью.

Наконецъ, видя, что никакія домашнія средства не помогаютъ, жена послала за докторомъ и, спустя два часа, съ помощью прибывшаго свѣтила науки больной былъ, наконецъ, приведенъ въ сознаніе и, мало по малу, успокоился. Но на всѣ вопросы, — что съ нимъ? — онъ только махалъ руками и просилъ оставить его въ покоѣ.

Докторъ покачалъ головой и, сказавъ, чтобъ за нимъ прислали, если припадокъ возобновится, ушелъ.

Въ это утро семья фабриканта не подходила къ роскошно сервированному столу и приготовленные пасхальные блюда остались не тронутыми.

По уходѣ доктора, весь домъ погрузился въ тяжелое безмолвіе. Фабрикантъ заперся въ своемъ кабинетѣ и весь отдался обуревающему его горю. Онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и, въ отчаяніи, рвалъ на себѣ волосы — Слезы крупными каплями катились изъ его глазъ, но онъ не отиралъ ихъ.

— Кровь! такъ вотъ о какой крови говорили рабочіе! — болѣзненно копошилось въ мозгу фабриканта. — Но какъ могъ я не узнать этого лица? — Какъ могъ я принять *его* за пропагандиста? — задавалъ онъ себѣ мучительные вопросы и, не находя отвѣта, вновь готовъ былъ разрыдаться.

Но вотъ въ головѣ его блеснула мысль. Онъ долженъ немедленно ѣхать и освободить арестованнаго, — этимъ онъ хоть немного загладить свою вину.

Судорожно вдавленная кнопка электрическаго звонка засѣла въ раковинѣ и мертвая тишина роскошнаго дома нарушилась безконечнымъ дребезжаньемъ серебрянаго колокольчика.

— Лошадей! — приказалъ онъ прибѣжавшему на звонокъ лакею.

Еще подъѣзжая къ полицейскому управленію, фабрикантъ замѣтилъ какое то необычное движеніе: у воротъ стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей; по тротуару, какъ бы ожидая чего то, ходили полицейскіе съ озабоченными лицами. Онъ выскочилъ изъ экипажа и вбѣжалъ въ канцелярію. Приставъ, предупрежденный полицейскими, встрѣтилъ его на порогѣ дежурной комнаты.

— Гдѣ арестованный?—спросилъ буржуа, едва войдя въ дверь. Полицейскіе переглянулись.

— Совершенно необъяснимо,—смущенно заговорилъ приставъ,—ключи все время были у меня, караулъ не отходилъ отъ дверей...

— Что вы говорите?—Я васъ спрашиваю, гдѣ арестованный?

— Никто не замѣтилъ, какъ онъ успѣлъ скрыться;—я уже разослалъ по городу верховыхъ и по телефону далъ знать господину полицмейстеру и во всѣ участки.—Примемъ всѣ мѣры къ розыску.

Изъ груди фабриканта вырвался болѣзненный стонъ;—онъ быстро повернулся и вышелъ изъ канцеляріи.

Это посѣщеніе еще усилило переполохъ полиціи.—Никогда еще въ практикѣ полиціи города Л. не было ничего подобнаго. Побѣгъ изъ запертой секретной казался чѣмъ то сверхъестественнымъ, а тутъ еще вмѣшательство вліятельнаго въ городѣ фабриканта.

Всѣ ждали грозы съ пріѣздомъ полицмейстера.

Вернувшись домой, фабрикантъ отдалъ приказаніе не распрягать лошадей и прямо направился въ свой кабинетъ. Проходя чрезъ столовую, онъ, уже безъ прежняго ужаса, взглянулъ на висѣвшую на стѣнѣ картину и даже на минуту остановился, всматриваясь въ страдальческое лицо изображенное на ней, но затѣмъ, какъ-бы вспомнивъ что то, торопливо вынулъ изъ кармана записную книжку и написалъ на одномъ изъ листковъ:—*„Не ищите бѣглеца.—Это такъ должно было быть.—Если будетъ нужно, принимаю отвѣтственность за побѣгъ на себя.“*

— Свези эту записку полицмейстеру.—Если надо, объѣзди весь городъ, но отдай ему самому въ руки,—отдалъ онъ приказаніе явившемуся на звонокъ слугѣ, и, по уходѣ его, погасилъ огонь и ушелъ въ спальню, гдѣ, не раздѣваясь, бросился въ постель и уснулъ тяжелымъ сномъ.

Въ эту ночь въ Л. не было голодныхъ.—Рабочіе, у которыхъ еще остались кой какія крохи, наперерывъ спѣшили подѣлиться ими съ своими неимущими товарищами, и всѣ разговѣлись, какъ въ былыя, лучшія для нихъ, времена.—И, кто знаетъ,—не была ли для нихъ эта ночь началомъ лучшей жизни, основанной по принципу—*каждый для всѣхъ и всѣ для каждого.*

Таинственнаго незнакомца больше никто никогда не встрѣчалъ въ городѣ; а исчезновеніе его изъ запертой секретной осталось навсегда тайной....

Библиографія.

Открытие Китая и др. странъ. Академика В. П. Васильева, съ портретомъ автора. Изданіе журнала „Вѣстникъ Всемирной Исторіи“. С-Пб. 1900 г.

Авторъ, нынѣ покойный, находитъ, что опека Европы надъ Азіей необходима.

Китай вовсе не боится образованія. Напротивъ, Китай нѣкогда самъ протягивалъ руки къ европейскому общечеловѣческому просвѣщенію. Не онъ ли съ такимъ уваженіемъ принималъ іезуитовъ—миссіонеровъ за ихъ знанія, не онъ ли жадно ловилъ каждое слово образованнаго европейца—монаха и спѣшилъ, съ свойственными обитателямъ его смѣтливостью и терпѣніемъ, примѣнить каждое ихъ слово къ дѣлу, не онъ ли стыдился сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Вошло въ пословицу: „отсталость Китая“, „неподвижность Китая“. Мало того: всклепали на китайцевъ, будто они не желаютъ общечеловѣческаго просвѣщенія, будто они глухи къ поучительному голосу Европы. Нѣтъ! китайскій народъ жаждетъ европейскихъ познаній, пресловутое китайское невѣжество не таково, какимъ огласили его іезуиты, а съ ихъ голоса и вся Европа. Было время, когда съ прибытіемъ въ Пекинъ іезуитскихъ миссіонеровъ началась для китайцевъ такая же реформа, какъ и у насъ въ дни Петра Великаго... Но не китайцы и даже не маньчжурское правительство виноваты въ томъ, что начавшееся дѣло просвѣщенія страны осталось безъ послѣдствій. Іезуиты до того надоѣли и китайскому правительству, и китайскому народу, что Китай, при всей неодолимой жаждѣ европейскаго просвѣщенія, изгналъ изъ своей страны провозвѣстниковъ его. Если бы тогда въ Китай явились не іезуиты, а люди, чуждые духу пропаганды, истинные проповѣдники науки, авторъ не думаетъ, чтобы въ эти два столѣтія, истекшіе послѣ появленія іезуитовъ на почвѣ Небесной имперіи, китайцы не догнали бы Европу. Если сами китайскіе императоры обращались какъ съ первыми своими вельможами съ западными пришельцами, въ которыхъ непріятно поражала ихъ чрезмѣрная заботливость объ ихъ частныхъ религіозныхъ институтахъ, то какъ бы они обращались съ людьми истинной науки, въ которыхъ бы ничто ихъ не шокировало? Утвердилась мысль, будто китайское правительство недоступно для европейцевъ. Это не правда. А хотя и есть доля правды въ томъ, что китайцы подозрительны и недовѣрчивы къ европейцамъ, такъ виноваты въ томъ не они, а іезуиты. Россія должна есте-

ственно покровительствовать этому направленію: въ томъ заключается ея несомнѣнный интересъ, такъ же, какъ ей не для чего полагать преграды и просвѣщенію своего сосѣда. О будущихъ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ нельзя судить по ничтожности настоящихъ, хотя это ничтожество и почитается уже значительной выгодой. Если мы воспользуемся всѣми выгодами, которыя безобидны для обоихъ государствъ, то мы никогда не возбудимъ претензій китайцевъ, какъ возбуждаютъ торговля опиумомъ или миткалями англичанъ. Безобидно для сосѣда пользоваться его выгодами—обязанность всякаго просвѣщеннаго государства. Имѣть съ одной стороны своей сосѣдкой Европу и съ другой такого сосѣда, какъ Китай, съ населеніемъ, по меньшей мѣрѣ, въ 400 милліоновъ, и обладать обширными странами, которыя могутъ удовлетворить требованіямъ и той и другой стороны, хотя бы въ нихъ былъ данъ всевозможный просторъ дѣятельности,—что можетъ лучше внушить миролюбивыя взаимныя связи?

Авторъ, однако, оправдываетъ войну съ Китаемъ во имя цивилизаціи: „да, представители образованнаго міра дѣйствовали подъ вліяніемъ глубокаго убѣжденія, добытаго всѣмъ человѣчествомъ—убѣжденія, перешедшаго изъ головы въ сердце. Иначе чѣмъ же объяснить всеобщія единодушныя рукоплесканія, которыя раздались во всей Европѣ при первой вѣсти о тянь-цзинскомъ мирѣ? Отчего же не раздавалось такихъ же единодушныхъ криковъ радости при полученіи вѣстей объ успѣхахъ англичанъ, подавившихъ индійское возстаніе? Оттого, что китайская война была ведена во имя просвѣщенія, а борьба англичанъ съ индусами происходитъ подъ знаменемъ корысти. Оттого, что китайская война была дѣломъ всего человѣчества, а индійская—частное дѣло Англіи, которому постороннія державы не сочувствуютъ и не могутъ сочувствовать. Повторяемъ, что война китайская была дѣломъ всего человѣчества: а потому благотворному исходу ея сочувствуетъ все человѣчество. Быть можетъ, Европа, сама того не зная, сдѣлала для Китая то, что, рано или поздно, китайскій народъ самъ бы вытребовалъ отъ своего правительства.

Вопросъ о способахъ водворять гуманность въ Китаѣ для г. Васильева не имѣетъ рѣшающаго значенія. „На грѣхъ мастера нѣтъ“. Человѣчество никогда не приходило къ свѣту, добру и правдѣ неуклонно прямымъ путемъ. Не бывало ему пути безъ сучка, безъ задоринки. Доказательство тому—исторія. Въ томъ или другомъ видѣ разольется въ Китаѣ просвѣщеніе, съ этимъ вопросомъ только связаны и тѣ частныя интересы, которыми руководствовались европейскія державы во время послѣдней войны и при заключеніи тянь-цзинскаго трактата.

Странно, однако, звучать въ устахъ автора мысли о необходимости обучать китайцевъ и военному искусству. Способны ли китайцы научиться военному искусству? Мы не будемъ говорить объ офицерахъ, для которыхъ требуется много свѣдѣній, но о солдатахъ. Солдату нужны только навѣкъ и проворство; но гдѣ солдатъ больше учится, чѣмъ въ Китаѣ. Для того, чтобы поступить въ солдаты, онъ выдерживаетъ экзаменъ, на которомъ на одну вакансію является часто до сотни искателей, и къ этому экзамену онъ приготавливаетъ себя съ дѣтства. И такъ перемѣните только требованія экзаменаторовъ, вмѣсто лука или сабли дайте въ руки китайскому солдату штуцеръ и, повѣрьте, онъ будетъ стрѣлять изъ него также мѣтко, какъ англійскій солдатъ. Говорятъ: китайцы трусы въ душѣ; но изъ чего это видно? Во всѣхъ схваткахъ съ европейцами видно было только незнаніе дѣла, неумѣніе, и даже удивительно еще, что при такомъ незнаніи дѣла китайцы оказывали большую храбрость, чѣмъ слѣдовало ожидать. Можетъ быть, ки-

тайцы никогда не будут мореходами, не сумеют создать флота. Но если и теперь на своих уродливых джонках они плавают по океану, то почему они не будут плавать на хорошо устроенных судах? Будут ли уметь они их делать сами. Но когда наш граф Путятин строил судно в Японии, то японские плотники оказались столярами, краснодеревцами; китайцы же не уступят в строительном искусстве японцам. Найдется ли в Китае лес? Но горы южных провинций покрыты драгоценным канфарным деревом, провинция Сы-Чжан может послать по Цзяну свои величественные кедры. Какая страна более выгодно расположена для мореплавания, как не Китай? Что касается до морской артиллерии, то нам кажется, что пушки стреляют, когда к ним приложат фитиль, не разбирая какая рука приложит его. — Белая или черная, европейская или китайская. Ну, что если Китай тогда подымет оружие против своих учителей, столь уважающих меч для целей цивилизации? Мнения г. Васильева достаточно разбиты нынешней Европейско-Китайской войной. Переверните любую газету и вы ужаснетесь от варварства (европейцев), которым дышат европейские приемы... Решения гаагской международной конференции, гласит протест французской рабочей партии, налагают на все подписавшиеся державы обязательство „не предавать разграблению даже город, взятый штурмом“, „обращаться гуманно с военно пленными“, „не наносить рань неприятелю, который, сложив свое оружие, или не имея больше средств защищаться, сдался на милость победителя“, „не объявлять, что никому не будет дано пощады“, „не атаковать и не бомбардировать незащищенных городов, сел, жилищ и зданий“. Как были осуществлены эти решения? Все взятые города преданы были разрушению и разграблению на целые месяцы, дни и недели; пленных либо разстреливали, либо закалывали штыками, либо убивали ударами прикладов. Даже неукрепленные города были преданы огню и мечу. Некоторые миссионеры составляли себе за несколько дней огромные состояния. В то время, как одни солдаты грабили, другие поднимали маленьких детей на концы своих пик, третьи насиловали женщин и потом убивали их; злодея сами сознаются в этом во множестве писем. В настоящее время готовится новая экспедиция в Шеньси т. е. новый повод к убийствам, грабежам и пожарам. Долг разумных людей — протестовать против продолжения войны. Посольства уже много месяцев находятся в безопасности и Китай давно просит мира.

Соединенные Штаты, Япония, Россия, Австрия и Италия выводят свои войска или готовятся их вывести. Почему же Франция, Англия и Германия упорно оставляют там свои? Для чего нужны все эти безпрестанные экспедиции во внутрь страны, если не для новых насильственных захватов? Китайцам приходится плохо, как бы себя они не вели. Если они протестуют против захватов, их за это наказывают и имущество их конфискуют. А если они не протестуют, на них смотрят, как на ничтожную величину, и их имущества снова конфискуются. Удивительно ли поэтому, — восклицает одна американская газета, — что переговоры не подвигаются вперед? Удивительно-ли, что дворь продолжается оставаться в Си-ань-фу вместо того, чтобы возвращаться в Пекин, где державы развертывают столь привлекательную картину западной цивилизации и правосудия? Можно положительно думать, что отказ держав передать китайский вопрос на решение беспристрастного суда вызван их нежеланием положить конец насилиям, разыгрывающимся в Пекине.

Спрашивается, можно ли говорить о цивилизирующемъ вліяніи Европы, которое сопровождается усиленіемъ ненависти къ жестокимъ цивилизаторамъ? Нѣтъ, средства борьбы не безразличны...

Если бы европейцы сѣяли только культуру, — они пожали бы благодарность; но они сѣяли смуту, — вызвали ненависть, а теперь, во имя мнимыхъ интересовъ цивилизаціи, жгутъ и рѣжутъ. Эхъ, бросьте крикливыя фразы!

Р. Л. Вейсманъ.

Открытие Юридическаго общества при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

8 апрѣля, въ актовомъ залѣ Томскаго университета, въ 1 часъ дня, состоялось торжественное публичное открытіе Юридическаго Общества въ присутствіи и. д. Томскаго губернатора барона Дельвига, попечителя Западнаго Сибирскаго учебнаго округа д. с. с. Л. И. Лаврентьева, супруги предсѣдателя Томскаго Окружнаго Суда г-жи Деппъ, начальника Томскаго Горнаго управленія д. с. с. Н. С. Боголюбскаго, многихъ профессоровъ университета, чиновъ судебного вѣдомства, адвокатуры, представителей мѣстной печати и многочисленной публики и студентовъ университета.

Торжество открылось чтеніемъ тов. секретаря об-ва помощ. присяж. повѣреннаго М. Н. *Вознесенскаго*, давшего обстоятельный очеркъ возникновенія Юридическаго Общества при Томскомъ университетѣ и сообщившаго, между-прочимъ, любопытныя свѣдѣнія объ юридическихъ собраніяхъ, существовавшихъ въ Иркутскѣ еще до введенія въ Сибири судебной реформы.

Сообщеніе г. Вознесенскаго было покрыто дружными, шумными рукоплесканіями.

Затѣмъ, на кафедру вошелъ, привѣтствуемый гуломъ аплодисментовъ, предсѣдатель Юридическаго О-ва профессоръ М. А. *Рейснеръ* и произнесъ рѣчь объ „основахъ современнаго правосознанія“, окончаніе которой, тоже, было покрыто рукоплесканіями, долго не смолкавшими.

Послѣ него товарищъ предсѣдателя Юридическаго О-ва товарищъ предсѣдателя Томскаго Окружнаго Суда В. А. *Шенингъ* сказалъ обстоятельную и прекрасно обоснованную рѣчь о значеніи практики судебныхъ мѣстъ для развитія права. Рѣчь его была также покрыта гуломъ рукоплесканій.

Далѣе — секретарь О-ва С. А. *Лаврентьевъ* прочелъ привѣтственные телеграммы и адреса отъ разныхъ лицъ и учрежденій

(въ томъ числѣ были телеграммы отъ Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ разныхъ юридическихъ обществъ, адресъ отъ Томскаго Общества попеченія о начальномъ образованіи и проч.), привѣтствовавшихъ новорожденное О-во. Чтеніе это было покрыто рукоплесканіями.

Затѣмъ, послѣдовалъ перерывъ на 10 минутъ и, по возобновленіи засѣданія, на кафедрѣ вошелъ членъ совѣта Ю—скаго О—ва членъ Томскаго Окружнаго Суда Д. Г. Безсоновъ и прочелъ рѣчь о задачахъ юридического общества въ связи съ недостатками судебного строя Сибири. Эта рѣчь, достойно покрытая гуломъ рукоплесканій, отличалась большой содержательностью и ярко обрисовывала нѣкоторые недостатки нашего судопроизводства и свидѣтельствовала о талантливости лектора. Послѣднимъ выступилъ на кафедрѣ бібліотекаръ Ю—скаго О—ва помощ. присяж. повѣрен. Р. Л. Вейсманъ и сдѣлалъ сообщеніе объ уголовномъ замѣстительствѣ по ученію Ферри (извѣстнаго ученаго криминалиста). Сообщеніе это, весьма подробно очертившее дебатированный вопросъ, вызвало одинаково шумныя и дружныя рукоплесканія.

Начало сдѣлано. Учрежденіе Юридическаго О—ва въ Томскѣ стало совершившимся фактомъ..

Пожелаемъ-же дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія народившемуся Обществу,—пожелаемъ, чтобы дѣятельность его была *живой*, направленной къ изслѣдованію такихъ вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ юридической наукой, которые выдвигаются на очередь самой жизнью и настоятельно требуютъ разсмотрѣнія и правильнаго освѣщенія.

Пожелаемъ также, чтобы О—во занялось и всестороннимъ изслѣдованіемъ юридическихъ обычаевъ сибирскихъ инородцевъ и привело эти обычаи и законы въ стройное цѣлое.

Здѣсь, въ Сибири, досихъ поръ еще дѣйствуютъ особые суды у инородцевъ и юрисдикція этихъ судовъ для нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ установлена довольно обширная. Суды эти, при разсмотрѣніи и рѣшеніи подсудныхъ имъ дѣлъ, руководствуются исключительно мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Область этого права, вообще, очень мало изслѣдована; есть и такіе инородческія племена, юридическіе обычаи которыхъ намъ почти вовсе неизвѣстны...

Между-тѣмъ, въ Западной и Восточной Сибири окружные суды для нѣкоторыхъ инородческихъ судовъ являются окончательной инстанціей; при чемъ окружные суды, разрѣшая жалобы на опредѣленія инородческихъ судовъ, обязаны руководствоваться исключительно *степными обычаями и законами* (III ст. 1 § Высочайше утвержден. мнѣніе Государств. Совѣта 13 мая 1896 г. и 758 ст. т. XVI ч. 2 „Законы о судопр. гражд.“).

Между-тѣмъ,—эти то обычаи и законы очень часто малоизвѣстны судьямъ, по неимѣнію печатныхъ матеріаловъ для ознакомленія съ ними, и суду приходится поэтому постановлять свое рѣшеніе иногда на основаніи только однихъ предположительныхъ выводовъ и положеній, слабо обоснованныхъ.

Но для новорожденного О—ва это—все задачи будущаго и будущее покажетъ, насколько дѣятельность его окажется плодотворной и не замкнутой; а пока—еще разъ привѣтствуемъ его учрежденіе и шлемъ ему всѣ лучшія пожеланія...

8 апрѣля 1901 г.

Редак.

Открытіе Томской биржи

15 апрѣля, въ воскресенье, въ залѣ мѣщанскаго общества, состоялось торжественное открытіе учрежденія, имѣющаго громадное значеніе для торговаго міра въ Сибири; а именно: открытіе биржи въ г. Томскѣ.

Къ 12^{1/2} часамъ дня въ помѣщеніе мѣщанскаго общества была привезена чтимая икона Иверской Божіей Матери, передъ которою преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, епископомъ томскимъ и барнаульскимъ, было совершено молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому и новымъ дѣятелямъ биржи. Передъ молебствіемъ преосвященный сказалъ прочувствованное слово. Затѣмъ, г. томскій губернаторъ, объявивъ томскую биржу открытою, провозгласилъ тостъ за драгоцѣнное здравіе Государя Императора, восторженно принятый присутствующими. Предсѣдатель Биржевого Комитета И. Е. Кухтеринъ провозгласилъ тостъ за Министра Финансовъ. Послѣ слѣдовали тосты за господина начальника губерніи, товарища министра финансовъ, преосвященнѣйшаго Макарія, предсѣдателя биржевого комитета И. Е. Кухтерина и проч. Объ открытіи дѣйствій томской биржи было донесено министру финансовъ телеграммою слѣдующаго содержанія: „Сегодня послѣдовало торжественное открытіе Томской биржи, о чемъ Биржевой Комитетъ считаетъ долгомъ донести Вашему Высокопревосходительству и вмѣстѣ съ симъ принести глубочайшую благодарность Биржевого общества за исходатайствованіе Высочайшаго Соизволенія на открытіе биржи“. Такого-же содержанія телеграмма была послана товарищу министра финансовъ тайн. сов. Владиміру Ивановичу Ковалевскому.

На открытіи присутствовали: начальникъ томской губерніи князь С. А. Вяземскій, вице-губернаторъ баронъ Дельвигъ, управляющій томскою казенною палатою И. Н. Хроновскій, томскій городской голова А. П. Карнаковъ, гласные думы, представители мѣстнаго купечества, сословій, печати и пр.

Теперь въ составъ биржи входятъ слѣдующія лица: Предсѣдатель Биржевого Комитета—Иннокентій Евграфовичъ *Кухтеринъ*. Старшины: Никонъ Александровичъ *Молчановъ*, Николай Васильевичъ *Тряпичинъ*, Владиміръ Александровичъ *Гороховъ*, Антонъ Казиміровичъ *Маньковскій*, Яковъ Ивановичъ *Мошкинъ*, Михаилъ Ѳедоровичъ *Сапожниковъ*. Секретарь—Семенъ Петровичъ *Абрамовъ*.

18 апрѣля Предсѣдатель Биржевого Комитета И. Е. Кухтеринъ получилъ на свое имя слѣдующую отвѣтную телеграмму отъ Его Выс—ства министра финансовъ: „Томскъ, Предсѣдателю Биржевого Комитета Кухтерину. Прошу Васъ принять и передать старшинамъ и всему биржевому обществу мою признательность за телеграмму по поводу открытія Томской биржи, которой искренно желаю плодотворной дѣятельности. Статсъ-Секретарь Витте“.

Въ этомъ же родѣ получена телеграмма и отъ товарища министра финансовъ тайн. сов. В. И. Ковалевскаго.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Н. Эвристему, Красноярскъ. Въ стихахъ несоблюденъ размѣръ. Помѣщены не будутъ.

И. К—у, Олекминскъ. Вамъ послано письмо съ изложеніемъ условій. Ждемъ отвѣта. Иначе возвратимъ рукописи.

Подписчику г. *Ѳ. П. Фокину*, Джаркентъ. Все вамъ послано. Если не получили, снова просимъ увѣдомить.

А. Голодникову, Красноярскъ. Просимый вами гонораръ давно высланъ на имя указаннаго вами лица.

А. А. Скорох—дову, Томскъ. Ваша статья будетъ помѣщена въ майской книжкѣ.

Вышла МАРТОВСКАЯ (третья) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

СОДЕРЖАНІЕ:

I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частяхъ — П. Д. Боборыкина (продолженіе). II) Съ разныхъ дорогъ. Новелла Эммы Ожешковой. Перъ съ польск. В. М. Л. III) Башкирскія скачки. — Н. Крашенинникова. IV) Изъ современной хроники Ром. Густава Вида (Перъ съ датск.) — А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. V) Разказы о прошломъ. Изъ автобіографіи моего пріятели С. Я. Елпатьевскаго. Продолженіе. VI) Штернштейнгофъ. Деревенская повѣсть Людвигъ Анценрубера. Перъ съ нѣм. — Л. И. К. — нъ. Продолженіе. VII) А. Н. Островскій въ кружкѣ молодого москвитянина — О. О. Нелидова. VIII) Возрастъ земли. — А. П. Соколова. IX) Рабочій вопросъ въ помѣщичьихъ вожделѣніяхъ — А. В. Еропкина. Окончаніе. X) Лѣто на Кавказѣ. — М. Б. XI) Успѣхи нервной терапіи въ концѣ XIX вѣка и ея ближайшія задачи. — Л. С. Минора. XII) Французскій критикъ о „Воскресеніи“ Л. Н. Толстого Т. Г. XIII) Неизвѣстный пѣвецъ народнаго горя. (Поэтъ — крестьянинъ Гервасій Псальмовъ † 2 Октября 1900 г.). А. И. Яцимирскаго. XIV) Національный вопросъ въ XIX в. (Изъ политическаго наслѣдства прошлаго столѣтія. — В. А. Гольцева. XV) Александръ Яковлевичъ Конисскій. (Некрологъ). Л. Ч. XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVII) Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. XVIII) Письма о современномъ искусствѣ „Михаилъ Крамеръ“, драма Гергарта Гауптмана. — Я. А. Ф.—ана. XIX) Библіографическій отдѣлъ. XX) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи 12 м 12 р., 9 м. — 9 р., 6 м. — 6 р., 3 м. — 3 р., 1 м. — 1 р. За границу 12 м. — 14 руб., 9 м. — 10 р. 50 к., 6 м. — 7 р., 3 м. — 3 р. 50 к., 1 м. — 1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля, 1-го Октября — 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ Контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ въ к-рѣ журнала Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, кв. 10; въ СПб. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Бракгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

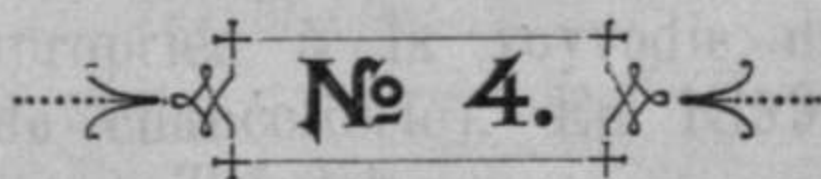
Редаторъ-Издатель В. М. Лавровъ.

ITINÉRAIRE

A TRAVERS LA SIBÉRIE

ET LA RUSSIE D'ASIE.

(DOUZE FOIS PAR AN).

TOMSK.

Typo-Lithographie P. J. Makouschine.

1901.

COMMUNICATION PAR EAU DE LA SIBÉRIE.

Sur les rivières de bassin de l'Obi pour se rendre aux villes et villages situés sur leurs bords.

(Suite. — Voir les livres I—III de l'année courant de l'Itinéraire)

En 1610, en raison, des inconvénients absolus que présentait cet endroit exposé aux forts inondations du printemps, le village fut transporté sur un cap escarpé la rive droite de l'Irtiche. Ce village, même après qu'il eût reçu le nom de ville, ne fut pas affligé une seule fois par les invasions des indigènes environnants, mais en revanche il souffrit beaucoup des inondations et des incendies qui causèrent de grands dommages aux habitants. Ainsi en 1788, survint un incendie pendant lequel brûlèrent 9 églises, un monastère, un séminaire, et 1100 maisons de citoyens, et en 1757, 817 bâtiments différents devinrent la proie des flammes. D'après ces données on voit que Tobolsk était déjà très peuplé alors, ce qui dépendait de l'importance administrative qu'elle avait acquise. Lors de sa fondation, la ville fut soumise à la juridiction des voyvodes de Tiumègne. Mais en 1590, on nomma le prince Koltzoff-Mossalski pour gouverner la ville, qui depuis ce temps devint indépendante et plus tard joua le rôle de capitale de toute la Sibérie; en 1696, le sceau de l'empire Sibérien fut appropriée à la voyvodie de Tobolsk (au lieu de l'ancien sceau de chancellerie). En 1859, l'inondation fut particulièrement forte à Tobolsk.

En 1782, lors de l'inauguration de la lieutenance de Tobolsk, dans une maison nouvellement bâtie et adaptée à cet effet, il y avait une salle particulière richement tapissée dans laquelle se trouvait le trône de l'Impératrice Catherine II et aussi ses portraits et ceux de toute la famille impériale jusqu'à 1824, ce fut à Tobolsk que résida l'administration principale de la Sibérie occidentale et cette ville devint la résidence des gouverneurs-

généraux de la Sibérie occidentale. En 1824 l'administration fut transférée dans la ville d'Omsk et en même temps la direction de la principale route postale Sibérienne fut changée, et Tobolsk se trouve à l'écart. Cette dernière circonstance influa surtout particulièrement sur l'état économique de Tobolsk et son importance diminua. Cependant, encore dans le siècle passé, Tobolsk pouvait se nommer une ville florissante. Ainsi en 1772, l'académicien Falk la visita et y trouva 2 monastères, 12 églises en pierre, une maison archiépiscopale, un arsenal, une pharmacie, 27 cabarets, 2 gostinnii dwor, possédant 65 boutiques, jusqu'à 2274 maisons de citoyens et plus de 14,000 habitants de population russe. La corporation locale des marchands, outre qu'elle fournissait aux habitants toute espèce de comestibles et de denrées, faisait un commerce considérable de marchandises européennes, dont on s'approvisionnait aux foires d'Irbite et de Nijni-Nowogorod, et de Tobolsk ces marchandises se répandaient par toute la Sibérie.

Tous les endroits dignes d'attirer l'attention du voyageur, se trouvent dans sa partie élevée, où jadis, avant la fondation de Tobolsk et la conquête de la Sibérie, se trouvait la tente des Khans sibériens. Ce qui attire tout d'abord l'attention, c'est le Kremlin situé sur la montagne et entouré d'une muraille avec une grande tour en pierre et portant le nom de tour suédoise, attendu que la muraille et la tour avaient été construites selon les ordres du premier gouverneur-général de Sibérie, le prince M. P. Gagarine, par des suédois prisonniers envoyés là après la fameuse bataille de Poltava.

Sur la montagne se trouvent les tribunaux, la maison archiépiscopale, et une très ancienne cathédrale portant le nom de Ste Sophie, avec une remarquable sacristie où l'on conserve une foule d'objets antiques, présents des tsars moscovites. La sacristie est accessible au public d'après une autorisation formelle.

Dans cette cathédrale, une image de Ste Sophie de l'époque de la première moitié du XVIIe siècle, mérite l'attention ainsi qu'une autre représentant Jean IV le Terrible. Il y a en tout 28 églises orthodoxes à Tobolsk. Parmi celles, il faut aussi mentionner les cathédrales de la Trinité et celle de l'Assomption où est enseveli le métropolite de Sibérie Ioann (Maksimovitsch) et les églises de St Nicolas et de l'Epiphaine, dont l'architecture est très ancienne. Il y a aussi dans la ville un monastère pour hommes de l'Apparition de la Croix, le plus antique de tous ceux

de la Sibérie. Il est situé sur le bord de l'Irtiche à l'embouchure de la petite rivière Abramowka. Il contient environ 10 hommes.

Près de la maison de l'archevêque, il y a une petite chapelle sur laquelle était suspendue jusqu'au 1893 la cloche exilée d'Ouglitsch que l'on sonna pour donner l'alarme lors de l'assassinat du prince impérial Dimitri, Boris Godounoff châtiant la révolte des habitants d'Ouglitsch, ordonna de châtier cette cloche au moyen du Knout, de lui couper une oreille et de l'exiler en Sibérie.

En 1893 la cloche fut, par ordre du Souverain réintégrée à Ouglitsch. Le musée de Tobolsk possède une copie exacte de cette cloche, en papier mâché. Son poids était de 19 poudes $1/2$.

Le musée qui se trouve von loin sur la montagne, fait l'orgueil de Tobolsk. Ce qui est le plus précieux, c'est la bibliothèque, riche en oeuvres ayant rapport à la Sibérie. C'est surtout grâce aux soins du bibliothécaire du musée, C. N. Mamiéeff et à ceux d'un voyageur I. K. Goloubeff, que la bibliothèque a été aussi bien composée. Le musée est accessible au public en tout temps pour un prix très minime. Il se trouve à l'entrée du jardin de Ermak, dans un bel édifice en pierre à un étage. La collection du musée mérite une attention spéciale. Ainsi, la section archéologique contient une riche collection d'objets en bronze, fort intéressants par leur ancienneté et leur originalité. La section ethnographique du musée contient presque tout ce qui caractérise les indigènes septentrionaux du gouvernement de Tobolsk, les ostiaques et les samoièdes. La section historique naturelle n'est pas grande, mais elle possède aussi des choses intéressantes et précieuses. Le musée est placé sous la très haute protection de sa Majesté l'Empereur.

Dans un petit hangar en bois, joliment construit et attenant au musée, on conserve le grand canot dans lequel la rivière Irtiche fut traversée par des d'augustes personnages: Alexandre II en 1837, alors qu'il n'était encore qu'héritier du trône, et le Grand Duc Vladimir Alexandrowitsch, en 1868.

A l'autre extrémité du même jardin, sur le cap Tchoukma-se trouve le monument élevé à Ermak, le conquérant de la Sibérie. Ce monument présente un obélisque de marbre, haut d'environ 7 sagènes, reposant sur une pyramide carrée, sur les côtés de laquelle sont gravés les inscriptions suivantes. Sur le côté occidental: Au conquérant de la Sibérie, Ermak. Sur le côté

oriental: érigé en 1839. Sur le côté méridional: 1581. Le monument mérite d'être traité avec plus d'égards de la part de la ville: l'obélisque lui même ainsi que sa base, est couvert de crevasses, d'où se détachent des fragments, insignifiants pour le moment. L'enceinte qui entoure le monument et qui est formée de briques, s'est écroulée par endroits.

Auprès du square de la rue Blagowiéschtschenskaïa, où est construite une chapelle en l'honneur de l'Empereur Alexandre II et en son souvenir, sont placée jusqu'à 100 canons obusiers envoyés pendant le règne de l'empereur Paul I dans les forteresses des frontières. et par suite de la mort de le monarque en 1800, arrêtés en chemin et restés à Tobolsk.

Il y a à Tobolsk 28 églises orthodoxes, dont 11 particulières, une église catholique romaine, 1 synagogue juive, une pharmacie, 3 typographies, plusieurs photographies, une librairie (de Soukhannoff) un magasin de livres. une bibliothèque publique, un mont de piété de la ville, 2 banques. une banque sociale de la ville, fondée en 1866, et une section de la banque de l'Etat. Il y a plus de 20 établissements d'instruction. Nous mentionnerons parmi eux, le gymnase pour hommes, l'école pour femmes, appelée Mariïnskaïa, le séminaire ecclésiastique, (avec une école modèle) l'école du district, deux écoles cléricales, pour hommes et pour femmes, l'école des sages-femmes de village, l'école pour vétérinaires et aides-chirurgiens, trois asiles pour enfants des deux sexes, l'école des métiers, les cours de chants d'église pour maitres et maitresses des écoles d'églises paroissiales du diocèse de Tobolsk. Malheureusement la plupart de ces établissements sont situés dans la partie basse, la plus malsaine de la ville. Tobolsk abonde en différentes sociétés de bienfaisance et autres.

A Tobolsk, outre les prisons du gouvernement, il y a aussi des prisons pour forçats. D'après l'initiative de la baronne O. V. Fredericks femme de l'ancien vice-gouverneur de Tobolsk, une bibliothèque a été organisée pour la 2e prison pour forçats, première bibliothèque dans ce genre en Sibérie. Dans la 1re prison pour forçats, on a organisé une fabrique de drap, grâce aux soins de l'ancien gouverneur de Tobolsk, N. M. Bogdanowitsch. Les travaux des forçats de cette prison ont paru à l'exposition de toutes les Russies. en 1896 à Nijni-Nowogorod, et ont attiré l'attention tant par leur bon marché que par leur bonne qualité. A Tobolsk les organes de la presse sont suivants: „La feuille Sibérienne“, gazette particulière, portant surtout un

caractère économique commercial, les nouvelles du diocèse de Tobolsk, les nouvelles du gouvernement de Tobolsk dont la partie non officielle était étendue au paravant, rédigée avec talent et donnait une foule de renseignements intéressants sur la province, mais depuis 1898 cette édition est interrompue, et maintenant avec les nouvelles du gouvernement de Tobolsk. ce n'est qu'une ou deux fois par mois que paraît la section de l'industrie agricole et de l'industrie buissonnière, édition rédigée par l'agronome du gouvernement, Mr Salogoub, et l'annuaire du musée du gouvernement de Tobolsk. Il y a à Tobolsk 13 médecins, trois vétérinaires, plusieurs aides-chirurgiens, plusieurs sages-femmes, 1 hôpital de la ville, 1 un lazaret militaire, il y a aussi des infirmeries pour les prisons et certains établissement d'instruction, et aussi une clinique vétérinaire dépendant de cette école. Il s'y tient une foire, appelée Mikaïlowskaïa, depuis le 1^r novembre jusqu'au 1^r décembre. Ses opérations ne sont cependant pas considérables et ne dépassent guère 50 mille roubles. La marchandise principal qu'on y vend, ce sont des manufactures. Il y a 8 fabriques et un moulin à froment.

A Tobolsk réside l'évêque portant le titre d'évêque de Tobolsk et de Sibérie. Auparavant, toute la Sibérie entraît dans le rayon de la juridiction de la chaire épiscopale de Tobolsk.

(La suite au prochain numéro).

COMPLÉMENT.

Dans le livre présent nous plaçons les vues suivantes: 1) *Un Jakoute* portant un bateau fait d'écorce de bouleau, appelé chez eux „wiétka“ (branche); 2) *Un urasse*, ancienne habitation des Jakoutes, quelque chose dans le genre d'une tente; 3) *Des Jakoutes* chiffonnant un cuir non tanné, et l'un d'eux chassant les écureuils, et 4) *Un temple* d'idoles chinoises.

Les Jakoutes habitent le gouvernement de ce nom. situé entre le 54° et le 73° de latitude nord, et le 73° et le 141° de longitude est, depuis l'île de Ferro. On en compte jusqu'à 235,990 âmes des deux sexes. Ils parlent une langue particulière. Présentement ils sont presque tous chrétiens.